

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024 Том 7 № 1

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Станис Дарья Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент РУДН, Москва,
Российская Федерация,
dariona@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Майтдинова Гюзель Майтдиновна
доктор исторических наук, профессор
РТСУ, Душанбе, Республика
Таджикистан
guzel-maitdinova@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Енокян Артем Вачаганович
к.и.н., старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
yenoqyan.artiom@mail.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом, Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток», Москва, Российская Федерация

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Губайдулина Мара Шаукатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, директор Центра германских исследований, Казахского национального университета НУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, профессор департамента международных отношений факультет мировой экономики и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – исследовательский университет (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Пархитьо Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент Eurocontinent (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, университета Жана Мулена (Лион), профессор геополитики в ISSEP (Лион), Французская Республика

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»; главный редактор «Журнала политических исследований» Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Журнал включен в список ВАК РФ от 22 октября 2021 г.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривосточных процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2023 г., следующий:

№ 1 2024	Номер не тематический	до 10.01.2024 г.
№ 2 2024	Молдова в мировой политике и международных отношениях	до 10.02.2024 г.
№ 3 2024	Номер не тематический	до 10.03.2024 г.
№ 4 2024	Прибалтийские государства в региональных процессах	до 10.04.2024 г.
№ 5 2024	Номер не тематический	до 15.05.2024 г.
№ 6 2024	Деятельность зарубежных НПО/НКО на постсоветском пространстве	до 15.09.2024 г.
№ 7 2024	Номер не тематический	до 15.10.2024 г.
№ 8 2024	Таджикистан в мировой политике и международных отношениях	до 15.11.2024 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2023 VOLUME 7 No. 1

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Daria V. Stanis

PhD in Economy, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
dariona@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Guzel M. Maitdinova

Doctor in History, Professor,
RTSU University,
Tashkent, Republic of Tajikistan,
guzel-maitdinova@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Artyom V. Yenoqyan

PhD in History, Senior Lecturer
RUDN University,
Moscow, Russia,
yenoqyan.artyom@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia

Archana Upadhyay, PhD in Political Sciences, Professor, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Avatkov Vladimir Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Head of the Department, Middle and Post-Soviet East, Chief Editor of the journal "Near and Post-Soviet East", Moscow, Russian Federation

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education National Research University Higher School of Economics – Research University (HSE), Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Dean of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for Scientific Work of the Moscow State Regional University (MSOU); Editor-in-Chief of the "Journal of Political Studies" Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maitdinova Guzel Maitdinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), Director of the Centre for Geopolitical Studies of the RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economics, Professor of the MFI Department of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Dean of the Faculty of Practical Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Wolde Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in Geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), Associate Professor at Lyon III University, Jean Moulin University (Lyon), Professor of Geopolitics at ISSEP (Lyon), French Republic

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

The journal is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of October 22, 2021.

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

The official website of the magazine: <https://www.postussr.org>

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2023 will deal with the following issues:

№ 1 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.01.2024
№ 2 2024	Moldova in world politics and international relations	until 10.02.2024
№ 3 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.03.2024
№ 4 2024	Baltic states in regional processes	until 10.04.2024
№ 5 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.05.2024
№ 6 2024	Activities of foreign NGOs/NPOs in the post-Soviet space	until 10.09.2024
№ 7 2024	The magazine issue is not thematic	until 10.10.2024
№ 8 2024	Tajikistan in world politics and international relations	until 10.11.2024

Manuscript submission rules are posted on the journal website. <https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

- Аватков В.А., Ерманалиева А.Р.** Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции.....9
- Бахромзода Т.З., Рахимов К.Х.** Молодежная политика в Республике Таджикистан.....20
- Ибадов Н.В.** Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе.....32
- Искандаров К., Назаров У.** О методологии исследования интеграционных процессов в Центральной Азии в третьей декаде XXI века.....40

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

- Лапенко М.В., Сердюков И.А.** Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб-сайтов политических партий.....50

РОССИЯ

- Мизин В.И.** Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе.....61
- Абдулаева И.А.** Суфизм в системе международных связей (на примере Республики Дагестан).....79
- Исраилов А.Х.** Особенности формирования чеченской диаспоры и политическая роль мухаджиров в Османской империи 1864-1917 гг.....87

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Савин Л.В.** Российская школа арабистики и ее преимущества по сравнению с англо-американской.....97

РЕЦЕНЗИЯ

- Курылев К.П.** Рецензия на книгу: Ш. Ризоёна, М. Гиёсова. Афганистан до и после возвращения Талибан. Душанбе: Дониш, 2023. 508 с.....104

Contents

CENTRAL ASIA

- Avatkov V.A., Ermanalieva A.R.** Kazakhstan as the Center of Interests Clash Among Global Players in the Post-Soviet Space: Russia, China, the United States, and Turkey.....9
- Bahromzoda Z.T., Rakhimov K.Kh.** Youth policy in the Republic of Tajikistan20
- Ibadov N.V.** Realisation of Turkey's soft power concept in the Turkic region32
- Iskandarov K., Nazarov U.K.** On the methodology for studying integration processes in Central Asia in the third decade of the XXI century..... 40

EURASIAN INTEGRATION

- Lapenko M.V., Serdyukov I.A.** Russian political agenda on Eurasian integration: quantitative analysis of the political parties' websites.....50

RUSSIA

- Mizin V.I.** Russia's possible scenarios for the future security architecture in Europe.....61
- Abdulaeva I.A.** Sufism in the system of international relations (based on the example of the Republic of Dagestan).....79
- Israilov A.H.** Chechen Diaspora Formation and Political Role of Muhajirs in the Ottoman Empire, 1864-1917.....87

POINT OF VIEW

- Savin L.V.** The Russian School of Arabic Studies and its advantages in comparison with the Anglo-American.....97

REVIEW

- Kurylev K.P.** Book review: Sh. Rizoena, M. Giyasova. Afghanistan before and after the return of the Taliban. Dushanbe: Donish, 2023. 508 c.....104

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ / CENTRAL ASIA

Научная статья / Research article

Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции

В. А. Аватков

ИНИОН РАН, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>; e-mail: v.avatkov@gmail.com

А. Р. Ерманалиева

ИНИОН РАН, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8524-0141>; e-mail: lonny.bin21@mail.ru

Аннотация. В условиях глобальных трансформаций постсоветское пространство стало главной ареной для противостояния основных сил - России, Китая, США и Турции. Казахстан, как стратегически важное звено в постсоветском пространстве, привлекает внимание основных мировых игроков по ряду причин. Во-первых, его географическое положение страны. Казахстан является перекрестком множества транспортных и логистических маршрутов, связывающих Восток и Запад. Важно также отметить, что Казахстан обладает значительными запасами нефти, газа, урана и других природных ресурсов, что делает его значимым для государств, заинтересованных в обеспечении своих энергетических потребностей. Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа стратегий ключевых игроков в отношении Республики Казахстан. Авторы стремятся выявить уникальные подходы каждого из этих государств и оценить их влияние на региональные процессы. Особое внимание уделяется роли каждого участника в международной политике и их взаимодействию с государством постсоветского пространства. Анализируются не только декларированные стратегии, но и практические шаги, предпринимаемые региональными и внерегиональными акторами для достижения своих политических, экономических и военных целей в Казахстане. В ходе исследования выявлено, что КНР нацелен на обеспечение доступа к энергетическим ресурсам и защиту приграничных территорий, в то время как Россия ориентируется на сохранение исторических связей, обеспечение региональной безопасности, развитию связей в сфере экономики, культуры и образования. Политика США в Казахстане определяется стремлением контролировать энергоресурсы, противоборством с КНР, а также сдерживанием интеграционных процессов вокруг России. Турецкая стратегия направлена на воздействие на этнический и идеологический факторы, делая акцент на идее «тюркского единства». Становится очевидным, что влияние каждой из стран на Казахстан формируется через различные инструменты и методы. Важно отметить, что действия глобальных акторов оказывают прямое воздействие на внутривнутриполитические, экономические и социокультурные процессы в Казахстане.

Ключевые слова: постсоветское пространство, региональная безопасность, Средняя Азия, Россия, Казахстан

Для цитирования: Аватков В. А., Ерманалиева А. Р. Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):9-19.

Kazakhstan as the Center of Interests Clash Among Global Players in the Post-Soviet Space: Russia, China, the United States, and Turkey

Vladimir A. Avatkov

INION RAN, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6345-3782>; e-mail: v.avatkov@gmail.com

Aida R. Ermanalieva

INION RAN, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8524-0141>; e-mail: lonny.bin21@mail.ru

Abstract: Abstract: In the era of global transformations, the post-Soviet space has emerged as the primary arena for the confrontation among major powers - Russia, China, the United States, and Turkey. Kazakhstan, strategically pivotal within the post-Soviet domain, garners attention from major global players for several reasons. Firstly, its geographical position renders Kazakhstan a crossroads of numerous transportation and logistical routes bridging the East and the West. Additionally, Kazakhstan boasts significant reserves of oil, gas, uranium, and other natural resources, making it a significant player for states seeking to secure their energy needs. The objective of this article is to conduct a comparative analysis of the strategies of key players concerning the Republic of Kazakhstan. The authors seek to identify the unique approaches of each of these states and evaluate their impact on regional processes. Particular attention is paid to the role of each participant in international politics and their interaction with the post-Soviet state. The analysis encompasses not only declared strategies but also practical measures undertaken by regional and non-regional actors to achieve their political, economic, and military objectives in Kazakhstan. Throughout the study, it was found that China is focused on securing access to energy resources and protecting border territories, while Russia is oriented towards maintaining historical ties, ensuring regional security, and fostering connections in the fields of economy, culture, and education. US policy in Kazakhstan is shaped by a desire to control energy resources, counter Chinese influence, and restrain integration processes around Russia. The Turkish strategy aims to influence ethnic and ideological factors, with an emphasis on the idea of «turkic unity». It becomes evident that the influence of each country on Kazakhstan is shaped through various instruments and methods. It is important to note that the actions of global actors have a direct impact on internal political, economic, and socio-cultural processes in Kazakhstan.

Keywords: post-Soviet space, regional security, Central Asia, Russia, Kazakhstan

For citation: Vladimir A. Avatkov, Aida R. Ermanalieva Kazakhstan as the Center of Interests Clash Among Global Players in the Post-Soviet Space: Russia, China, the United States, and Turkey // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):9-19. (In Russ.)

Распад СССР, будучи масштабной геополитической катастрофой, не привел к разрушению других ключевых элементов и связей в системе международных отношений. Тем не менее, он оказал существенное воздействие на расстановку сил на мировой арене и вызвал трансформацию всех основных факторов системы [Аватков 2023: 5]. Крах биполярной системы, основанной на противостоянии между СССР и США, привел к возникновению нового политического порядка, где региональные и

внерегиональные акторы стремятся укрепить свое влияние на постсоветском пространстве. Для постсоветских государств ключевым вызовом становится формирование собственной идентичности в новой реальности [Притчин 2019: 90].

Республика Казахстан в современных реалиях стала ареной для продвижения собственных интересов со стороны крупных мировых акторов. Будучи членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Казахстан является

одним из ключевых союзников России на постсоветском пространстве. Одновременно с этим, обладая выгодным географическим положением, он представляет собой основу для сопряжения логистических коридоров и осуществления крупных экономических проектов России, Китая, США и Турции.

Несмотря на проводимый Астаной многовекторный внешнеполитический курс и попытку балансировать между крупными игроками, западные страны, преимущественно США, пытаются вытеснить из страны российское влияние. Стоит отметить, что упрочение связей с западным миром может привести к дальнейшему укреплению Казахстана в роли антироссийского и антикитайского плацдарма. Укрепление позиций американского правительства в среднеазиатском регионе представляет для РФ потенциальную угрозу с экономической и политической точки зрения.

В рамках внешнеполитической концепции Казахстана на 2020–2030¹ гг. была впервые указана цель установления статуса «ведущего государства в регионе» вместо предыдущей – внутрирегиональной интеграции в Среднюю Азию². Принцип многовекторности создает сложности в поддержании баланса между крупными геополитическими игроками, каждый из которых действует в соответствии своих национальных интересов.

Стратегия США в Казахстане

Стратегия Вашингтона в отношении Казахстана в основном определяется противоборством с Москвой и Пекином, которые препятствуют его усилиям контролировать региональные энергетические ресурсы и направлять их развитие в пользу интересов США. В ответ на действия ШОС и ОДКБ Соединённые Штаты пытаются привлечь страны Средней Азии в сферу своего влияния, предлагая

создание организации "государств Шелкового пути" под своим патронатом в регионе. Предполагалось создание Великого Шелкового пути с построением коридора из Афганистана в обход России и Китая, чтобы перенаправить региональные энергетические ресурсы в Индию, Японию и Южную Корею. Однако в 2021 г. реализация этой идеи стала маловероятной после того, как американские войска и проамериканские силы в Исламской Республике Афганистан были выведены, и власть перешла к талибам [Морозов, Батюк 2022: 171].

Политика США по отношению к Средней Азии трансформировалась в течение времени. В 1990-х гг. приоритет был отдан отношениям с Россией, а Средняя Азия воспринималась как «задний двор» Российской Федерации [Казанцев 2012: 156]. Стоит подчеркнуть, что в тот период у американского правительства отсутствовала какая-либо четкая стратегия по отношению к странам постсоветского пространства, за исключением России, к которой было уделено особое внимание.

В Вашингтоне возникали опасения относительно ядерного потенциала новых независимых государств, особенно в связи с наличием ядерного оружия на территории Казахстана после распада СССР. Это являлось потенциальной угрозой для США из-за возможности превращения страны в «исламскую атомную бомбу», что могло затруднить интеграцию американских интересов [Казанцев 2012: 156]. Так в 1992 г. США и Россия добились подписания Казахстаном Лиссабонского протокола к договору СНВ-1.

Официально о необходимости наращивания отношений с Республикой Казахстан упоминается единожды в Стратегии национальной безопасности США 2022 г.³, где особое внимание уделяется региональной энергетической безопасности.

¹ Концепция внешней политики Республики Казахстан 2020-2030 гг. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody

² О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014 – 2020 гг. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2014-2020-gody

³ The Biden-Harris Administration's National Security Strategy. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/?_gl=1*1vldjvd*_gcl_au*NjU3Nzg5OTA1LjE3MDU5MTc3ODY

При изучении политики США по отношению к Казахстану необходимо рассмотреть ее через призму исторической тенденции Вашингтона к активному вмешательству в регионы, обладающие богатыми природными ресурсами, к примеру в Афганистан и Ирак.

Очевидно, что ключевым аспектом в политике США по отношению к Казахстану является энергетический вопрос, который выражает стремление американского правительства обеспечить надежные источники энергии для поддержания своей экономической и геополитической стабильности. Казахстан обладает значительными запасами нефти, газа и урана, делая его важным игроком в мировой энергетике. Нефтяные ресурсы составляют 90,5 млн баррелей, газа - 3,9 трлн куб. м, с основными месторождениями, такими как Тенгиз, Кашаган и Карачаганак. Казахстан также лидирует в мире по переработке урана. Стоит также отметить, что Казахстан занимает 2-е место в мире по запасам урана и 1-е по его переработке¹.

Ключевые инвестиции в энергетические проекты, такие как расширение энергетических инфраструктурных объектов и транспортных маршрутов, таких как Транскаспийский международный транзитный коридор (ТМТМ) – маршрута в обход России, связывающего Китай со странами Европы через Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан и Грузию, отвечают интересам США в регионе².

Важным элементом стратегии США в Средней Азии является целенаправленная поддержка вооруженных сил Республик, их снабжение и подготовка в соответствии с американскими стандартами, чтобы подготовить их к совместным миротворческим миссиям с НАТО. Результаты этой деятельности были продемонстрированы в ходе многонациональной операции

«Несокрушимая свобода» в Афганистане, в которой принимали участие как подразделения альянса, так и казахстанский батальон «Казбат» [Морозов, Батюк 2022: 172].

Другим ключевым моментом в политике США стал поиск путей укрепления государственности и независимости стран Средней Азии. В этом плане ставка делалась на формирование новой региональной структуры, в рамках которой новые государства имели бы возможность «сами сделать выбор». При этом подразумевалось, что этот выбор будет прозападным. [Казанцев 2012: 158].

Во время президентства Б. Клинтона американская сторона начала активно продвигать «демократические ценности» в Среднюю Азию, а во время правления Дж. Буша-младшего было увеличено финансирование неправительственных организаций (НПО), активно действующих в регионе [Силаков 2021: 119]. Эта политика привела к активизации проамериканских оппозиционных сил в среднеазиатских странах и стала предпосылкой для возникновения так называемых «цветных революций» в регионе.

Проявление определенных характерных черт, свидетельствующих о возможной «цветной революции», наблюдались в ходе событий января 2022 г. в Республике Казахстан, когда мирные протесты в Жанаозене переросли в массовые вооруженные столкновения по стране. Недовольства, начавшиеся на западе Казахстана в начале 2022 г. возникли из-за цен на газ, однако, после того как власти пошли навстречу требованиям протестующих, в стране «как по единой команде» прокатилась волна массовых беспорядков, начались синхронные нападения на здания властей, стратегические объекты, банки и телеканалы, захватывали аэропорт города Алма-Аты³, перекрывались автомобильные и железные дороги.

¹ Данные с сайта Kazakh invest. URL: <https://invest.gov.kz/ru/doing-business-here/regulated-sectors/mmc/>

² Глава МАП: Роль Транскаспийского коридора растет на фоне кризиса в Красном море. URL:

<https://rg.ru/2024/01/18/rol-transkaspiskogo-koridora-rastet-na-fone-krizisa-v-krasnom-more.html> (дата обращения: 21.12.2023)

³ Захват аэропорта Алма-Аты связали с прилетом в Казахстан боевиков. URL:

Январские события не обошлись без жертв, особенно стоит отметить тот факт, что несколько сотрудников правоохранительных органов были жестоко обезглавлены¹.

Президент К.-Ж. Токаев заявил, что события января 2022 г. были хорошо подготовленным террористическим актом и попыткой государственного переворота, отмечая при этом зарубежное влияние, а бывший президент Республики Казахстан Нурсултан Н. обвинил оппозицию и назвал участников протестов «экстремистскими группировками»². В событиях января 2022 г., которые в Казахстане называют Кровавым январем (Қанды Қаңтар), можно увидеть попытку некоторых внерегиональных акторов устроить государственный переворот путем смены официальной власти на марионеточную для дальнейшего влияния на региональные процессы.

Для снижения уровня воздействия Москвы в стране Вашингтон активно использует формат «С5+1», в рамках которого лидеры государств Средней Азии встретились в Нью-Йорке в рамках 78-й сессии Генассамблеи ООН. На фоне переговоров, в The Wall Street Journal появилась статья, раскрывающая планы Вашингтона по укреплению отношений с Астаной и использованию ее в качестве платформы для распространения американского влияния в регионе. Издание отмечает, что США нужен стратегический подход к сердцу Евразийского континента, где они исторически имели гораздо меньше влияния, чем Россия и Китай³.

Стратегия Китая в Казахстане

Одной из характерных особенностей политики Китая в региональных вопросах

является рассмотрение Средней Азии как ключевой области, играющей стратегическую роль для Китайской Народной Республики в различных сферах. Для каждой из стран в Средней Азии разрабатывается специальная стратегия сотрудничества, при этом взаимодействие строится на основе конкретных областей, таких как нефтегазовый сектор и реализация проектов в сфере транспорта и логистики, особенно в Казахстане [Чжан 2023: 150].

В рамках своей стратегии в Средней Азии, Китай придает особое значение обеспечению безопасности своих границ с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, которые простираются на более чем 3000 км. Вопрос становится значимым в контексте борьбы Китая с так называемыми «трех зол» современности: терроризм, сепаратизм и экстремизм. Основные территории внутри Китая, где наиболее активны сепаратистские и экстремистские группы, включают Тибетский автономный район, Тайвань и Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) [Васильев 2018: 93]. Население СУАР по данным седьмой национальной переписи населения составляет более 25 млн человек⁴, где более половины населения - уйгуры и другие тюркоязычные народы мусульманского вероисповедания⁵. Стремление этих групп к независимости и самоопределению, играет ключевую роль в динамике ситуации в регионе, создавая зачастую нестабильную ситуацию.

Борьба с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом и устранение активности группировок, способных повлечь за собой негативные последствия для Синьцзян-

<https://www.interfax.ru/world/819141> (дата обращения: 12.01.2024)

¹В Казахстане сообщили о двух обезглавленных в ходе беспорядков силовиках. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/01/2022/61d6b3109a794777cbcf2016?from=copy> (дата обращения: 12.01.2024)

² Назарбаев заявил, что событиями января 2022 года руководили с Украины. URL: <https://ria.ru/20231201/protesty-1913106221.html> (дата обращения: 20.01.2024)

³ The U.S. Should Upgrade Its Central Asia Strategy. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-u-s-should-upgrade-its-central-asia-strategy-summit-china-russia-foreign-policy-90b1176d> (дата обращения: 12.01.2024)

⁴ Communiqué of the Seventh National Population Census [1] (No. 3) —Population by Region National Bureau of Statistics of China Office of the Leading Group of the State Council for the Seventh National Population Census. URL:

https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817188.html (дата обращения: 20.02.2024)

⁵ Main Data of Xinjiang Uygur Autonomous Region from the Seventh National Population Census. URL: <https://web.archive.org/web/20220613171035/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgtrt/eng/news/t1884310.htm> (дата обращения: 20.02.2024)

Уйгурского автономного района, является приоритетом политики Китая в регионе. Ввиду этого Си Цзиньпин заявил, что Казахстан, в котором по данным Бюро национальной статистики РК проживает значительное число уйгурской диаспоры – 290337 человек¹, активно поддержит Китай в борьбе с сепаратистами.

Казахстан также важен для Китая в качестве ключевого звена в программе евразийской экономической интеграции под названием «Один пояс — один путь». Казахстан является ключевым транзитным пунктом на Шелковом пути, предоставляя короткие и эффективные пути транспортировки между Китаем и Европой. Для Казахстана же участие в инициативе «Один пояс — один путь» – это возможность развития экономики и укрепления своей роли в региональных и мировых процессах.

Казахстан и Китай поддерживают активное сотрудничество в сфере транспортных коммуникаций, и одним из ключевых проектов является Евразийская трансконтинентальная железная дорога. Этот железнодорожный маршрут начинается в китайском порту Ляньюньган на Тихом океане и простирается до нидерландского порта Роттердам, имея общую протяженность в 10,8 тыс. км. На сегодняшний день этот железнодорожный маршрут стал важным элементом для международных грузоперевозок, сокращая расстояние между Европой и Азией на приблизительно 1100 км по сравнению с Транссибирской магистралью².

Активно реализуется также проект трансконтинентального автомобильного коридора «Западная Европа – Западный

Китай» протяженностью коридора составляет 8445 км. Из них 2233 км по территории Российской Федерации, 2787 км – Республики Казахстан, 3425 км – Китайской Народной Республики³. В 2023 г. было объявлено о завершении всех работ над данным проектом, а также было заявлено о запуске коридора к 2024 г.⁴

Стоит подчеркнуть роль СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота», которая имеет особое значение для глобальных транспортно-логистических потоков между Азией и Европой. Этот проект сочетает в себе государственные программы двух стран: «Нұрлы жол» в Казахстане и «Один пояс — один путь» в Китае⁵.

С начала 2023 г. стало очевидным, что Китай занял важное положение как главный торговый партнер Республики Казахстан, обойдя Россию по доле внешнеторговых операций. Доля Китая во внешнеторговых операциях Республики Казахстан достигла 19,2%, в то время как Россия занимает второе место, с долей в 18,8%⁶.

Казахстан постепенно превращается в важного партнера Китая в области импорта энергетических ресурсов. В то же время, западные регионы Китая становятся крупнейшими по переработке нефти и газа. Это способствует росту экономик данных регионов и укреплению энергетической безопасности Китая. Однако известны и негативные последствия преобладания экспорта сырья для экономики страны. Это включает в себя истощение ограниченных природных ресурсов, потери, связанные с разрывом цен между сырьем и готовой продукцией⁷.

¹ 2021 жылғы ұлттық халық санағының қорытындылары. URL: <https://clck.ru/392joT> (дата обращения: 12.01.2024)

² Евразийская железная дорога ускорит промышленную транспортировку между Кореей и Казахстаном. URL: <https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=142830> (дата обращения: 12.01.2024)

³ Трансконтинентальный коридор «Западная Европа – Западный Китай» – новый путь в Европу: от мечты к реальности». URL: <https://europe-china.kz/info/69> (дата обращения: 15.01.2024)

⁴ Транспортный коридор "Европа - Западный Китай" запустят в 2024 году. URL: <https://rg.ru/2020/12/09/transportnyj-koridor-evropa-zapadnyj-kitaj-zapustiat-v-2024-godu.html> (дата обращения: 05.02.2024)

⁵ Хоргос – Восточные ворота – транспортная надежда Казахстана. URL: <https://www.sezkhorgos.kz/>

⁶ Китай стал главным торговым партнером Казахстана, потеснив Россию. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/07/2023/64c3f8e89a7947a1b5f02cde?from=copy> (дата обращения: 05.02.2024)

⁷ В энергетике Казахстана Китай будет играть ведущую роль. URL: <https://cabar.asia/ru/v-energetike->

В то же время существует вероятность, что такой экономический гигант, как Китай может со временем сделать Республику более зависимой. Эта зависимость может проявиться как в экономической сфере, так и в сфере политики и безопасности. Экономическая зависимость может возникнуть из-за слишком сильной зависимости Казахстана от экспорта энергетических ресурсов в Китай, что может привести к утрате контроля над собственными ресурсами и рынками.

В современном мире все чаще традиционные геополитические интересы заменяются геоэкономическими. На евразийском континенте формируется пространство, экономически завязанное на Китай, что представляет риск с точки зрения России [Давыдова, Каргаполова 2022: 56].

Стратегия Турции в Казахстане

С распадом Советского Союза и развитием событий на постсоветском пространстве Турция проявила живой интерес к Средней Азии. Это событие открыло для Анкары новый этап во внешней политике, который характеризовался активизацией в Средней Азии и Закавказье. Ранее эти регионы были в значительной степени недоступны для Турции из-за сильного влияния советских идеологических установок, которое впоследствии ослабло [Аватков 2021: 166].

Турция начала свои шаги по усилению влияния в Средней Азии и Закавказье путем привлечения внимания к культурным и идеологическим аспектам. Она стремилась укрепить связи с нациями, связанными общими культурными, языковыми и историческими узами, а также способствовать развитию и укреплению идеи «братства» тюркских народов и «тюркского мира». Стоит отметить также, что Казахстан – государство преимущественно с тюркским населением. Этот «тюркский фактор»

становится еще одним барьером для интеграционных инициатив и играет на руку турецкой правящей элите, которая стремится создать новую подсистему международных отношений — «тюркского мира», где ключевая роль отводится именно Турции и идее туркоцентричной интеграции [Аватков 2021: 168].

После развала СССР реальная ситуация в тюркских странах была далека от турецкого «национального идеала». На самом деле представления о едином турецком (тюркском) языке оказались мифом. Действительно, тюркские языки развивались в течение веков в различных условиях, общественно-политических и культурных контекстах, что привело к существенным различиям как в звуковой структуре, так и в лексике [Надеин-Раевский 2022].

В настоящее время после перехода Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана на латиницу, Турция пытается убедить Казахстан двигаться в направлении латинизации алфавита¹. Важно отметить, что воздействие Турции на Казахстан осуществляется не только путем воздействия на этнические и идеологическое, но и активным экономическим проникновением на рынки.

Казахстан активно привлекает иностранные инвестиции, и сегодня около объем турецких инвестиций превышает 5 млрд долл.² Республика Казахстан также занимает не последнее место в экспорте товаров в Турцию, входя в топ-20 экспортеров³.

Географическое положение Казахстана, расположенного в самом центре Евразии, привлекает внимание Турции. Активное участие Астаны в развитии трансевразийских транспортных коридоров в рамках реализации китайской инициативы пояса и пути также вызывает активный интерес Анкары. Турецкие власти

kazakhstan-kitaj-budet-igrat-vdolguyu (дата обращения: 05.02.2024)

¹ «Это тексты, чуждые природе нашего языка»: как в Казахстане буксует переход на латиницу. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/590480> (дата обращения 23.01.2024).

² Kazakistan'la iş birliğimizi bundan sonraki süreçte daha da artıracagız. URL:

<https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/140113/-kazakistan-la-isbirligimizi-bundan-sonraki-surecte-daha-da-artiracagiz-> (дата обращения 28.01.2024).

³ Товарооборот между Казахстаном и Турцией за январь-июль 2022 года – \$3,5 млрд, что на 66% выше, чем за аналогичный период предыдущего года (\$2,1 млрд). URL: <https://clck.ru/392jph> (дата обращения 23.01.2024).

заинтересованы в том, чтобы транспортные коридоры проходили с Востока на Запад через Турцию и дружественные ей тюркские государства Закавказья и Средней Азии. Это может усилить геополитический вес самой Турции и в отдаленной перспективе позволит говорить о создании общетюркского пространства экономического и политического сотрудничества¹.

На повестке дня у турецкого руководства стоит вопрос транспортно-логистических коммуникаций с Республикой Казахстан через Каспийское море. Особенно это реализуемо в свете того, что Азербайджан получил право построить железную дорогу от Нахичеванского эксклава Азербайджана, который имеет границу с Турцией до территорий Азербайджана через Армению. После окончания работ над ЖД маршрут соединит Турцию и Каспийское побережье Республики Азербайджан с выходом к странам Средней Азии².

Анкарой также рассматривается вопрос сотрудничества в сфере безопасности путем создания единой «Армии Турана». Активным сторонником идеи выступал союзник турецкого президента, лидер Партии националистического движения Девлет Бахчели. С самого первого дня конфликта в Нагорном Карабахе он требовал вовлечения в него тюркских государств Средней Азии [Шангараев 2021: 78].

Несмотря на то, что на состояние 2023 г. идея кажется нереализуемой, не стоит недооценивать факт появления нежелательных военно-политических блоков у границ Российской Федерации, особенно в свете того, что главным и сильным противником Турции, мешающим стратегическим планам на Закавказье и в Средней Азии является именно Россия.

Стратегия России в Казахстане

Исторически сложившиеся обстоятельства подчеркивают значимость Республики Казахстан в контексте интересов Российской Федерации как на политическом, так и на экономическом уровнях. Это обусловлено не только общим наследием, но и параллельным путём экономического развития в XX в. Кроме того, концепция внешней политики России направлена на активизацию сотрудничества с союзными государствами в условиях санкций и на формирование сбалансированной системы сил в Евразии³.

Не только Казахстан, но и весь регион, занимает ключевое положение в стратегии России, представляя собой обширную территорию, охраняющую российские границы с юга, и являясь ее традиционным торговым и экономическим партнером. Более того, Казахстан обладает значительными природными ресурсами, частью которых являются углеводородные запасы, экспортируемые через российскую территорию [Гумеров 2008: 195].

Россия является первым по значимости партнером в десятке основных партнеров Казахстана. На долю России приходится более 25% от общего объема товарооборота государства, и 75% от товарооборота со странами СНГ, а в пределах ЕАЭС она насчитывает 90%. Согласно данным Росстата, в 2021 г. товарооборот между Казахстаном и Россией достиг рекордной отметки в 26,1 млрд долл.⁴

Казахстан является частью стратегии России по созданию на постсоветском пространстве системы коллективной безопасности. Важное значение для обеих стран имеет деятельность ОДКБ, которая гарантирует территориальную целостность и суверенитет ее членов. В рамках этого

¹ Казахстан и Турция: опциональная дружба. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazakhstan-i-turtsiya-optionalnaya-druzhiba/> (дата обращения 12.12.2023).

² Эрдоган не исключил, что Зангезурский коридор пройдет мимо Армении URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/09/2023/6512d1879a79472f24551929?from=copy> (дата обращения 16.02.2024).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/

⁴ Данные товарооборота между Россией и Казахстаном за 2021 г. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 20.02.2024)

важнейшего интеграционного механизма осуществляется совместная деятельность по противодействию международному терроризму, незаконному обороту наркотиков, нелегальной миграции и хакерским атакам [Жасекенова 2014].

На двусторонней основе продолжается военное сотрудничество между Россией и Казахстаном для укрепления мира и стабильности. С 4 мая 2021 г. вступил в силу Договор о военном сотрудничестве, действующий на протяжении 10 лет с возможностью автоматического продления¹.

Очередной точкой соприкосновения для России и Казахстана является, космическая сфера, особенно в свете использования космодрома Байконур, который арендован Россией до 2025 г. Сотрудничество между Россией и Казахстаном в рамках проекта по запуску космического корабля «Федерация» предполагает ясное распределение обязанностей и финансирования. Эта площадка будет базироваться на стартовом столе, предназначенном для ракеты «Зенит», и будет реализована в рамках казахстанского проекта под названием «Байтерек» [Харланов 2019: 62].

В XXI веке ключевым аспектом диалога между Казахстаном и Россией должна стать интеграция в «треугольнике знаний», охватывающем области образования, научных исследований и инноваций [Давыдова, Каргаполова 2022: 56]. В настоящее время в Казахстане активно реализуются примерно 240 научных проектов с участием российских ученых. Из

них примерно 70 проектов направлены на рациональное использование природных ресурсов, около 60 затрагивают область информационных, телекоммуникационных и космических технологий, а более 30 проектов связаны с энергетикой и машиностроением.

В вузах по данным Посольства Республики Казахстан в России на 2022/2023 гг. обучаются 67 тыс. казахстанцев, которые занимают первое место среди иностранных студентов, обучающихся в России²

Проведя анализ стратегий США, Китая, Турции и России по отношению к Казахстану необходимо подчеркнуть, что каждый из акторов стремится активно продвигать свои интересы, применяя при этом уникальные подходы. Китай стремится к обеспечению доступа к энергетическим ресурсам и защите приграничных районов через, в то время как Россия ориентируется на сохранение исторических связей, обеспечение национальной безопасности и экономических интересов. США, с другой стороны, стремится сдерживать Россию и Китай и обеспечить надежные источники энергии для поддержания своего статуса мирового лидера. Важно также отметить активное воздействие Турции, оказывающей влияние на этнические и идеологические аспекты в Казахстане. Конкуренция ключевых игроков делает страну заложником геополитических интересов, а ее перспективы определяются в значительной степени от долгосрочных стратегий самих ключевых акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Аватков В.А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2021. № 5. Т. 14. С. 162 – 176
- Аватков В.А.* Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно-ценностной картине мировой политики: монография – Москва: Проспект, 2023. С. 176
- Васильев Л.Е.* О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «Трех зол» // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* 2018. №23. С. 9 – 105
- Гумеров Р.А.* Геоэкономические интересы России в Центральной Азии // РСМ. (Москва ИНИОН) 2008. №4. С. 194 – 201

¹ Договор о военном сотрудничестве между Россией и Казахстаном вступил в силу. URL: <https://ria.ru/20220513/sotrudnichestvo-1788302931.html> (дата обращения: 20.02.2024)

² О казахстанском студенчестве в России URL: <https://www.kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/> (дата обращения: 04.02.2024)

Аватков В. А., Ерманалиева А. Р. Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции

- Давыдова Ю.А., Каргаполова Е.В.* Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. С. 51 – 59
- Жасекенова Г.Ж.* Особенности многовекторной политики Республики Казахстан: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №3-2.
- Казанцев А.А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. С.147 – 154
- Морозов Ю.В., Батюк В.И.* Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография / Рос. академ. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М. ИКСА РАН. 2022. 544 с
- Надеин-Раевский В.А.* История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд // Перспективы. Электронный журнал. 2022. №. 2 (29). С. 94-108.
- Притчин С.* Узбекистан и Казахстан: особенности транзита власти. Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 2. Т.65. С 89 – 99.
- Силаков Н.* Деятельность фондов и неправительственных организаций США в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2. С. 115 – 129.
- Харланов А.С.* Сотрудничество России и Казахстана в области космоса и высоких технологий // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. С. 59 – 68
- Чжан Х.* Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях // Известия Восточного института. 2023. С. 147 – 155
- Шангараев Р.Н.* Формирование концептуального подхода турецкой внешней политики в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2021. № 2. Т. 11. С. 73 – 82

REFERENCES

- Avatkov V.A.* Postsovetskoe prostranstvo i Turtsiya: itogi 30 let // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2021. № 5. Т. 14. S. 162 – 176
- Avatkov V.A.* Rossiya, Turtsiya i Postsovetskiy Vostok v ideyno-tsennostnoy kartine mirovoy politiki: monografiya – Moskva: Prospekt, 2023. S. 176
- Vasil'ev L.O* nekotorykh aspektakh bor'by Kitaya s silami «Trekh zol» // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2018. №23. S.9 – 105
- Gumerov R.A.* Geoeconomicheskie interesi Rossii v Tsentral'noy Azii // RSM. (Moskva INION) 2008. №4. s. 194 – 201
- Davydova Yu.A., Kargapolova E.V.* Sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana kak vektor evraziyskoy integratsii // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2022. S. 51 – 59
- Zhasekenova G.Zh.* Osobennosti mnogovektornoy politiki Respubliki Kazahstan: problemy i perspektivy // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2014. №3-2.
- Kazantsev A.A.* Politika SShA v postsovetskoй Tsentral'noy Azii: kharakter i perspektivy // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. S.147 – 154 *Morozov Yu.V, Batyuk V.I.* Strategicheskiy treugol'nik SShA—KNR—RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii: monografiya / Ros. akad. nauk; In-t Kitaya i sovr. Azii RAN. M. IKSA RAN, 2022. S. 544
- Nadein-Raevskiy V.A.* Istoriya pantyurkizma i ego sovremennye storonniki. Chast' 2. Novyy etap pantyurkistskikh nadezhd // Perspektivy. Elektronnyy zhurnal. 2022. №2. S. 94-108.
- Pritchyn S.* Uzbekistan i Kazakhstan: osobennosti tranzita vlasti. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. № 2. Т.65. S 89 – 99.
- Silakov N.* Deyatel'nost' fondov i nepravitel'stvennykh organizatsiy SShA v stranakh Tsentral'noy Azii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № 2. S. 115 – 129.
- Kharlanov A.S.* Sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v oblasti kosmosa i vysokikh tekhnologiy // Vestnik RGGU. Seriya Ekonomika.Upravlenie. Pravo. 2019. S. 59 – 68.
- Zhang. Kh.* Perspektivy razvitiya kazakhstano-kitayskikh otnosheniy v novykh geopoliticheskikh realiyakh // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2023. S. 147–155

Shangaraev R. N. Formirovanie kontseptual'nogo podkhoda turetskoy vneshney politiki v Tsentral'noy Azii // *Voprosy politologii*. 2021. № 2. Т. 11. S. 73 – 82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аватков Владимир Алексеевич, д.полит.н., заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» ИМТК РУТ (МИИТ). Москва, Россия. E-mail: v.avatkov@gmail.com.

Ерманалиева Аида Рамильевна, старший лаборант Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН Москва, Россия. E-mail: lonny.bn21@mail.ru.

Vladimir A. Avatkov, Dr. Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Near and Post-Soviet East of the INION RAS. Moscow, Russia. E-mail: v.avatkov@gmail.com.

Aida R. Ermanalieva, Senior Laboratory Assistant, Department of the Middle and Post-Soviet East, INION RAS Moscow, Russia. E-mail: lonny.bn21@mail.ru.

Молодежная политика в Республике Таджикистан

З. Т. Бахромзода

Алтайский государственный университет

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0380-8195>; e-mail: zardusht2003@mail.ru

К. Х. Рахимов

Центр центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии

Российской академии наук (ИКСА РАН), Москва, Россия

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

Центр исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rahimov@iccaras.ru

Аннотация. Аннотация. В представленной статье проведен анализ государственной молодежной политики в Таджикистане, с особым акцентом на молодежные организации и их влияние на формирование общественной активности и социальной стабильности в стране. Анализируются проблемы, с которыми сталкиваются молодежные организации, а также активность и влияние молодежи на различные аспекты социальной жизни страны. Приведены наиболее результативные программы, стратегии государства для развития молодежной политики, в том числе этапы становления и реализация молодежной политики. Вместе с тем проанализирована лидирующая роль России в содействии таджикской стороне развитию молодежной политики. В рамках международного партнерства и организаций гражданского общества ещё обсуждается роль иностранных организаций, которые активно используют «мягкую силу» и деятельно сотрудничают с молодым поколением республики. Таджикистан активно участвует в международном молодежном сотрудничестве через организацию и проведение различных форумов, конференций, семинаров, обучающих программ и других мероприятий. В этом направлении для создания наиболее благоприятных условий развития молодежного сотрудничества как фактора сохранения и углубления дружественных отношений 25.11.2005 г. Советом глав правительств СНГ было принято Соглашение государств - членов СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью. Также 27 октября 2007 г. в Москве представители национальных молодежных организаций стран ШОС поддержали создание Совета молодежи ШОС. Научное исследование базируется на анализе официальных документов, публикаций и данных статистики. Результаты исследования показывают, что молодежная политика в Таджикистане находится на стадии активного развития, но имеет некоторые недостатки и проблемы, такие как направленность молодежных организаций на определенные круги молодёжи, преобладание «мероприятийного» подхода в их деятельности и отсутствие молодежных парламентов, объединений в рамках государственных структур, которые служили бы для подготовки кадров из числа активной молодежи. Кроме того, в статье указывается основные потребности и приоритеты молодежи, а также авторы предлагают некоторые практические рекомендации для улучшения ситуации в данной области. Таким образом, научные выводы подчеркивают важность разработки и реализации более эффективных политических стратегий и своей собственной модели государственной молодежной политики, направленных на поддержку и развитие молодежи в Таджикистане с учетом социально-экономического и политического состояния современного Таджикистана.

Ключевые слова: Молодежная политика, молодежь Таджикистана, молодежные организации в Таджикистане, молодежные инициативы, стратегия, новая модель молодёжной политики.

Для цитирования: Бахромзода Т. З., Рахимов К. Х. Молодежная политика в Республике Таджикистан // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):20-31.

Youth policy in the Republic of Tajikistan

Zardusht T. Bahromzoda

Altai State University

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0380-8195>; e-mail: zardusht2003@mail.ru

Komron Kh. Rakhimov

*Center for Central Asian Studies of the Institute of China and Modern Asia
of the Russian Academy of Sciences (ICSA RAS), Moscow, Russia*

RUDN University, Moscow, Russia

Center for Studies of Post-Soviet Countries (CIPS), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rahimov@iccaras.ru

Abstract. The presented article analyzes the state youth policy in Tajikistan, with a special emphasis on youth organizations and their influence on the formation of public activity and social stability in the country. The problems faced by youth organizations, as well as the activity and influence of youth on various aspects of the country's social life are analyzed. The most effective programs and state strategies for the development of youth policy are presented, including the stages of formation and implementation of youth policy. At the same time, the leading role of Russia in assisting the Tajik side in the development of youth policy is analyzed. Within the framework of international partnerships and civil society organizations, the role of foreign organizations that actively use “soft power” and actively cooperate with the younger generation of the republic is still being discussed. Tajikistan actively participates in international youth cooperation through organizing and holding various forums, conferences, seminars, training programs and other events. In this direction, to create the most favorable conditions for the development of youth cooperation as a factor in preserving and deepening friendly relations, on November 25, 2005, the Council of Heads of Government of the CIS adopted the Agreement of the CIS Member States on cooperation in the field of work with youth. Also on October 27, 2007, in Moscow, representatives of national youth organizations of the SCO countries supported the creation of the SCO Youth Council. Scientific research is based on the analysis of official documents, publications, and statistical data. The results of the study show that youth policy in Tajikistan is at the stage of active development, but has some shortcomings and problems, such as the focus of youth organizations on certain circles of youth, the predominance of an “event” approach in their activities and the absence of youth parliaments and associations within government structures, which would serve to train personnel from among active youth. In addition, the article identifies the basic needs and priorities of young people, and the authors offer some practical recommendations for improving the situation in this area. Thus, scientific findings emphasize the importance of developing and implementing more effective political strategies and our own model of state youth policy aimed at supporting and developing youth in Tajikistan, considering the socio-economic and political state of modern Tajikistan.

Key words: Youth policy, youth of Tajikistan, youth organizations in Tajikistan, youth initiatives, strategy, new model of youth policy.

For citation: Zardusht T. Bahromzoda, Kamron Kh. Rakhimov. Youth policy in the Republic of Tajikistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):20-31. (In Russ.)

В современном мире молодежная политика как составная часть государственной политики приобретает новый импульс и позиционируется как стратегически важное направление, обеспечивающее общественно-экономическое развитие и устойчивость

государства. Молодежная политика включает в себя интеграцию молодежи в процессы принятия решений, создание условий для самореализации и профессионального развития молодежи, а также формирование активных жизненных позиций и активного участия в

общественной жизни. В рамках молодежной политики разрабатываются многоуровневые стратегии, основанные на комплексном подходе к удовлетворению потребностей молодежи и созданию условий для их успешной интеграции в общество.

Проблема исследования молодежной политики в Таджикистане заключается в том, что многие исследования, посвященные данной тематике, имеют описательный характер и не предлагают конкретных рекомендаций для улучшения этой сферы.

Кроме того, часто отсутствуют объективные данные и статистика, которые могли бы помочь более точно определить проблемы и потребности молодежи в Таджикистане. Еще одной проблемой исследования данной тематики является недостаток участия молодежи в самом процессе исследования.

Целью данного исследования является проведение анализа молодежной политики в Таджикистане с учетом деятельности молодежных организаций и их влияния на социальную жизнь страны. В рамках достижения данной цели исследования ставятся следующие задачи: проанализировать проблемы, с которыми сталкиваются молодежь и молодежные организации; исследовать активность и проанализировать программы и стратегии государства для развития молодежной политики; а также проанализировать роль России в содействии таджикской стороне развитию молодежной политики.

Как отмечают исследователи молодежная политика – это термин, который в науке и управленческой практике рассматривается традиционно в двух основных ракурсах. С одной стороны, молодежная политика – это деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов социальных отношений, имеющая целью воздействовать на социализацию и социальное развитие молодого поколения. С другой стороны, молодежная политика – это система идей, мероприятий, учреждений, кадров того или иного субъекта политической жизни в отношении молодежи, цель которых – получить поддержку собственного политического

курса со стороны молодых людей [Маркина и др. 2010]. В российской политологии термин «молодёжная политика» впервые ввел в научный оборот И.М. Ильинский в 1987 г. в статье «Развитие социализма и молодежь» [Меркулов 2014].

После приобретения государственной независимости Республики Таджикистаном государственная молодежная политика выступает в качестве самостоятельной сферы политики государства, а также молодежь признана как мощной созидательной и содействующей силы общественной жизни. Как отмечает кандидат политических наук и председатель Совета молодых ученых Согдийской области Шухрат Саидзода, молодежь, как в прошлом, так и сегодня, играет ключевую роль в укреплении стабильности, спокойствия и прогресса страны. Правительство Таджикистана с первых дней независимости осуществляло свою политику, опираясь на молодежь¹. Опыт гражданского противостояния середины 90-х годов в нашей республике показал, что деструктивные силы для разжигания столкновений привлекали в основном молодежь. Эта категория населения, в силу своего специфического развития, наиболее подвержена влиянию извне [Кравченко 2022].

Молодежную политику в Таджикистане можно характеризовать как комплекс специально разработанных правительственных программ, стратегий, действий и механизмов, направленных на удовлетворение потребностей и интересов молодежи, её социальной активности, обеспечение равных возможностей и защиту прав в области образования, занятости, здоровья, участия в общественной жизни, а также на создание условий для развития личности.

По статистике, молодежь в возрасте до 30 лет составляют 70% населения Таджикистана, а средний возраст населения

¹ Умарали Фарзона, 30 лет независимости и развития государственной молодежной политики (на таджикском языке): URL: <http://javonon.tj/news/youth/30-soli-isti-lol-va-rushdi-siyesati-davlatii-avonon/> (дата обращения: 30.12.2023).

22,5 года.¹ Согласно закону Республики Таджикистан от 23 декабря 2021 г. № 1830 «О молодёжи и государственной молодёжной политике» молодёжь определяется как социально-демографическая группа, охватывающая лиц в возрасте 14-30 лет. Как и в других странах СНГ и мира в Таджикистане существует Комитет по делам молодёжи и спорта при Правительстве, который руководит молодёжную политику.

Основным законом, регулирующее социальную работы государства с молодёжью является закон «О молодёжи и государственной молодёжной политики», который был принят относительно раньше других государств СНГ 13 марта 1992 г.

Как указан в вышеуказанном законе государственная молодёжная политика в Республике Таджикистан реализуется по следующим направлениям:

- соблюдение прав молодёжи и их обеспечение;
- содействие экономической и предпринимательской деятельности, формирование фондов поддержки предпринимательства молодёжи;
- государственная поддержка молодых семей;
- поддержка особо одарённой молодёжи;
- предоставление материальной и финансовой помощи молодёжи и их социальное обслуживание;
- содействие решению жилищных проблем и улучшению жизненных условий молодёжи;
- воспитание молодёжи;
- гарантии бесплатного образования молодёжи в государственных учреждениях общего основного и специального образования;
- гарантии обеспечения лиц, оставшихся без родителей, их трудоустройство;
- государственная поддержка обучения молодёжи в учреждениях общего среднего и профессионального образования;

- содействие занятости молодых специалистов;

- обеспечение гарантий прав молодёжи на труд, выбор профессии и социальную защиту;

- содействие международному сотрудничеству молодёжи;

- поддержка деятельности молодёжных общественных объединений;

- обеспечение участия молодёжи в решении задач социально-экономического, культурного развития и других сферах общественной жизни;

- организация досуга молодёжи.

Организационной основой государственной молодёжной политики является государственная программа молодёжи, которая разрабатывается Правительством Республики Таджикистан с учетом основных направлений государственной молодёжной политики и представляется на рассмотрение и утверждение Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

Становления и реализация молодёжной политики в Таджикистане можно выделить на 4 основных этапов:

Первый этап - с марта 1992 г. по июнь 1997 года. Этот этап начинается с принятия Закона Республики Таджикистан «О государственной молодёжной политике» и продолжается до подписания Соглашения об установлении мира и национального согласия. На этом этапе была открыта новая страница в развитии молодёжной политики в Таджикистане. Формирование и определение дальнейших путей и подходов государственной молодёжной политики состоялось после XVI исторической сессии Верховного Совета Республики Таджикистан. Глава независимого Таджикистана Эмомали Рахмон 2 февраля 1993 г. встретился с молодёжью и в ходе встречи обозначил важность реализации государственной молодёжной политики и подписал Постановление от 27 мая 1997 г. № 240 о создании Комитета по делам молодёжи при Правительстве Республики Таджикистан. С учетом требований современного общества и реформы государственного управления от 28 декабря 2006 г. был создан Комитет по делам

¹ Назарова С. Всесторонняя поддержка: с каким багажом Таджикистан встречает День молодёжи: URL: <https://sugdnews.com/2023/08/12/vsestoronnjaja-podderzhka-s-kakim-bagazhom-tadzhikistan-vstrechaet-den-molodezhi/> (дата обращения: 30.12.2023).

молодежи, спорта и туризма при Правительстве Республики Таджикистан [Норова 2023].

Второй этап реализации государственной молодежной политики (с июня 1997 г. по июнь 2004 г.) охватывает период от подписания общего соглашения об установлении мира и национального согласия до принятия Закона Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике» в новой редакции. Подписав общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, был начат важный судьбоносный этап, и различные слои населения, общественные объединения совместно с органами государственных структур приложили значительные усилия для осуществления мира, национального единства, повышения международного имиджа нашей страны.

Еще одним направлением молодежной политики стал поддержка талантливой молодежи. Для их поддержки 26 февраля 1998 г. был принят Указ Президента Республики Таджикистан «Об учреждении стипендии Президента Республики Таджикистан для учащихся общеобразовательных школ, лицеев, профессионально-технических училищ, техникумов и колледжей», 20 марта 1998 года «Об учреждении премии имени Исмоила Сомони для молодых ученых, которые проделали выдающиеся работы в области науки и техники». 16 мая 1998 года состоялась встреча Главы государства Эмомали Рахмона с одаренной молодежью, и после длительного перерыва газета «Молодежь Таджикистана» начала свою деятельность.

Третий этап начался с принятия Закона Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике» в новой редакции (июль 2004 г.) и продолжается до создания Национального совета по делам молодежи при Президенте Республики Таджикистан.

Четвертый этап начинается с создания Национального совета по делам молодежи при Президенте Республики Таджикистан (19 июля 2015 года). Как показала практика создание Совета является эффективным

шагом высшего политического органа в политической и социальной жизни Таджикистана и в дальнейшем обеспечивает прямую и эффективную связь молодежи с руководством страны [Набиев, Каримзода 2021].

Как сказал Президент Республики Таджикистан, основатель мира и национального единства, Лидер нации Эмомали Рахмон: «Сегодня наш молодёжь считается подлинной и настоящей опорой, надеждой и гордостью общества и таджикского государства. Роль и вклад молодежи в развитие политической, экономической и социальной сферы страны очень интересны и ценны. Как я уже неоднократно подчеркивал, в современном мире больших экономических и социальных достижений устойчивое развитие общества достигается только теми странами, которые уделяют должное внимание проблемам молодежи и мобилизуют ее богатый интеллектуальный и физический потенциал в правильное и творческое направление» [Худоиев 2023].

Руководство страны поддерживает молодежные инициативы, поэтому в Таджикистане были реализованы десятки молодежных программ, в том числе: «Национальная программа молодежи Таджикистана», «Государственная программа патриотического воспитания», «Программа развития здоровья молодежи», «Национальная программа социального развития молодежи в Республике Таджикистан на 2013-2015 и 2016-2018 гг.» и так далее. Исследования и анализ социально – политических, экономических и духовных факторов показывают, что после достижения полной независимости в Таджикистане, для преодоления препятствий в области государственной молодежной политики было сделано много шагов [Сайдалиен 2022].

В Таджикистане сейчас реализуется «Стратегия государственной молодежной политики до 2030 г.». В конце 2022 г. мэрия г. Душанбе решила поддерживать молодых ученых, литераторов, журналистов, IT-специалистов. Была учреждена премия для молодежи до 30 лет в виде денежного поощрения за свои изобретения и труды. По

мнению таджикских исследователей последовательные встречи Президента Республики Таджикистан с представителями молодежи страны сами по себе являются своего рода моделью развития молодежной политики не только для Таджикистана, но и для других стран [Раджабалозода и др. 2023].

Вместе с тем в качестве примера можно привести наиболее эффективные инициативы государства для развития сферы молодежной политики. В период независимости Таджикистана правительство активно содействовало развитию спорта среди молодежи. Были созданы специальные спортивные школы и центры, которые предоставляют детям и молодежи возможность заниматься различными видами спорта. Согласно статистическим данным из Комитета по делам молодежи и спорта РТ общее количество объектов сферы спорта составляет 10 тысяч 768 единиц.¹

Помимо этого, правительство уделяло особое внимание образованию молодежи. С целью поддержки сельских девушек и юношей в 1997 по указанию Лидера нации была учреждена президентская квота для обучения в высших учебных заведениях Таджикистана. В период независимости 11500 девушек из отдаленных горных районов окончили высшие профессиональные учебные заведения страны по президентской квоте. За этот период 222 тыс. девушек окончили высшие профессиональные учебные заведения, в настоящее время в этих учреждениях обучаются ещё 100 тыс. девушек. В 2008 г. при Министерстве образования и науки Республики Таджикистан был создан Центр международных программ. В 2009 г. по поручению главы государства Эмомали Рахмона в этом же центре была учреждена международная стипендия Президента Республики Таджикистан – «Дурахшандагон» с целью подготовки специалистов международного уровня по

тем специальностям, которые не готовят в стране и развития экономики страны. Сегодня молодежь Таджикистана активно принимает участие в международных олимпиадах и конкурсах. Только за 2023 год более 5 тыс. таджикстанцев приняли участие в олимпиадах на международном уровне. По данным главы государства, всего школьники получили 124 медали, в том числе 13 золотых наград².

В рамках реализации молодежной политики в Таджикистане ежегодно проводятся республиканские конкурсы «Тоҷикистон — Ватани азизи ман» («Таджикистан – Родина любимая моя»), на «Фурӯғи субҳи доноӣ китоб аст», (Мудрости зари сиянье – книга») и «Илм — фурӯғи маърифат» («Наука – светоч просвещения»), которые направлены на выявления талантливой молодёжи, стимулирование интереса молодежи к родной литературе и культуре, а также на популяризация науки.

Отдельно стоит отметить, что исходя из основных направлений реализации государственной молодежной политики Республики Таджикистан, а именно содействие экономической и предпринимательской деятельности, формирование фондов поддержки предпринимательства молодежи; особое внимание уделяется обеспечению экономической независимости и развитию предпринимательской деятельности молодежи.

В Таджикистане уже 5 лет функционирует Государственный бизнес-инкубатор, он работает в 5 городах и предоставляет целый спектр услуг по поддержке предпринимателей, предлагает мастер-классы и курсы на бесплатной основе. Таджикистан поддерживает контакты молодежи с представителями других стран. Таджикистан активно участвует в международном молодежном сотрудничестве через организацию и проведение различных форумов, конференций, семинаров, обучающих

¹ В Таджикистане 10 768 учреждений оказывают услуги спортсменам URL: https://varzishTV.tj/tj/news/dar-to-ikiston-10-azoru-768-inshoot-ba-varzishgaron-khizmat-merasonand/?_utl_t=tm

² Рахмон оценил успехи таджикских школьников на олимпиадах: URL: [//tj.sputniknews.ru/20230901/shkolniki-olimpiady-1059165697.html](https://tj.sputniknews.ru/20230901/shkolniki-olimpiady-1059165697.html) (дата обращения: 30.12.2023).

программ и других мероприятий. В этом направлении для создания наиболее благоприятных условий развития молодежного сотрудничества как фактора сохранения и углубления дружественных отношений 25 ноября 2005 г. Советом глав правительств СНГ было принято Соглашение государств — членов СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью, которое было подписано представителям Российской Федерации и представителями следующих республик: Беларуси, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Казахстана, Киргизии [Ковров 2018]. Также 27 октября 2007 г. в Москве представители национальных молодежных организаций стран ШОС поддержали создание Совета молодежи ШОС. Согласно договоренности стран 20-21 октября 2008 г. в Санкт-Петербурге на очередной встрече представителей молодежных организаций ШОС большинство представителей проголосовали за создание Совета молодежи ШОС [Набиев 2019].

Лидирующую роль в международном молодежном сотрудничестве с Таджикистаном занимает Россия. В 2023 году был открыт Российско-Таджикский бизнес-акселератор для молодых предпринимателей, в котором юные бизнесмены будут искать партнеров. Также Россия выделила 2 млн долл. на реализацию совместного с ПРООН проекта «Расширение возможностей молодежи путем профессионального развития и инноваций» для Таджикистана.¹ На сегодняшний день образовательные проекты являются основными инструментами реализации ключевых гуманитарных миссий в российско-таджикских отношениях.

Ежегодно со стороны Правительство РФ выделяется квоты для обучения молодежи из Таджикистана в вузах России. В 2023 г. в российских вузах обучалось свыше 28 тыс.

граждан Таджикистана². Как сообщил В. В. Путин на встрече с Президентом РТ самая большая квота из стран СНГ приходится на Таджикистан - 900 человек и на 2024 и 2025 гг. квоты будут увеличены до тысячи человек. Важно отметить, что у таджиков есть возможность получить диплом российского вуза, не покидая Родину. В Душанбе открыты филиалы престижных московских университетов.

Сегодня молодежь Таджикистана может получить образование в филиалах МГУ им. Ломоносова, МЭИ и НИТУ «МИСиС» в Душанбе. Ведущее место в Таджикистане, как по качеству преподавания, так и по уровню подготовки специалистов, занимает Российско-Таджикский (Славянский) университет, осуществляющий свою деятельность при поддержке Министерства образования РФ.

В республике работают 39 школ с русскоязычным обучением и более 160 таджикско-русских школ – в совокупности в них обучается почти 100 тыс. учеников. В остальных 4 тыс. общеобразовательных школах также изучается русский язык.³

По инициативе Лидера Нации и поддержки Президента России в 2022 г. были открыты пять российских школ в крупных городах республики в Душанбе, Худжанде, Бохтаре, Турсунзаде и Кулябе⁴. На данный момент для детей и молодежи функционирует представительство Россотрудничество в двух больших городах: Душанбе и Худжанд, а также в конце 2023 г. открыли ресурсный центр Россотрудничества в Пенджикенте.

Молодежные организации в Таджикистане. Наиболее важную роль в реализации государственной молодежной

² Число таджикских студентов в российских вузах за год выросло на 22%: URL: <https://tass.ru/obschestvo/17800323> дата обращения: 30.12.2023).

³ Кодирзод М. Россия активно поддерживает сферу образования в Таджикистане: все ли в этом хорошо URL: <https://pressa.tj/rossiya-aktivno-podderzhivaet-sferu-obrazovaniya-v-tadzhikistane-vse-li-v-etom-horoshho/> (дата обращения: 30.12.2023)

⁴ Рахмон и Путин открыли русские школы в Таджикистане. URL: https://halva.tj/news/rakhmon_i_putin_otkryli_russkie_shkoly_v_tadzhikistane/ (дата обращения 11.01.2023).

¹ Назарова С. Всесторонняя поддержка: с каким багажом Таджикистан встречает День молодежи: URL: <https://sugdnews.com/2023/08/12/vsestoronnjaja-podderzhka-s-kakim-bagazhom-tadzhikistan-vstrechaet-den-molodezhi/> (дата обращения: 30.12.2023).

политики в Таджикистане играют молодежные организации. Государственные молодежные организации, которые подчинены госструктурам и негосударственные молодежные организации, которые в рамках международного партнерства сотрудничают с иностранными субъектами [Рыбакова 2017].

Яркими примерами государственных молодежных организаций в Таджикистане можно считать «Союз молодежи Таджикистана», «Авангард», «Созидатели Родины» и «ОМОТ». «Союз молодежи Таджикистана» является самостоятельной общественно-политической организацией, учрежденной в 1991 г., юридически правопреемником ЛКСМ (Ленинский Союз Коммунистической молодежи) Таджикистана. Эту организацию возглавляет сам председатель Комитета молодежи и спорта при правительстве Республики Таджикистан. Необходимо подчеркнуть, что Союз молодежи, наряду с зарегистрированными партиями страны, наделен полномочиями для выдвижения своего кандидата на выборах президента.

Другая молодёжная организация называется «Авангард», тесно контактирует со Службой профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи министерства внутренних дел. На сегодняшний день эту группу курирует МВД Республики Таджикистан. «Авангард» часто выступает против оппозиции, обращается с письмами в адрес международных организаций с требованием не поддерживать запрещенные в республике партии и движения. Иногда члены этой группы организовывают акции протеста у посольств западных стран с аналогичными требованиями. Среди общественных молодёжных организаций активно действует молодежное крыло правящей в стране Народной демократической партии Таджикистана «Созандагони Ватан» (Созидатели Родины). Оно было образовано в апреле 2011 года и в ноябре того же года получило регистрацию Минюста РТ. Около 280 тыс. молодых членов НДПТ автоматически влились в ряды «Созидателей Родины». В своей деятельности они строго

соблюдают программу и устав НДПТ, не проводят самостоятельную политику.

Молодежное крыло НДПТ, в основном, работает среди молодежи Таджикистана, пропагандируя идеи и цели правящей в стране партии. Другая молодежная организация Объединение молодежных организаций Таджикистана (ОМОТ) проводит форумы для обсуждения участия молодежи в глобальных, национальных и местных процессах устойчивого развития общества и государства. Являясь независимым союзом, объединяющим молодежные движения, ОМОТ олицетворяет собой некий механизм, систему координации, поддержки и сотрудничества организаций, работающих с молодежью.

Основные задачи ОМОТ заключаются в обеспечении участия организаций работающих с молодежью в развитии общества и государства, в создании благоприятных условий для развития и устойчивости молодёжных организаций и их активного вовлечения в разработку и реализацию отраслевых программ государственной молодёжной политики, в совершенствовании нормативно-правовой базы, в привлечении государственных институтов, в особенности исполнительного органа государственной власти в осуществлении социальных программ посредством общественных организаций.¹

Анализируя деятельность государственных молодежных организаций, можно сказать, что молодежные организации в Таджикистане вносят весомый вклад в формировании позитивного образа молодежи, развитии гражданского сознания и способствуют предотвращению радикализации среди молодежи. Их деятельность направлена на пропаганду и укрепление национальных ценностей, идей государства и формирование здоровых убеждений среди молодежи, чтобы каждый молодой человек стал активным и ответственным членом общества. Но не

¹ Караев С. «Авангард», Созидатели Родины и ОМОТ: Чем занимаются молодежные организации Таджикистана? URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20190424/avangard-sozidateli-rodini-i-omot-chem-zanimayutsya-molodezhnie-organizatsii-tadzhikistan> (дата обращения: 30.12.2023).

стоит забывать о главных проблемах, в первую очередь мы наблюдаем преобладание в практической деятельности этих организаций "мероприятийного" подхода. Этот подход не предполагает долгосрочного планирования, создает временный эффект, но не оказывает существенного влияния на жизнь молодежи в долгосрочной перспективе. Эти организации должны иметь отдельную структуру, осуществляющую мониторинг и оценки результатов их деятельности для повышения участия молодежи в мероприятиях, проводимых этими организациями. Другая острая проблема этих государственных молодежных групп заключается в расширении их аудитории и быть направленными на молодежь в целом. Часто они ориентированы на определенные группы молодежи, такие как студенты, активисты или предприниматели, и упускают из виду другие сегменты молодежи, которые также нуждаются в поддержке и ресурсах.

Как ранее упомянули кроме государственных молодежных организаций также функционируют негосударственные молодежные организации. Как отмечают исследователи сотрудничество молодежных организаций часто включает привлечение зарубежных партнеров для участия в совместных проектах с целью получения иностранного финансирования и возможности участия во внешних проектах.

Исследование «Социальные практики молодежных организаций на территории Таджикистана», проведенное доктором социологических наук, профессором кафедры социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Рыбаковой М. В. показывает, что почти у каждой молодежной организации, включенной в выборку, есть иностранные партнеры, которые предоставляют финансовую помощь и обеспечивают большую свободу действий на международном уровне, а не только на национальном. Их работа основана на политике "мягкой силы", которая использует культурные символы и экономическую поддержку для создания привлекательности

западных институтов и влияния иностранных партнеров на социальную и культурную жизнь страны. Однако взаимодействие молодежных организаций с иностранными партнерами также имеет негативные последствия. В процессе деятельности доноров происходит подмена традиционных ценностей и трансформация первоначальных целей организации в интересах зарубежных партнеров, снижение активности поиска средств на территории республики и полная ориентированность на получение международной помощи.

Следует заметить, что почти все страны ЦА действуют по устаревшей постсоветской модели молодежной политики. Как и другим странам ЦА Таджикистану необходимо разработать свою собственную модель молодежной политики, которая бы соответствовала новому периоду политического и социально-экономического развития страны. Это важно, поскольку молодежь не мотивируется к самореализации в рамках соответствующих общественных структур для внесения наибольшего вклада в социальное развитие общества. Как отмечает Рыбакова в Таджикистане у общества не сложилось целостное представление о важности деятельности молодежных организаций. Но вместе с тем и молодые люди не принимают активного участия в молодежных организациях: лишь около 15% респондентов состоят в молодежных ассоциациях, и лишь четверть из них принимают участие в деятельности какой-либо организации [Рыбакова 2017].

Данная проблема указывает на то, что необходимо усовершенствовать механизмы привлечения молодежи к формированию и реализации молодежной политики. Важно также провести анализ существующих моделей молодежной политики в других странах и адаптировать их под политическую реальность Таджикистана. Это позволит использовать лучшие практики и опыт других стран для повышения эффективности молодежной политики в Таджикистане.

Для достижения эффективного решения проблем, связанных с реализацией молодежной политики необходимо

предпринять широкий комплекс мероприятий, направленных на улучшение системы государственной молодежной политики. Прежде всего, активизация развития нормативно-правовой базы является ключевым аспектом. Кроме того, важным направлением является расширение участия молодежи в социальном составляющем общественной жизни. Это можно осуществить путем предоставления материально-технической поддержки молодежным инициативам, стимулирования добровольчества и волонтерства, а также формированием молодежных парламентов и объединений в рамках государственных структур. Эти меры позволят молодым людям активно участвовать в принятии решений и формировании политики, а также улучшат их профессиональные навыки и возможности для карьерного роста. Важным направлением в данном контексте является

также подготовка кадров из числа молодежи. Эту инициативу можно дополнять программой подготовки молодых кадров в области науки на 2021-2030 гг. указанном в послании Президента Республики парламенту в 2021 году [Зарифов 2021].

Для улучшения функционирования кадрового резерва молодежная политика должна приобрести межотраслевой характер, усиливая сотрудничества между разными органами и учреждениями. Практика реализации молодежной политики в Таджикистане показывает, что государство старается в развитии данной сферы как субъектной сферы государственной политики, а также имеются необходимые предпосылки, которые стимулируют росту приоритизации молодежной политики наряду с другими стратегическими приоритетами и целями государственной политики Республики Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Власов Е.Е., Дмитриева М.О.* Основные направления деятельности государств-членов СНГ в сфере молодежной политики // Постсоветские исследования. 2023; 8(6):930-937.
- Зарифов Х.Р.* Политика и конструктивные инициативы лидера нации по отношению к молодежи (на таджикском языке) / Х. Р. Зарифов // Политическая школа Лидера Нации. 2021. № 2. С. 163-169.
- Ковров В.Ф.* Международное молодежное сотрудничество как направление деятельности стран СНГ в сфере реализации молодежной политики // Социология. 2018. № 1. С. 188-193.
- Кравченко О.В.* Конституционно-правовые основы государственной молодежной политики Республики Таджикистан / О. В. Кравченко // Fundamental science and technology: Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Уфа, 20 декабря 2022 года. Том Часть 2. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2022. С. 202-207.
- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для студентов направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» / (Издание 3-е, переработанное и дополненное) Москва, 2013.
- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Фактор культуры в модернизации и прогнозировании будущего Содружества Независимых Государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 1. С. 61-72.
- Маркина Н.Л., Твилова Ю. А., Шумилова О. Е.* Государственная молодежная политика: мировой и отечественный опыт // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. №2. С.150-159.
- Меркулов П.А.* К вопросу об изучении истории государственной молодежной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №4 (34). С.190-194.
- Набиев В.М., Каримзода О. К.* Лидер Нации Эмомали Рахмон и укрепление Государственной Молодежной Политики (на таджикском) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2021. №3 (68). С.20-27.
- Набиев В.М.* Дружественные связи молодежи Таджикистана с молодежью стран Содружества Независимых Государств / В. М. Набиев // Ученые записки Худжандского

государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2019. № 2(59). С. 13-18.

- Норова З.И.* Молодежная политика Республики Таджикистан в годы независимости / З. И. Норова // Государственная молодежная политика: практики и стратегии: материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск, 02–03 июня 2022 года. – Новосибирск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации". 2023. С. 116-121.
- Рыбакова М.В.* Социальные практики молодежных организаций на территории Таджикистана // Власть. 2017. № 9. С. 138-142.
- Раджабализода С.Р., Рахимова А.М., Олимова Ш.К., Одиназода Н.Х.* Устойчивое развитие молодежной политики: на полях встречи Президента Республики Таджикистан с молодежью (на таджикском языке) // ELS. 2023. № Июнь. С.171-182.
- Сайдалиён М.Н.* Социально-политические и правовые основы организации государственной молодежной политики в Республике Таджикистан (на таджикском языке) / М. Н. Сайдалиён // Вестник Исследовательского института развития образования. 2022. № 4(40). С. 149-155.
- Худоиев Д.А.* Государственная молодёжная политика в Российской Федерации и в Республике Таджикистан / Д.А. Худоиев // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее: Сборник материалов круглых столов обучающихся, Красноярск, 01 декабря 2022 года – 31 2023 года. Том Выпуск 11. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2023. С. 146-149.

REFERENCES

- Vlasov E.E., Dmitrieva M.O.* Osnovnye napravleniya deyatel'nosti gosudarstv-chlenov SNG v sfere molodezhnoj politiki // Postsovetskie issledovaniya. 2023; 8(6):930-937.
- Zarifov H.R.* Politika i konstruktivnye iniciativy lidera natsii po otnosheniyu k molodezhi (na tadzhikskom yazyke) / H. R. Zarifov // Politicheskaya shkola Lidera Natsii. 2021. № 2. С. 163-169.
- Kovrov V.F.* Mezhdunarodnoe molodezhnoe sotrudnichestvo kak napravlenie deyatel'nosti stran SNG v sfere realizatsii molodezhnoj politiki // Sociologiya. 2018. № 1. S. 188-193.
- Kravchenko O.V.* Konstitucionno-pravovye osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Respubliki Tadzhikistan / O. V. Kravchenko // Fundamental science and technology: Sbornik nauchnykh statej po materialam X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 20 dekabrya 2022 goda. Tom Chast 2. Ufa: Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennostyu "Nauchno-izdatelskij centr "Vestnik nauki", 2022. S. 202-207.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya» / (Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe) Moskva, 2013.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya» / (Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe) Moskva, 2013.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Faktor kul'tury v modernizatsii i prognozirovanii budushchego Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 1. S. 61-72.
- Markina N.L., Tvirova Yu.A., Shumilova O.E.* Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: mirovoj i otechestvennyj opyt // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2010. №2. S.150-159.
- Merkulov P.A.* K voprosu ob izuchenii istorii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki // Srednerusskij vestnik obshestvennykh nauk. 2014. №4 (34). S.190-194.
- Nabiev V.M., Karimzoda O.K.* Lider Natsii Emomali Rahmon i ukreplenie Gosudarstvennoj Molodezhnoj Politiki (na tadzhikskom) // Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. 2021. №3 (68). S.20-27.

- Nabiev V.M.* Druzhestvennye svyazi molodezhi Tadzhiqistana s molodezhyu stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv / V. M. Nabiev // Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshestvennyh nauk. 2019. № 2(59). S. 13-18.
- Norova Z.I.* Molodezhnaya politika Respubliki Tadzhiqistan v gody nezavisimosti / Z. I. Norova // Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: praktiki i strategii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novosibirsk, 02–03 iyunya 2022 goda. – Novosibirsk: Federalnoe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatelnoe uchrezhdenie vysshego professionalnogo obrazovaniya "Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii". 2023. S. 116-121.
- Rybakova M.V.* Socialnye praktiki molodezhnyh organizacij na territorii Tadzhiqistana // Vlast. 2017. № 9. S. 138-142.
- Radzhabalizoda S.R., Rahimova A.M., Olimova Sh.K., Odinzoda N.H.* Ustojchivoe razvitie molodezhnoj politiki: na polyah vstrechi Prezidenta Respubliki Tadzhiqistan s molodezhyu (na tadhikskom yazyke) // ELS. 2023. № Iyun. S.171-182.
- Sajdalien M.N.* Socialno-politicheskie i pravovye osnovy organizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Respublike Tadzhiqistan (na tadhikskom yazyke) / M. N. Sajdaliyon // Vestnik Issledovatel'skogo instituta razvitiya obrazovaniya. 2022. № 4(40). С. 149-155.
- Hudoiev D.A.* Gosudarstvennaya molodyozhnaya politika v Rossijskoj Federacii i v Respublike Tadzhiqistan / D.A. Hudoiev // Almanah lektoriya. Majske pravovye chteniya na Enisee: Sbornik materialov kruglyh stolov obuchayushihsiya, Krasnoyarsk, 01 dekabrya 2022 goda – 31 2023 goda. Tom Vypusk 11. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet. 2023. S. 146-149.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бахромзода Зардушт Тохири, студент 3 курса кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия. E-mail: zardusht2003@mail.ru

Рахимов Комрон Хахимджонович, к.и.н., старший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии (ИКСА РАН), старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, руководитель Сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран, Москва, Россия. E-mail: rahimov@iccaras.ru

Zardusht T. Bahromzoda, 3rd year students of the Department of Philosophy and Political Science Altai State University. Barnaul, Russia. E-mail: zardusht2003@mail.ru

Komron Kh. Rakhimov, Ph.D., Senior Researcher at the Center for Central Asian Studies of the Institute of China and Modern Asia (ICSA RAS), Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University, Head of the Central Asia Sector of the Center for Studies of Post-Soviet Countries, Moscow, Moscow, Russia. E-mail: rahimov@iccaras.ru

Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе

Н. В. Ибадов

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
E-mail: ibadovnusiravan@gmail.com

Аннотация: В данной статье анализируются основы экономических и политических стратегий в рамках «мягкой силы», которые используются Турцией для установления своего влияния в рассматриваемом регионе. Более того, рассматриваются ключевые исторические мотивы и факторы, которые и формируют интересы Турецкой Республики в настоящее время. Также рассматривается в статье еще и влияние со стороны Турции на близлежащие государства в данном регионе, благодаря различным инструментам «мягкой силы», которые и применяет Турецкая Республика на протяжении 21 века. К тому же изучается комплексное сотрудничество со многими государствами в тюркском мире. Анализируются такие модели сотрудничества, как экономическая сфера, бизнес, экономика, дипломатия, стратегическое планирование, социально-гуманитарное сотрудничество, образование, а также и различные культурные программы. Хронологические рамки определены началом 2003 г., когда будущей президент Турции, а именно Реджеп Тайип Эрдоган был назначен премьер-министром, поскольку, начиная конкретно с этого момента в Турции начала сформировываться данная политика мягкой силы. Более того, в статье изучаются дальнейшие перспективы сотрудничества Турецкой Республики с другими государствами в рассматриваемом регионе. Уделяется также особое внимание ведущим сферам взаимодействия между странами в тюркском регионе. Далее, за период 2010-х гг. политика «мягкой силы» была взята за одну из ведущих концепций внешней политики Турции. Благодаря комплексному анализу всех сфер жизнедеятельности удастся понять полную картину влияния и распространения турецкой специфики в исследуемом регионе. В заключении, статья отображает значимость использования политики «мягкой силы» со стороны Турции по отношению к странам тюркского мира на современном этапе развития международных отношений. Ключевые выводы помогают в полной мере осознать влияния Турции и в настоящее время, так как сегодня страна является одной из самой обсуждаемой из государств на мировой арене. Отмечается, что дальнейшее развитие данной темы м

Ключевые слова: Турция, мягкая сила, внешняя политика, история, тюркский мир, государства Центральной Азии, дипломатия, геополитика, культура, экономическое сотрудничество, образование.

Для цитирования: Ибадов Н. В. Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):32-39.

Realisation of Turkey's soft power concept in the Turkic region

Nusiravan V. Ibadov

RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: ibadovnusiravan@gmail.com

Abstract. This article analyses the underpinnings of the economic and political soft power strategies used by Turkey to establish its influence in the region. Moreover, it examines the key historical motivations and factors that are shaping the interests of the Republic of Turkey today. The article also examines Turkey's influence on neighboring states in the region through the various soft power tools that the Republic of Turkey has employed throughout the 21st century. In addition, the complex co-operation with many states in the Turkic world is examined. Models of cooperation such as the economic sphere, business, economy, diplomacy, strategic planning, social and humanitarian cooperation, education, and various cultural programs are analyzed. The chronological framework is

defined by the beginning of 2003, when the future president of Turkey, namely Recep Tayyip Erdoğan was appointed as Prime Minister, because from that moment onwards this soft power policy started to take shape in Turkey. Moreover, the article explores the future prospects for co-operation between the Republic of Turkey and other states in the region. Special attention is also paid to the leading spheres of interaction between countries in the Turkic region. Further, the soft power policy has been taken as one of the leading concepts of Turkey's foreign policy during the period of 2010s. Through a comprehensive analysis of all spheres of life, it is possible to understand the full picture of the influence and spread of Turkish specificity in the region under study. In conclusion, the article displays the significance of the use of "soft power" policy on the part of Turkey in relation to the countries of the Turkic world at the present stage of development of international relations. The key conclusions help to fully realise the influence of Turkey at present, as today the country is one of the most discussed states on the world stage. It is noted that further development of this topic may allow for a more extensive analysis of the concept in relation to the countries analysed.

Keywords: Turkey, soft power, foreign policy, history, Turkic world, Central Asian states, diplomacy, geopolitics, culture, economic co-operation, education.

For citation: Nusiravan V. Ibadov Realisation of Turkey's soft power concept in the Turkic region // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):32-39. (In Russ.)

Важно будет начать с того, чтобы обозначить предпосылки возникновения концепции «мягкой силы» на территории Турции. Изначально же, итоги завершения 20 века предполагали, что нужно совершенно иное развитие государства, чтобы в будущем иметь возможность реализовать весь свой потенциал, чтобы заполучить то самое влияние на региональной, и международной арене. Так, если углубляться в теоретическую часть концепцию «мягкой силы» стоит упомянуть, что еще в период холодной войны предшествующая модель, которая проявлялась в виде культурной дипломатии, использовалась и сверхдержавами, а если быть точнее, то СССР и США.

Системность концепции и заключается в том, что странам необходимо использовать все различные дипломатические методы для того, чтобы достичь назначенной цели, но только более специфичными способами. С помощью «мягкой силы» государство имеет возможность расширять свое влияние, даже под предлогом коммерческих целей. К тому же «мягкая сила» является еще и одним из ключевых аспектов стратегического концепта власти и основывается на возможности стратегического воздействия. [Lock 2010]. Именно так и началось определенное перемещение и старых устоев, с целью перемен уже совсем иной стратегии во внешней политики государства. Так, «мягкая сила» и была впервые

сформулирована американским ученым Дж. Наем в его исследовании «Пределы лидерства: Меняющаяся природа американской власти». В его работе было дано объяснение тому, с помощью каких конкретно способов американскому истеблишменту удавалось весьма продолжительный срок [Шамарина 2019]. В 2004 г. этим же автором был предоставлен уже комплексный анализ уже в новой книге под названием: "Гибкая сила. Как достичь успеха в глобальной политике"[Nyе 2004].

Изучая культурные, политические, экономические, геополитические, религиозные особенности Турции, становилось уже понятно, что нужно создать такую систему, которая бы не имела аналогов в мире, и надо признать, Турции это действительно удалось. Еще в начале 2000-х гг. Турция уже начинала использовать различные методы, чтобы развить свое влияние в регионе. Так, партии ПСР обозначала ключевые критерии проявления модели. Важной сферой, конечно же, стала экономика. Дело в том, что развитие экономических связей во всем регионе, могло принести Турции весьма обширные инвестиции еще и в их инфраструктуру. Здесь государство и начало преследовать политику открытости и привлечения инвестиций, что способствовало укреплению ее экономической позиции в регионе.

Подобным образом, исследователи Алтынай [Altınay 2008] и Калын [Kalın 2011]

в начале XXI в. они смогли предоставить общественности полный обзор теоретической части концепции этой стратегии, на которую впоследствии ориентировались власти Турции. В исследованиях ученых было установлено, что именно в этом направлении Турция достигла изменений благодаря реформам, инициированным Партией справедливости и развития в начале 2000-х гг.

Ныне в состав тюркского мира входит шесть независимых государств, а именно Турция, Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан. Турция, опираясь на данные страны, стремилась развивать взаимовыгодные отношения еще и с целью своего доминирования в регионе, учитывая геополитическое, культурное и историческое прошлое. [Mammadly 2005]

Рассмотрим теперь несколько причин, почему же Турецкая Республика решила взять подобную концепцию за основу внешней политики. Во-первых, прежде всего, это геополитическое положение. Дело в том, что Турция расположена на перекрестке Европы и Азии, что делает ее ключевым игроком в регионе. Использование политики «мягкой силы» позволяет ей укреплять свое влияние и обеспечивать безопасность без использование военной силы, поскольку здесь особо важно не доводить обострение интересов до критической точки, которая и может привести к военному столкновению [Bal 1998]. Более того, нельзя, конечно же, еще и забывать об экономической мощи Турции, то, как и каким образом развивается сейчас государство. С началом XXI в. ни одно из государств Европы настолько динамично, быстро и объемно не развивалось так, как Турция. Ныне многие страны мира вкладывают большие средства для развития государства, поскольку, к примеру даже, туристический бизнес за быстрый срок времени настолько полноценно был развит в Турции, что иные государства даже не понимали в начале 2000-х гг. такой поток туристов¹.

¹ Çandar C. 2009. Turkey's 'soft power' strategy: a new vision for a multipolar world. SETA. Policy Brief, no. 38. December.

Сверх того, еще одним инструментом проявления политики «мягкой силы» является еще и медиапространство. Дело в том, что Турецкая Республика изначально не рассматривала данную сферу, как особо значимую для реализации рассматриваемой политики, но когда руководство страны заметили возрастающий интерес к просмотрам картин на телеканалах, в социальных сетях, то было принято решение изучать данную сферу более детально и сделать её одним из факторов проявления «мягкой силы». Ныне турецкие сериалы действительно стали популярны по всему миру и имеют широкую целевую аудиторию, поскольку многим людям близок или же нравится дух турецкой культуры, их специфика менталитета, а также и многогранность их религиозных особенностей и, конечно же, разнообразия сюжетных линий. [Ялчин 2016]

Вдобавок, религия также считается наиважнейшим элементом политики «мягкой силы». Так, Управление по делам религии (Diyanet) играет, ключевую роль в регулировании, а также и контроле религиозной практики. Основной целью данного учреждения является распространение духовных образовательных программ, предоставление учебных материалов для мечетей и религиозных школ. Причем ведущими ценностями для данного института являются толерантность, миролюбие и добродушие. [Thijl 2011]

Уже в начале XXI в. была создана такая организация, как Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТІКА). Она и была основана для того, чтобы развивать Турцию, как только еще развивающееся государство, чтобы сформировать «правильный» образ страны для посещения туристов со всего мира. Также в компетенцию организации входит развития многих проектов, которые затрагивают все сферы жизни, к примеру строительство больниц, инфраструктуру для учебных заведений, больниц, мечетей, торговых центров и иных объектов.²

² Çavuşoğlu M. Speech at the Opening of the 7th Ambassadors' Conference. // Ministry of Foreign Affairs. 5 January. URL: https://www.mfa.gov.tr/vii_-_buyukelciler-konferansi-disisleri-bakani-mevlut-

В самом начале изучаемого периода, когда будущий президент занимал еще должность премьер-министра, Турция уже обозначила свой будущий курс на реализацию доминирования в регионе [Davutoğlu 2008]. Здесь же основной предпосылкой для развития концепции "мягкой силы" стало стремление стать влиятельным игроком в ближневосточном регионе. В начале 2000-х гг. турецкое правительство осознало свои региональные амбиции и начало активно работать над превращением страны в одного из ключевых игроков в регионе.

Следующей предпосылкой стало желание укрепить свои экономические позиции. В начале 2000-х гг. Турция провела ряд экономических реформ, которые позволили стране стать одной из крупнейших экономик в регионе. Сильная экономика стала важным фактором формирования политики «мягкой силы» Турции.¹

Также важно будет упомянуть еще и саму концепцию тогда еще формирующейся державы, которой сегодня и является Турция.² Сама программа была основана на совершенно новой геополитической модели, где базой и стала полноценная вовлеченность во все сферы жизни общества, чтобы достичь полноценного влияния как в самом регионе, так и на мировой арене, причем на долгосрочной основе [Davutoğlu 2001]³.

Далее рассмотрим еще один компонент, который особо важен в современных реалиях – это визовый режим. Дело в том, что здесь существуют, конечно, две точки зрения анализа этой ситуации. Конечно, Турция предоставляет сегодня для многих туристов мира безвизовый режим, поскольку это весьма удобно, особенно когда сейчас многие и летают через эту страну транзитом, да и в целом для туристических целей это

весьма удобно. Для студентов сегодня также предоставляются визы, которые они и получают в рамках своих учебных программ. Однако же, ввиду миграционной ситуации во всем мире, это влечет за собой большой поток беженцев, которые ищут лучшие условия для жизни, и с помощью Турции в дальнейшем потом и передвигаются во многие страны Европы. Однако же, конечно, если рассматривать визовый режим с точки зрения инструмента «мягкой силы» эта система точно упрощает жизнь туристам, ибо даже не нужно уже посещать консульство, так как все можно сделать в онлайн-приложении консульства.

Говоря о проявлении «мягкой силы» по отношению к странам тюркского мира, стоит сказать, что в отношениях, к примеру, с Казахстаном, Турция активно развивает сотрудничество в сфере экономики, туризма, образования инвестиций. Также отметим еще и военное сотрудничество со странами тюркского мира. В январе 2013 г. была создана Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом (ТАКМ), в задачи которой входит противодействие преступности, террористической деятельности в регионе. Кроме того, представители от каждой страны здесь обмениваются опытом в рамках координации деятельности по военному взаимодействию.⁴

Если же упоминать взаимодействие с Туркменистаном, то здесь уточним, что энергетика, логистика, промышленность и развитие экономического потенциала здесь являются связующими звеньями при реализации анализируемой политики. К тому же, что касается импорта данной страны, то с 2010 г. здесь лидером является Турция, ибо

cavusoglu_nun-konusmasiyla-basladi.tr.mfa (дата обращения: 12.12.2023).

¹ Türkiye'nin hedefi küresel liderlik. // Turcomoney. 02.11.2011. URL: <http://www.turcomoney.com/turkiyenin-hedefi-kuresel-liderlik.html> (accessed: 12.12.2023)

² Dealing with a rising power: Turkey's transformation and its implications for the EU / Ed. by S. Cornell, G. Knaus, M. Scheich. Brussels: Centre for European Studies, 2012. URL: <https://www.martenscentre.eu/wp->

<content/uploads/2020/07/livret-ces-turkey.pdf> (accessed: 12.12.2023).

³ Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН, 2012. // URL: http://old.imemo.ru/ru/publ/2012/other/2012_001_turkis_h.pdf 1. (дата обращения: 27.04.2023)

⁴ Özalp, Görkem Ozan. Avrasya Askeri Statülü Kolluk Kuvvetleri Teşkilâtı (TAKM) // 2015 // URL: <https://acikerisim.erbakan.edu.tr/xmlui/handle/20.500.12452/1016> (accessed: 10.12.2023)

на ее долю приходится около 26% закупаемых товаров.¹

Говоря об Узбекистане скажем, что Турция поддерживает популяризацию узбекского народа и развивает культурные связи с этой страной. В Стамбуле часто проводят вечера культуры Узбекистана², дни узбекской кухни, а также и музыкальные вечера.

Более того, говоря о Кыргызстане, уточним, что здесь Турция активно предоставляет возможности для экономического развития населения данной страны, посредством того, что создает новые рабочие места и улучшает качество жизни населения. Так, проводятся в Анкаре бизнес-форумы для налаживания экономического сотрудничества как бизнес-структур, так и самого государства³.

Ко всему прочему, Таджикистан также является важнейшим государством для Турции, поскольку страна нацелена на развитие таких сфер Таджикистана, как сельское хозяйство, логистика, строительство. Сегодня многие из ведущих компаний Турции сотрудничают с Таджикистаном по развитию инфраструктуры, строительству дорог⁴, новых центров медицинского обследования, и культурно-развлекательных площадок.

Опираясь на сотрудничество Турции со странами тюркского мира нужно также упомянуть еще и взаимодействия страны с тюркскими регионами России, такими как Республика Башкортостан и Татарстан. Отношения развиваются во многих сферах, а также способствуют укреплению и

дипломатических отношений России и Турции. Так, Башкирия старается укреплять и развивать историческо-мемориальную деятельность народов, старается сохранить былые традиции, а также и развивать культурные отношения.⁵

К тому же, 3 октября 2009 г., по инициативе со стороны Турции, была создана платформа - Совет по сотрудничеству тюркоязычных стран (ССТС), целью которой и стало развитие и продвижение идей, специфики и сотрудничества между странами тюркского мира [Уразова, 2012].

Если рассматривать связи Азербайджана и Турции, то между данными странами напрямую существуют общие ценности, цели, культурные, экономические и политические сходства, которые и находят отражения в рассматриваемой концепции. Учитывая специфику их культурных особенностей, религиозной составляющей, страны с начала рассматриваемого периода начали развивать сотрудничество и в сфере образования. Сегодня же, образование является одним из самых значимых сфер в отношениях между данными странами по развитию подобной политики. Так, по числу приезжих студентов в Турцию лидирует Азербайджан, согласно статистическим данным. В государстве широко распространены образовательные программы для иностранных студентов, которые реализуют в 103 государственных и 63 частных университетах широкий спектр программ по различным направлениям подготовки. В 2024 г. два государства

¹ ENR The Top 250 Global Contractors Report. 2022. // URL: https://www.viboe.at/Downloads/Statistik/Unternehmensstatistik/Firmenrankings_Global/ENR_TOP_250_International_Contractors_2022.pdf // (дата обращения 13.12.2023).

² Özalp, Görkem Ozan. Avrasya Askeri Statüli Kolluk Kuvvetleri Teşkilâtı (TAKM) // 2015 // URL: <https://acikerisim.erbakan.edu.tr/xmlui/handle/20.500.12452/1016> (accessed: 10.12.2023)

³ Kyrgyzstan-Turkey Business Forum Held in Ankara – The Times Of Central Asia // February 13, 2024, Turkey news today // URL: <https://www.turkeynewstoday.com/kyrgyzstan-turkey-business-forum-held-in-ankara-the-times-of-central-asia-2/> (accessed: 14.02.2024)

⁴ development of the TUTIT multimodal corridor in Dushanbe // 20.09.2023, News Central Asia. // URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/09/20/tajikistan-uzbekistan-turkmenistan-iran-and-turkiye-to-discuss-the-development-of-the-tutit-multimodal-corridor-in-dushanbe/> (accessed: 01.12.2023)

⁵ З. Я. Рахматуллина. Современный Башкортостан в контексте российско-турецких отношений: диалогическое общение и культуротворческий потенциал // УДК 008:351.858, Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2013 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-bashkortostan-v-kontekste-rossiysko-turetskih-otnosheniy-dialogicheskoe-obschenie-i-kulturotvorcheskij-potentsial> (дата обращения: 12.12.2023)

планируют уже создать и совместный университет, который будет располагаться в Азербайджане. Отмечается, что в данном вузе будут обучаться более 240 студентов по медицинским и инженерным направлениям.¹

Также наблюдается еще и большой поток туристов, приезжающих из Азербайджана в Турцию, которые считают это государство своим вторым домом. Для этих целей был создан Фонд дружбы, сотрудничества и солидарности «Турция-Азербайджан» [Tabak, Tufekci, 2017], который является неким центром Азербайджана в Турции и является также фактором сближения двух народов. Подобным образом, фонд стремится к развитию отношений во всех сферах жизнедеятельности общества включая культуру, образование, экономику и технологии.

Помимо всего прочего, у данных государств и в исторической ретроспективе не было этнических или же географических разногласий. Также Азербайджан для Турецкой Республики определялся еще и как стратегический, этнический, близкий по духу партнер в Тюркском мире, интересы которого Турция была готова защищать. [Енокян, Смолик, Буторов, 2022] Так, начался полноценный обмен студентами между странами. Развитие экономических отношений сегодня включает в себя инвестиционные проекты по строительству, развитию туризма и сельского хозяйства. Более того, проводится обмен артистами, актерами, культурными мероприятиями, ведь все это обусловлено тюркскими корнями.

Теперь же обратимся к программе в сфере образования, культуры, а также и развития туристического бизнеса – ТЮРКСКОЙ. Заметим, что мягкая сила Турции в рамках программы «Тюркское образование» - это определенная интеграционная программа, которая позволила Турции как раз-таки и расширить свое влияние уже по всему Земному шару. Конечно же, здесь образование выходит на первоочередную позицию, так как с система

и была основана изначально на привлечении иностранных студентов в страну. Далее, вторым аспектом является еще и развитие культуры. Здесь речь идет не только про саму Турцию, но и про в целом про весь регион, ибо многие государства выступили «за» популяризацию их культуры, которая весьма специфична для мирового сообщества. Благодаря объединению всех сил и стремлений государств, удалось за достаточно короткий срок времени познакомить общественность с национальными особенностями региона.

Рассмотрим еще и пример «футбольной дипломатии», так как данный инструмент стал также одним из важнейших во внешней политике рассматриваемого государства. В 2010 г. Турция проводила встречу с Арменией в рамках отборочного этапа по футболному матчу Евро-2012. На тот период времени были весьма напряженными как раз-таки из-за конфликта на территории Нагорного Карабаха. Важно признать, что Турция все-таки приняла решение участвовать в матче, тем самым демонстрируя открытость к развитию дипломатических отношений.

Кроме всего прочего, государство также смогло развивать еще и сферу образования, тем самым привлекая из года в год студентов со всего мира, благодаря огромному количеству квот, программ совместного обучения сразу двух вузов по стране. Многие ребята поступают сюда еще и по причине того, что Турция предоставляет еще и образование изначально еще и в специализированных центрах, где студенты могут выучить язык, чтобы поступить в дальнейшем в университет. Именно так, образовательные центры и университеты для распространения турецкого языка и культуры предоставляют возможность не только укреплять дружеские и культурные связи, но и развивать образование и интеллектуальный потенциал региона.

Помимо всего вышеупомянутого, в области культуры Турция уделяла внимание популяризации и сохранению общей

¹ Турецкий министр: Вопрос о создании совместного с Азербайджаном университета актуален // 29 января 2024, Vzglyad.az // URL: <https://vzglyad.az/news/239719/Турецкий-министр->

Вопрос-о-создании-совместного-с-Азербайджаном-университета-актуален.html (дата обращения: 12.12.2023)

исторической и культурной наследия тюркских народов. Это осуществлялось через организацию культурных фестивалей, выставок, конференций, мировых форумов и других событий, направленных на привлечение внимания к традициям, искусству, музыке, литературе и народным обычаям тюркских народов.

Рассмотрим теперь ряд определённых возможностей, как и каким образом Турция в дальнейшем может продвигать свою модель «мягкой силы». Прежде всего, это повышение культурного влияния. Турция старается развивать и продвигать свою культуру через внедрение мягкой силы. Это может включать в себя распространение турецкого кино, музыки, литературы и искусства, организацию культурных фестивалей и обмена студентами.

Вторым фактором является укрепление экономического сотрудничества. Как раз таки здесь страна и выступает ведущим актором, который умеет налаживать связи с другими государствами, чтобы те, в свою очередь, могли вкладывать свои средства в развитие инфраструктуры, для совместных целей развития всего региона.

Следующий фактор - создание и поддержка международных форумов и культурных центров. Здесь Турция организует международные форумы, семинары и конференции, которые касаются региональной повестки дня. Активная поддержка и развитие подобных программ особо важно в современном мире, чтобы в полной мере предоставлять понимание того, в каком направлении движется государство, а также же и перспективы развития в определенной сфере.

Таким образом, становится очевидным, что Турция старается «проникать» всеми различными способами во все сферы жизни общества, дабы расширить свое влияние. Политика «мягкой силы» реализуется сегодня и ранее с тюркскими государствами, развивая различные сферы взаимоотношений. Сегодня же, Турция во всех формах предоставляет различные инвестиционные проекты, предоставляет гуманитарную помощь многим странам по всему миру, которые в этом нуждаются. К тому же, экономика и культура также достаточно быстро развиваются, благодаря инвестициям стран региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Еномян А.В., Смолик Н.Г., Буторов А.С.* «Модель «Один народ – два государства» и ее влияние на восприятие имиджа Турции в Азербайджане // Альманах Казачество 2022. №64, (7). С. 149-155
- Уразова Е.И.* Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 263.
- Шамарина О.А.* Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001-2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 179-180
- Ялчин, М.* Использование этнографических коммуникативных кодов в турецких телесериалах как продукте массовой культуры: на примере сериала Дирилиш Эртугрул/М.Ялчин - Журнал исследований в области гуманитарных и социальных наук, 2016. 240 с.
- Altınay H.* Turkey's Soft Power: an unpolished gem or an elusive mirage? // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. № 2. P. 55-66.
- Bal I.* 1998. The Turkish model and the Turkic Republics // Perceptions. Vol. 3. №. 3. P. 1–17.
- Çandar C.* Turkey's 'soft power' strategy: a new vision for a multipolar world. // SETA. 2009. Policy Brief, № 38.
- Davutoğlu A.* «Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007» // Insight Turkey, 10:1. 2008. P. 77-96.
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001
- Kalın İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. 16(3). P. 5–23.

- Lock E.* Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32–50.
- Mammadly N.* Turkic states of Central Asia and Turkey, Baku, “AzataM”, 2005.
- Nye J.* Soft Power: the means to success in world politics. NY. 2004. 192 p.

REFERENCES

- Bal I.* 1998. The Turkish model and the Turkic Republics // Perceptions. Vol. 3. №. 3. P. 1–17.
- Çandar C.* Turkey’s ‘soft power’ strategy: a new vision for a multipolar world. // SETA. 2009. Policy Brief, № 38.
- Davutoğlu A.* «Turkey’s Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007» // Insight Turkey, 10:1. 2008. P. 77-96.
- Kalin İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. 16(3). P. 5–23.
- Lock E.* Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. London: Routledge. 2010. P. 32–50.
- Mammadly N.* Turkic states of Central Asia and Turkey, Baku, “AzataM”, 2005.
- Nye J.* Soft Power: the means to success in world politics. NY. 2004. 192 p.
- Shamarina O.A.* Diskurs tureckoj «myagkoj sily» v kontekste transformacii vneshnepoliticheskogo kursa Turcii v 2001-2015 godah (na osnove analiza vystuplenij tureckih politicheskikh liderov) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 19. № 4. S. 179-180
- Urazova E.I.* Turkey today: economic co-operation with the countries of the South Caucasus and the South Caucasus. economic co-operation with the countries of the South Caucasus and Central Asia. Central Asia. M., 2012. S. 263.
- Yalcin M.* The use of ethnographic communicative codes in Turkish TV series as a product of mass culture: the example of the series Dirilish Ertugrul / M. Yalcin - Journal of Humanities and Social Sciences Research. Social Sciences, 2016 - 240 p.
- Yenokyan A.V., Smolik N.G., Butorov A.S.* "The model "One Nation - Two States" and its impact on the perception of the image of Turkey in Azerbaijan // Almanac Cossacks 2022. №64, (7). S. 149-155
- Altınay H.* Turkey’s Soft Power: an unpolished gem or an elusive mirage? // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. № 2. P. 55-66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ибадов Нушираван Вагиф оглы, аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. Па. Лумумбы. Москва, Россия. E-mail: ibadovnusiravan@gmail.com

Nushiravan V. Ibadov oğlu, post-graduate student of the Department of theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: ibadovnusiravan@gmail.com

О методологии исследования интеграционных процессов в Центральной Азии в третьей декаде XXI века

К. Искандаров

*Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАН Таджикистана. Душанбе,
Республика Таджикистан
E-mail: ikosimsho@gmail.com*

У. К. Назаров

*Институт изучения проблем стран Азии и Европы НАН Таджикистана. Душанбе,
Республика Таджикистан
E-mail: umed.nazarov2016@gmail.com*

Аннотация. В данной статье подвергается анализу весь спектр геополитических проектов, которые так или иначе затрагивают интересы Центральной Азии, в частности, Таджикистана в контексте усиления дестабилизирующего афганского фактора. На фоне развития общей ситуации в регионе повысилось требование к всеобщему изучению истории, политики, экономики, культуры, языковых предпочтений его народов среди научно-аналитического сообщества ЦА, в том числе и Таджикистана, где исторически сложилась научно-аналитическая среда, чьими принципами признаны непредвзятое изучение процессов, актуальность выбранных научных тем, фундаментальность изучения современных процессов, приближённых к реальным условиям. Таджикистан является единственной страной Центральной Азии, государственным языком которого является таджикский язык, относящийся к индоевропейской группе языков. На протяжении истории таджикский народ тесно взаимосвязан со всеми странами Центральной Азии особенно в культурной и экономической сферах. В современной Центральной Азии идет процесс восстановления геополитической целостности региона, с опорой на исторически сложившиеся экономические и культурные связи. В интеграционных процессах в регионе главной мотивацией выступает заинтересованность в реализации национальных интересов, обеспечении региональной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества. Государства региона проходят этап реанимации своих цивилизационных основ, творчески адаптируясь с современной системой ценностей. Формирование трендов в общественном сознании в регионе происходит на основе существующих кодов этнической культуры, которые определяют специфику культурного и политического опыта. Богатейшее духовное наследие народов Центральной Азии и сейчас даёт огромный импульс для развития современной культуры, но механизмы интеграции все ещё остаются не реализованным ресурсом для развития в XXI веке. Именно из этих соображений, дан анализ места и роли ЦА в системе межгосударственных отношений. Исторический экскурс в статье рассматривается в контексте его доминирующего значения для обеспечения региональной безопасности и стабильности, решения ключевых вопросов национальной идентичности народов Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Таджикистан, сотрудничество, геополитика, модели интеграции, граница, региональная безопасность, трансграничные угрозы, инклюзивность.

Для цитирования: Искандаров К., Назаров У. О методологии исследования интеграционных процессов в Центральной Азии в третьей декаде XXI века. // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):40-49.

On the methodology for studying integration processes in Central Asia in the third decade of the XXI century

Kosimsho Iskandarov

Institute of studying problem of Asia and Europe NAS Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
E-mail: ikosimsho@gmail.com

Umed Nazarov

Institute of studying problem of Asia and Europe NAS Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
E-mail: umed.nazarov2016@gmail.com

Abstract. This article analyzes the entire range of geopolitical projects that in one way or another affect the interests of Central Asia, in particular Tajikistan, in the context of the strengthening of the destabilizing Afghan factor. Against the backdrop of the development of the general situation in the region, the demand for a universal study of history, politics, economics, culture, and language preferences of its peoples has increased among the scientific and analytical community of Central Asia, including Tajikistan, where a scientific and analytical environment has historically developed, whose principles are recognized as unbiased study processes, the relevance of the selected scientific topics, the fundamental nature of the study of modern processes close to real conditions. Tajikistan is the only country in Central Asia whose official language is the Tajik language, which belongs to the Indo-European group of languages. Throughout history, the Tajik people are closely interconnected with all countries of Central Asia, especially in the cultural and economic spheres. In modern Central Asia, the process of restoring the geopolitical integrity of the region is underway, relying on historically established economic and cultural ties. In integration processes in the region, the main motivation is interest in realizing national interests, ensuring regional security and mutually beneficial cooperation. The states of the region are going through the stage of resuscitation of their civilizational foundations, creatively adapting to the modern system of values. The formation of trends in public consciousness in the region occurs on the basis of existing codes of ethnic culture, which determine the specifics of cultural and political experience. The rich spiritual heritage of the peoples of Central Asia even now provides a huge impetus for the development of modern culture, but integration mechanisms still remain an unrealized resource for development in the 21st century. It is from these considerations that an analysis of the place and role of Central Asia in the system of interstate relations is given. The historical excursion in the article is considered in the context of its dominant significance for ensuring regional security and stability, resolving key issues of the national identity of the peoples of Central Asia.

Key words: Central Asia, Tajikistan, cooperation, geopolitics, integration models, border, regional security, cross-border threats, inclusivity.

For citation: Kosimsho Iskandarov, Umed Nazarov. On the methodology for studying integration processes in Central Asia in the third decade of the XXI century. // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):40-49. (In Russ.)

Модели интеграции в контексте реализации геополитических концепций внешних акторов («Новый Средний Восток», «Большая Центральная Азия – Новый шёлковый путь», Экономический пояс Шёлкового пути, Организация тюркских государств) с той или иной степени тональности влияют на общее развитие обстановки в Центральной Азии, признаются

непосредственным элементом исторической реалии.

В период геополитической турбулентности, завершения биполярного мира, формирования традиционных и нетрадиционных угроз, современные устремления Таджикистана, как и стран Центральной Азии сопряжены с цивилизованным контентом, представлявшим уникальную возможность

для социокультурного и экономического взаимопроникновения, вносящий позитивный импульс для развития. В настоящее время идёт переориентация всего спектра отношений, меняется структура региональной экономики и структура транспортных коммуникаций, расширяется промышленная кооперация между странами региона, с опорой на собственные ресурсы. Преференций и дивиденды двусторонних и многосторонних связей рассчитаны на реализацию географического аспекта¹, определяющего Центральную Азию в качестве самостоятельного субъекта не только региональной, но и мировой политики.

Между тем, талибовский Афганистан вносит брешь в налаживании этих связей, наращивает уязвимость не только в вопросах охраны границ, нарушения инвестиционного климата, установления новых логистических структур, появившихся на этом фоне признаков «гибридной войны». В Афганистане всё развивается по негативному сценарию, практически все обещания, которые давали талибы до прихода к власти (борьба с международными террористическими организациями, создание инклюзивного правительства, борьба с производством и контрабандой наркотиков) не выполнены.

В статье используются три научных термина, определяющие название региона: 1) Средняя Азия (бывшие советские и нынешние независимые государства; 2) Центральная Азия (с включением территории Монголии, Афганистана и Синьцзяна Китая) и 3) Центральная Евразия (сравнительно новый термин подразумевает привлечение экспертов к регулярному обсуждению ключевых вопросов развития Центральной Азии, взаимодействия России, Китая, Европейского Союза, США и других акторов) [Тешебаева 2019: 266].

В Таджикистане, как показывают социологические исследования, остро чувствуется стремление к интеграции, в СМИ ощущается дух созидательности и доброжелательности к соседям. РТ субсидирует транспортные коммуникации,

ГЭС Рогун, КАСА-1000, цифровую экономику, электронное правительство, большие инвестиции вложены в критические инфраструктурные проекты. Этот тренд будет закреплён и в дальнейшем, в обновленной форме отношений со странами Центральной Азии.

Центральная Азия играла ключевую роль в соединении Востока и Запада с античных времён. Особенно значителен был её вклад в развитие Великого Шёлкового пути, когда торговые караваны, нагруженные шёлком, фарфором и другими предметами роскоши, выходя из средневековой столицы Китая Чаньани, через Центральную Азию устремлялись на Запад. Центральная Азия ещё в глубокие древности на магистралях Великого шёлкового пути стала мостом, соединяющим народы и страны Востока и Запада.

На территории Центральной Азии проживают более 70 млн. человек. Регион обладает огромными природными ресурсами. С учётом исторических уроков страны Центральной Азии имеют возможность стать сильным и независимым регионом, так как впервые за 500 лет этот регион становится важным геополитическим и геоэкономическим центром мировой политики и экономики [Мирзоев, Ниёзи 2019: 51].

Через призму интеграционных проектов в регионе хотелось бы акцентировать внимание о китайско-афганских отношениях, представляющих в этом контексте существенное значение. Китайская Народная Республика установила дипломатические отношения с Афганистаном во времена шаха, в 1950 г., уровень этих исторических отношений развивался в зависимости от геополитической конкуренции и обострения ситуации в Китайской Народной Республике и мире. В этот период соображения безопасности были в списке приоритетов КНР при установлении отношений с Афганистаном. Влияние Китая на мировоззрение просвещенной части Афганистана в 1960-е гг. возросло до такой степени, что прокитайские партии и

¹ Принцип, оглашённый Шарль де Голлем.

организации) получили значительное присутствие на политической арене.

В настоящее время в государства Центральной Азии заинтересованы в интеграции для реализации своих национальных интересов и для выхода к мировым торговым путям. Для новых акторов Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важен транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этой страны. Перед новыми государствами Центральной Азии открываются новые возможности более тесного взаимодействия при реализации коммуникационных проектов в южном векторе, открывающих для них афгано-пакистанский, афгано-иранский-южноазиатский, каспийско-иранско-южноазиатский коридоры, которые могут стать «коридорами экономического и гуманитарного развития». В конечном итоге восстановление геополитической целостности региона и модернизация стран Центральной Азии будет способствовать формированию нового важного полюса развития в полицентричном мире.

Глобальные изменения, происходящие в начале третьей декады XXI в., внесли коррективы в реализацию национальных стратегий развития и на геополитические процессы в Центральной Азии. В 2016 г. в Таджикистане принята Национальная стратегия развития на период до 2030 г. в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны. Конечной целью в результате реализации национальной стратегии Таджикистан к 2030 г. должен стать индустриально-аграрной страной¹.

Таджикистан является единственной страной Центральной Азии², государственным языком которого является таджикский язык, относящийся к индоевропейской группе языков. На протяжении истории таджикский народ тесно взаимосвязан со всеми странами

Центральной Азии особенно в культурной и экономической сферах.

В современной Центральной Азии идет процесс восстановления геополитической целостности региона, с опорой на исторически сложившиеся экономические и культурные связи. В интеграционных процессах в регионе главной мотивацией выступает заинтересованность в реализации национальных интересов, обеспечении региональной безопасности, сотрудничества с учетом интересов внешних партнеров. С другой стороны, существующие в регионе геополитические факторы усиливают неопределенность перспектив реализации интеграционных проектов.

Геополитическая неопределенность в центрально-евразийском регионе усиливается в связи с острыми внутристрановыми проблемами, связанными с экономическими, политическими, культурными факторами. В этих условиях усиливается в регионе соперничество внешних акторов – России, США, Китая, которые в настоящее время играют ключевую роль в геополитическом структурировании Центральной Евразии. Разновекторны у государств региона и приоритеты внешнеполитических интересов, которые, способствуют конструированию общих региональных институтов.

Каждый из внешних акторов имеют свои концепции интеграции новых государств Центральной Евразии (у России – проекты Евразийского союза и Нового Среднего Востока, США - проект Большой Центральной Азии и Нового Шелкового пути, Китая – экономический пояс Нового Шелкового пути). Но практическая реализация сходной доктрины началась не со стороны США и их партнеров по евро-атлантическому сообществу, а с формирования новыми государствами Центральной Азии, Россией и Китаем с 1996 г. «Шанхайской пятерки», а затем- ШОС, которая включает в качестве членов и наблюдателей все страны, являвшихся

¹ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 год // URL: http://www.gki.tj/nsr2030_ru.pdf.

² Термин «Центральная Азия» был введен бывшим президентом Казахстана Н.Назарбаевым, который включал в это объединение Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан.

составными элементами геоконцепта «Большой Центральной Азии». Для новых государств Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важны транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этого государства. Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, включают соразвитие новых государств, вместе с Афганистаном и другими соседними государствами. В предлагаемых американских, российских, китайских геоконцептах общее одно – должна быть восстановлена геополитическая целостность центральноазиатского региона и в регионе должны быть созданы условия для свободного перемещения товаров, услуг, усилены экономическое и культурное взаимодействие.

В августе 2002 г. в США появился аналитический материал «Реструктурируя Внутреннюю Азию» американского эксперта в области азиатской геополитики Ст. Блэнка, в котором он основное внимание уделил проблеме магистральной геопространств постсоветской Средней Азии и приграничных с ней территорий, видя в этом единственную возможность преобразований, способных ликвидировать географическую замкнутость, способствующую сохранению здесь социально-экономической отсталости. Концептуализация географического пространства Центральной Азии была продолжена в работе Ф. Старра в специальном аналитическом материале «Партнерство Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей" в марте 2005 г. В 2005 и 2006 гг. профессор Ф. Старр сформулировал концепцию «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути», которые были поддержаны администрацией США. Эти концепции предлагают рассматривать пять постсоветских центральноазиатских государств, а также Афганистан, Иран, Пакистан и Индию в качестве единого региона, создать единую транспортную и торговую инфраструктуру в обозначенном большом регионе, ключевым звеном которой должен стать Афганистан. В концепции Нового Шелкового пути заложена идея интеграции Центральной и Южной Азии

через создание энергетических рынков региона, торговых и транспортных коммуникаций, улучшения работы таможенной и пограничной служб, интенсификацию взаимодействия в области экономики и культуры, установления связей между населением и представителями бизнеса.

Проект «Большая Центральная Азия» охватывает в её идеальном сочетании возможности улучшения экономического положения Центральной Азии за счёт получения выхода на емкий рынок стран Южной Азии путём создания афганской территории под контролем США транспортной инфраструктуры [Евсеев 2013: 620]. Следует подчеркнуть, что с выводом из Афганистана войск США в 2021 г. кардинального изменения в реализации данного проекта со стороны администрации США не произошло. США по-прежнему являются основным спонсором движения «Талибан», еженедельно направляют 40 млн долларов для его финансирования, вовлекают в различные проекты, контролируют воздушное пространство, используя политику «кнута и пряника», что позволяет утверждать, что де-факто талибовский Афганистан находится под контролем указанной страны.

В США появляются альтернативные концепции, где преобладают идеи перекройки границ в регионе, опираясь на этнические группы [Майтдинова 2020: 73].

В этой связи эксперты предлагали идею создания "пояса безопасности" ("санитарного кордона") в северных провинциях Афганистана, которая должна была стать зоной стабильности и буфером на пути распространения последствий внутриафганского конфликта на соседние государства. Для создания «мягкого» пояса безопасности уже существуют исторические, культурные и экономические предпосылки [Майтдинова 2020: 6]. Однако, данная концепция не долго задержалась в пространстве экспертной дискуссии.

Важным инструментом для взаимодействия в афганском направлении являются ШОС и ОДКБ. Исламская Республика Афганистан с 2012 г. являлся наблюдателем в ШОС и данный фактор мог

сыграть позитивную роль для сближения позиций по важным векторам взаимодействия государств Центральной Евразии. Афганистан мог бы способствовать по координации взаимодействия и создания пояса безопасности в Северном Афганистане.

Центральная Азия, куда входят Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан на протяжении древней истории входила в единую систему географических, политико-экономических и культурных образований и исторический Хорасан вплотную входил с разной степенью причастности и соучастия в орбиту интересов династии и ханств Центральной Азии. Все вышеуказанные шаги важны для переосмысления общего цивилизационного наследия народов постсоветского пространства и его потенциала для углубления международного сотрудничества в афганском направлении.

Хотелось бы подчеркнуть, что в настоящее время государства региона проходят этап реанимации своих цивилизационных основ, творчески адаптируясь с современной системой ценностей. Формирование трендов в общественном сознании в регионе происходит на основе существующих кодов этнической культуры, которые определяют специфику культурного и политического опыта. Богатейшее духовное наследие народов Центральной Азии и сейчас дает огромный импульс для развития современной культуры, а опыт политической культуры и механизмы интеграции древних и средневековых обществ все еще остается не реализованным ресурсом для развития в XXI в. [Майтдинова 2019: 6].

С возвращением «Талибана»¹ во власть глобальная геополитическая система в регионе изменилась, и отдельные страны и бывшие союзники оказались на противоборствующих сторонах. Предоставление геоэкономических выгод (продажа оружия, реализация транспортных проектов, транспортировка нефти и газа, добыча полезных ископаемых) и

продвижение лояльных лиц и групп в новом правительстве положило начало новым отношениям.

Стоит выделить три ключевых геополитических проекта, которые так или иначе затрагивают интересы Центральной Азии, в частности, Таджикистана в контексте усиления дестабилизирующего фактора политического правления радикального движения «Талибан» в Афганистане.

Следует иметь в виду, что все три проекта: Новый Ближний Восток, Большая Центральная Азия и проект «Экономический пояс Нового Шелкового пути» отражают основных участников этих проектов: Россию, США и Китай. Конечно, каждый из них преследует свои собственные цели, поскольку готов вкладывать в них как экономические, политические, так и человеческие ресурсы. В связи с этим Таджикистан в этих конфигурациях и социально-экономических и политических моделях должен иметь четкие инструменты и критерии, по которым он должен участвовать в этих проектах.

В качестве научной методологии, позволяющей нам правильно выстраивать эти отношения, принимая во внимание экзистенциальные угрозы, с одной стороны, и основные геополитические движения внешних акторов (России, США и Китая), независимые от нашей политической воли, с другой стороны, стоит выделить следующие подходы:

1. Основанный на ценностях, включая культуру и историю.
2. Ситуационный подход, основанный на методе рационального инструментализма и выбора.
3. Конструктивистский подход, основанный на институциональных решениях и законах.

Для Таджикистана, с точки зрения ценностного подхода (1), важно иметь общую региональную систему ценностей, которая является культурно и исторически понятной, и близкой. Проект должен косвенно защищать светские основы государства, основанные на соблюдении

¹ Организация, запрещённая в РФ и РТ.

закона и принятой Конституции, при уважении прав граждан. Безопасность играет важную роль в этом подходе. (3). И, наконец, ситуационный подход (2) относителен по отношению к первым двум пунктам, поскольку он прагматичен и экономичен по своей природе. При таком подходе важную роль играют риски и инновации, связанные в большей степени с транснациональными корпорациями.

Можно сказать, что российский проект очень близок к Таджикистану, защищает безопасность и фокусируется на следовании светскому характеру ценностей, но ограниченные инструменты влияния на Афганистан через экономику, учитывая вовлечение её основных ресурсов в других направлениях не дают пока ощутимых успехов на нынешнем этапе.

Проект «Большая Центральная Азия» (США) обладал потенциалом до прихода к власти в Афганистане движения «Талибан». Сегодня этот проект больше опирается на ситуационный подход, имея чисто прагматические политические интересы, а именно отключение России от ресурсов Центральной Азии в направлении более экономически выгодного проекта, а именно доступа Центральной Азии к морским портам Гвадар и Карачи через Афганистан. В этом проекте нет места институциональным изменениям и системе ценностей в Афганистане. У него чистая геополитика и прагматичная экономика. Здесь есть ресурсы, но нет никакой ориентации на то, чтобы что-либо изменить в политической структуре Афганистана.

Оптимальным проектом для Таджикистана является китайский проект экономического пояса Нового Шелкового пути. Здесь существует общая система ценностей – это философия семьи (конфуцианство), умеренная и сбалансированная экономика, основанная на системе ценностей и соблюдении государственных законов. Китай располагает финансовыми и людскими ресурсами для реализации этого проекта, может позволить

Китаю занять сбалансированную позицию в отношении Таджикистана.

У Китая есть философия для всех трех подходов: конфуцианства (1), даосизма (2) и легизм (3), что придает стабильность его проекту для игроков, вовлеченных в этот проект в это беспокойное время.

В связи с этим Таджикистан может участвовать во всех трех проектах, но с большей опорой на китайский проект, который обеспечивает ему стабильность, развитие и безопасность в стратегической перспективе, тем более что другие страны ЦА, вероятно, также будут двигаться в том же направлении.

Страны Центральной Азии уже сейчас являются объектом угроз, связанных с высокой террористической активностью на территории Афганистана. Кроме того, существуют риски дестабилизации ситуации, что может привести, как минимум, к временному повышению активности экстремистских группировок, ориентированных на экспансию на постсоветском пространстве¹. Наблюдается целенаправленные попытки вмешательства во внутренние дела суверенных государств, сдерживания интеграционных процессов.

Обстановка в мире стремительно меняется, обостряется противостояние глобальных акторов, идёт трансформация существующего нового миропорядка, войны переместились в другие формы и парадигмы. Четвёртая Промышленная Революция, война технологий, изменение климата, Digital War — вот новые парадигмы, которые зародились в начале нулевых, а сейчас пошли в глобальный рост, и афганская война не вписывается в эти парадигмы².

Страны Центральной Азии уже сейчас являются объектом угроз, связанных с высокой террористической активностью на территории Пакистана и Афганистана. Кроме того, существуют риски дестабилизации ситуации в период после вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана в 2021 г., что может привести, как минимум, к временному повышению активности экстремистских

¹ Мендкович Н.А. Постсоветские союзники талибов, // URL: www.afghanistan.ru. (дата публикации: 16.02.2013г.)

² Талибы не смогут построить государство. // URL: <http://www.stanradar.com>. // (дата обращения 23.08.2021г.)

группировок, ориентированных на экспансию на постсоветском пространстве¹. Наблюдается целенаправленные попытки вмешательства во внутренние дела суверенных государств, сдерживания интеграционных процессов.

Территория Афганистана в течение многих веков сохраняла и продолжает сохранять, по сей день, своё геополитическое значение. Историки и географы называли эту страну «воротами Индии», «восточными воротами исламского мира», «перекрёстком цивилизаций», «стратегическим коридором», «сердцем Азии» и т.д. После распада СССР и образования новых независимых стран в Центральной Азии, Афганистан стал и воротами этого богатого своим природными ресурсами региона, важным транзитным коридором для прокладки нефтепровода и газопровода [Искандаров 2004: 5]. В период так называемой «Большой игры» Афганистан служил «буферной зоной» между колониальными владениями Великобритании в Индии и Россией в Центральной Азии. Статус «буферной территории» Афганистан сохранял до ухода англичан из Индии в 1947 г. Однако для СССР эта страна продолжала служить буфером, ограждающим советскую Центральную Азию от внешнего влияния. Несмотря на доминирование Советского Союза в Афганистане, эта страна, нуждающаяся в большой зарубежной помощи для модернизации различных сфер общества, начала вовлекать в свою орбиту другие страны. Эти страны для защиты своих интересов в Афганистане опирались на различные политические силы и содействовали формированию политических партий и группировок, которые могли быть им полезными [Искандаров 2004: 6].

Анализ ситуации в регионе позволяет заключить, что стремления геополитических игроков по распространению своего влияния на территории государств-членов Центральной Азии возрастут. Усиливается гибридная война, нацеленная на повышение протестного потенциала населения и

дестабилизацию социально-политической ситуации в конкретных государствах. В целях публикации и продвижения тенденциозного нарратива, формирующего у населения искажённое восприятие политических и экономических событий, активно задействуются использование управляемого хаоса на южных рубежах СНГ, а также замены традиционных культурных и духовно-нравственных ценностей народов на чуждые путём оказания деструктивного информационного воздействия.

Негативную роль в этой деятельности играют возможности «либерального порядка», посредством СМИ и иностранных и международных организаций, а также иных структур, инспирируя деструктивные кампании и отдельные акции, направленные на подрыв международного и внутривнутриполитического авторитета органов государственной власти и его институтов. На примере региона явно высвечивается деятельность организаций, которые используя религиозные симпатии и особенности отдельной части населения, занимаются вмешательством во внутренние дела государств.

На этом фоне угрозы, исходящие из талибовского Афганистана, имеют признаки отрицания не только участия в структурах власти, но и конкретные факты по ущемлению политических, языковых прав непустун, реализации гендерного апартеида. Афганистан, по своему географическому расположению, геополитической позиции и экономическим интересам входит в несколько политических субрегионов [Саидов 2019: 198].

Также есть опасение того, что географически Таджикистан не имеет доступа к морским портам Гвадара и Карачи, выхода к морю, и так как в Афганистане находится у власти радикальный исламистский режим, это не позволяет развивать перспективные экономические отношения в южном направлении. В тоже время северные маршруты соприкасаются с

¹ Мендкович Н.А. Постсоветские союзники талибов // URL: www.afghanistan.ru. (дата публикации: 16.02.2013г.)

вновь формирующейся современной версией внерегиональной идеологии.

Региональное значение Афганистана, как источника реальной угрозы странам Центральной Азии и как окно открывшихся возможностей, необходимо рассматривать в фокусе географического расположения и соблюдения прав всех этносов, имеющих общее происхождение с народами региона. Процесс восстановления мира и стабильности в Афганистане на нынешнем этапе особо нуждается в развитии человеческого фактора¹.

Подытоживая результаты исследования, стоит подчеркнуть, что жёсткая геополитическая конкуренция традиционных/аграрных и индустриальных/информационных сообществ, развернутая на пространстве Среднего Востока, в частности ЦА требует стратегического видения с тем, чтобы на основе научно обоснованного прогноза и консенсуса создать механизм решения проблем внутреннего и внешнего порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евсеев В.В.* Концепция «Большой Ближний Восток» под углом национальной безопасности // Национальная безопасность 4 (27), 2013.
- Искандаров К.* Общественно-политические движения в Афганистане: 1945-2001гг. // Душанбе. 2004.
- Майтдинова Г.М.* Особенности интеграционных процессов в Центральной Азии в условиях геополитических перемен: новые форматы взаимодействия, гуманизация межгосударственных отношений и идеология развития // Душанбе. 2019.
- Майтдинова Г.М.* Проекты интеграции Центральной Азии и экономический пояс Шелкового пути: инструменты реализации и перспективы // Душанбе, 2020.
- Мирзоев Н.М., Ниёзи Ё.Б.* Интеграция стран Центральной Азии: проблемы и перспективы /Сборник научных статей. Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации) // Душанбе, 2019.
- Саидов Х.С.* Стратегические внешнеполитические ориентиры правительства национального единства (ПНЕ) Афганистана: цели, подходы, векторы // Сборник научных статей. Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии Азии в условиях глобализации и регионализации. Душанбе, 2019.
- Тешебаева А.А.* Культурное развитие народов Центральной Евразии: ислам и советские принципы светского государства. // Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации). Душанбе, 2019.

REFERENCES

- Evseev V.V.* Konceptsiya «Bol'shoj Blizhnij Vostok» pod uglom nacional'noj bezopasnosti // Nacional'naya bezopasnost' 4 (27), 2013. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7727
- Iskandarov K.* Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya v Afganistane: 1945-2001gg. // Dushanbe. 2004.
- Majtdinova G.M.* Osobennosti integracionnyh processov v Central'noj Azii v usloviyah geopoliticheskikh peremen: novye formaty vzaimodejstviya, gumanizaciya mezhgosudarstvennyh otnoshenij i ideologiya razvitiya // Dushanbe. 2019.
- Majtdinova G.M.* Proekty integracii Central'noj Azii i ekonomicheskij poyas SHelkovogo puti: instrumenty realizacii i perspektivy // Dushchanbe, 2020.
- Mirzoev N.M., Niyozu Y.B.* Integraciya stran Central'noj Azii: problemy i perspektivy /Sbornik nauchnyh stat'ej. Strategicheskie orientiry politiki gosudarstv Central'noj Evrazii v usloviyah globalizacii i regionalizacii) // Dushanbe, 2019.

¹ Багабан Э. Таджикистан – Иран – Афганистан. Персоязычный союз в действии // URL: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1333472460.

Saidov H.S. Strategicheskie vneshnepoliticheskie orientiry pravitel'stva nacional'nogo edinstva (PNE) Afganistana: cely, podhody, vektory // Strategicheskie orientiry politiki gosudarstv Central'noj Evrazii Azii v usloviyah globalizacii i regionalizacii. Dushanbe, 2019.

Teshebaeva A.A. Kul'turnoe razvitie narodov Central'noj Evrazii: islam i sovetskie principy svetskogo gosudarstva. // Sbornik nauchnyh stat'ej. Strategicheskie orientiry politiki gosudarstv Central'noj Evrazii v usloviyah globalizacii i regionalizacii). Dushanbe, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Искандаров К., доктор исторических наук, главный учёный секретарь НАН Таджикистана. Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: ikosimsho@gmail.com

Назаров У., соискатель Института изучения проблем стран Азии и Европы НАН Таджикистана. Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: umed.nazarov2016@gmail.com

Kosimsho Iskandarov, doctor of historical sciences, chief scientific secretary NAS Tajikistan. Dushanbe, Tajuikistan. E-mail: ikosimsho@gmail.com

Umed Nazarov, applicant for degree of Institute of studying problem of Asia and Europe NAS Tajikistan. Dushanbe, Tajuikistan. E-mail: umed.nazarov2016@gmail.com

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ / EURASIAN INTEGRATION

Научная статья / Research article

Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб-сайтов политических партий

М. В. Лапенко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1946-5521>; e-mail: lapenko-mv@rudn.ru

И. А. Сердюков

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

E-mail: Igo33595617@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена определению места и роли евразийской экономической интеграции в российской политической повестке. В статье обсуждается влияние политических партий на формирование политической повестки государства. При формировании теоретических концепций в рамках исследования используются методы: логический, индукции, анализа и синтеза. Для описания уровня представленности «евразийской» тематики в политической повестке использованы количественные и статистические методы анализа данных, собранных с официальных сайтов российских политических партий, представленных в VI-VIII созывах Государственной Думы Российской Федерации. Приводятся различные подходы к классификации повестки дня. Выделяется ключевой критерий вопроса, который входит в сферу повестки дня – внимание к нему лиц, принимающих решения, а также соответствующих институтов. Путём логических рассуждений мы приходим к заключению о том, что часть вопросов повестки дня государства, которая артикулируется политическими партиями, по различным классификациям может быть определена как повестка дня политическая, институциональная и действительная. Отталкиваясь от ключевого показателя (количество публикаций с упоминанием евразийской интеграции на веб-сайте партии), мы предлагаем разделение на три периода в зависимости от интенсивности публикаций по всем партиям. Также, отталкиваясь от того же показателя, но уже в разрезе каждой отдельной партии, мы предлагаем разделение на три кластера, ранжированных в зависимости от интенсивности публикаций и тенденции на её изменение. Делается вывод, что евразийская интеграция (в количественном отношении) в целом занимает незначительное место в повестке российских политических партий, а её актуальность в данной части политической повестки постепенно уменьшается, однако данная тенденция является актуальной не для всех рассматриваемых политических партий. Выдвигается тезис о том, что эндогенные изменения в партийной системе Российской Федерации не смогут привести к кардинальному изменению наблюдаемой ситуации. Формируется теоретическое положение о том, что слабая представленность достижений и институтов интеграции в политической повестке страны-участника Евразийского экономического союза может оказать негативное влияние на развитие процесса интеграции. В заключении обсуждаются ключевые проблемы по изучаемому предмету и приводятся концептуальные рекомендации по их разрешению.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, ЕАЭС, политическая повестка, политические партии, Государственная Дума, количественный анализ.

Для цитирования: Лапенко М. В., Сердюков И. А. Евразийская интеграция в российской политической повестке: количественный анализ веб-сайтов политических партий // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):50-60.

Russian political agenda on Eurasian integration: quantitative analysis of the political parties' websites.

Marina V. Lapenko

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1946-5521>; e-mail: lapenko-mv@rudn.ru

Igor A. Serdyukov

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: Igo33595617@yandex.ru

Annotation. The paper is devoted to determining the place and role of Eurasian economic integration in the Russian political agenda. The article discusses the influence of political parties on the formation of the political agenda of the state. When forming theoretical concepts within the framework of the research, the following methods are used: logical, induction, analysis, and synthesis. To describe the level of representation of "Eurasian" topics in the political agenda, quantitative and statistical methods of analyzing data collected from the official websites of Russian political parties represented in the VI-VIII convocations of the State Duma of the Russian Federation are used. Various approaches to the classification of the agenda are given. The key criterion of the issue, which is included in the scope of the agenda - attention to it by decision-makers and relevant institutions - is emphasized. By means of logical reasoning we concluded that the part of the issues of the state agenda, which is articulated by political parties, according to different classifications can be defined as political, institutional and actual agenda. Based on the key indicator (the number of publications mentioning Eurasian integration on a party's website), we propose a division into three periods depending on the intensity of publications for all parties. Also, based on the same indicator, but already in the context of each individual party, we propose a division into three clusters, ranked according to the intensity of publications and the tendency for its change. It is concluded that Eurasian integration (in quantitative terms) in general occupies an insignificant place in the agenda of Russian political parties, and its relevance in this part of the political agenda is gradually decreasing; however, this trend is not relevant for all political parties under consideration. The thesis is put forward that endogenous changes in the party system of the Russian Federation will not be able to lead to a cardinal change in the observed situation. A theoretical position is formed that the weak representation of the achievements and institutions of integration in the political agenda of a member country of the Eurasian Economic Union can have a negative impact on the development of the integration process. The conclusion discusses the key problems of the subject and provides conceptual recommendations for their resolution.

Keywords: Eurasian economic integration, EAEU, political agenda, political parties, State Duma, quantitative analysis.

For citation: Marina V. Lapenko, Igor A. Serdyukov Russian political agenda on Eurasian integration: quantitative analysis of the political parties' websites // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):50-60. (In Russ.)

Влияние политических партий на формирование и осуществление внутренней и внешней политики государства не ограничивается только исполнением их электоральной, репрезентативной и законотворческой функций. Партии также осуществляют ряд общественно важных функций, среди которых выделяются: инновационная, аккумулятивная, конституирующая и функция политического

рекрутирования и социализации [Заславский 2003: 96-97]. Это значит, что политические партии в ходе своей деятельности не только консолидируют, выражают и воплощают общественное мнение в законодательной практике, но и устанавливают систему ценностей, формируют элиты, вовлекают население в политическую жизнь общества, регулируют присутствие тех или иных вопросов в общественном дискурсе.

Одним из современных мировых трендов является цифровизация, которая не обходит стороной и политическую сферу. Таким образом, веб-сайт политической партии признаётся одним из ключевых инструментов взаимодействия партии с обществом [Терещук 2016]. Вопрос влияния партийных сайтов на политическую жизнь общества широко исследуется как российскими, так и зарубежными учёными с 90-х годов. Считается, что партийные веб-сайты выполняют ряд функций: информативную, вовлечения, мобилизации (призыва к действию) и взаимодействия, и диалога [Følstad, Johannessen 2014: 53-55]. Таким образом, веб-сайт политической партии является одним из каналов артикуляции наиболее насущных общественных и политических вопросов.

Для определения и описания совокупности вопросов, наиболее актуальных для общества и лиц, принимающих решения, в научном дискурсе было введено понятие «повестки дня» (от англ. «agenda»). В зарубежной и отечественной литературе сформировался ряд подходов к анализу повестки дня в смысле терминологии, классификации, определения её компонентов, субъектности, функций и целей.

Политические партии и политическая повестка

Наиболее распространённый подход к рассмотрению повестки дня подразумевает классификацию по тематическому и субъектному признаку на политическую, информационную и общественную [Цветкова 2022: 2500]. Помимо этой, есть ещё ряд иных классификаций, подчёркивающих иные признаки тематики круга вопросов, находящихся в фокусе общественного внимания.

По возможности разрешения предлагаемых вопросов предлагается разделение на политическую и общественную; по сфере артикуляции вопросов – системная и повестка институтов; по степени влияния на принятие решений – символическая и действительная. Первое разделение связано с тем, что общественная повестка включает себя широкий перечень вопросов и тем, интересующих население в

целом, а политическая – только те, что находятся во внимании лиц, принимающих решения в политике. Вторая классификация подразумевает включение в системный наиболее широкий круг общественно-значимых вопросов, тогда как институциональная включает только те проблемы, что артикулируются и прорабатываются институтами. Третье разделение отсылает к тому, что в рамках символической повестки идёт лишь обсуждение тем без непосредственных политических последствий, тогда как в действительной, наоборот, идёт прямое влияние на политику (или они сами уже являются политикой) [Вандышева 2017: 92-95].

Что касается политической повестки, то А.А. Казаков определяет повестку как «круг сюжетов или тем, имеющих приоритетное значение для власти в определённый период времени» [Казаков 2014: 48]. В Западной литературе также популярно отношение к повестке дня как к процессу. Например, Б. Синклейр определяет повестку как процесс, «посредством которого вопросы принимают статус серьёзно обсуждаемых политически значимыми акторами» [Sinclair 2006: 35]. Все приведённые определения сводятся к одному – политическая повестка подразумевает внимание со стороны лиц, принимающих решения (или политических акторов).

В представленной «системе координат» круг вопросов и тем, которые поднимаются на веб-сайтах политических партий, могут быть классифицированы как составляющие политической (также институциональной и действительной) повестки дня России.

Таким образом, если вопрос евразийской интеграции присутствует в рамках партийного дискурса, то он является частью политической повестки Российской Федерации. Кроме того, учитывая функционал политических партий и их влияние на формирование политической повестки дня (равно как и на разрешение артикулируемых вопросов), мы сможем сделать ряд заключений относительно роли Евразийской интеграции в жизни государства и общества путём анализа сюжетов партийных веб-сайтов. Во-первых, сможем оценить, попадает ли вопрос в

категорию актуальных – тех, что лица, принимающие решения в государстве считают первостепенными для разрешения в настоящий период времени. Во-вторых, мы сможем понять, насколько политические партии считают данный вопрос адекватным для выдвижения в центр общественного внимания.

Эмпирический анализ веб-сайтов политических партий

В ходе исследования нами была собрана информация из новостных разделов официальных сайтов политических партий Российской Федерации. Исследовались только новостные сообщения за период с января 2014 по ноябрь 2023 года. Устанавливая хронологические рамки в этом периоде, мы исследуем отношение российских политических партий к евразийской интеграции в том виде и на той институциональной стадии, на которой она реализована актуально.

В качестве поискового запроса на сайтах нами вводились следующие фразы: «ЕАЭС», «Евразийский союз», «Евразийский экономический союз», «евразийская интеграция», «Евразийская комиссия», «евразийская экономическая комиссия».

В Таблице 1 показаны общие результаты исследования собранной нами базы данных. Информация обо всех новостных сообщениях была собрана нами в единый документ, были отобраны и очищены дублирующиеся сюжеты.

Как мы можем видеть на Таблице 1, за период с 2014 по 2023 гг. на веб-сайтах было опубликовано более 225 тысяч уникальных информационных сообщений, из которых лишь более чем в тысяче было хотя бы одноразовое косвенное упоминание евразийской экономической интеграции.

Количественные показатели в данном отношении выше всего у партии парламентского большинства – Единой России. Относительный показатель выше всего у самой «молодой» партии – «Новые люди». Ниже всего – у Либерально-демократической партии России (ЛДПР), где на 400 сообщений приходится лишь одно с упоминанием евразийской интеграции.

Судя по информации, приведённой на Графике 1, общая динамика по всем партийным источникам показывает негативный тренд. Мы предлагаем вычлнить три основных периода в рассматриваемом временном ряду.

Период 2014–2016 гг., в котором наблюдается абсолютный максимум (2015 г.) по количеству публикаций за все рассматриваемые временные рамки. Количество публикаций по каждому году в рамках периода было стабильно выше общего среднего. Первый период можно описать как время стабильного высокого интереса к тематике евразийской интеграции. В данный промежуток времени интересующая нас тема имела больше всего влияния в партийной политической повестке.

Высокий интерес к интеграции в рамках Евразийского Союза со стороны политических партий может быть обоснован событиями, связанными с его институциональным становлением – подписанием Договора о ЕАЭС, формированием Таможенного союза, учреждением исполнительных органов Союза. В этот же период происходило расширение союза – в 2014 г. присоединилась Армения, а в 2015 г. – Кыргызстан. Внутренние факторы развития интеграционного объединения могут спровоцировать такой уровень интереса в силу того, что парламентские политические партии принимали в них непосредственное участие – они проводили слушания в Федеральном Собрании, голосовали за ратификацию международных соглашений, связанных с перечисленными событиями. Помимо этого, можно также учесть и влияние внешних факторов, таких, как нестабильность на Востоке Украины и введение экономических санкций против России со стороны Запада, что, естественно, стимулировало поиск партнёров в не-Западном мире и, вероятно, послужило одним из стимулов высокого интереса к интеграции в политической повестке.

Период 2017–2019 гг., когда количество публикаций резко упало по сравнению с прошлым. Второй период также представляется нам стабильным, однако уже

с довольно резким падением интереса к упоминанию проблемы, уровень которого сохранялся на протяжении трёх лет. Следовательно, можно сделать вывод, что Евразийская интеграция потеряла свои позиции в политической повестке России.

Падение интереса вполне может быть объяснено тем, что в данный период не происходило значительных изменений в рамках Союза, кроме того факта, что с января 2018 года вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС. Наиболее значительные события, связанные с развитием Евразийской интеграции, подразумевали расширение её зоны влияния за счёт включения Молдавии в качестве государства-наблюдателя и подписания ряда соглашений о свободной торговле – с Ираном, Сингапуром, Сербией и Китаем. Поскольку национальные политические партии в традиционном понимании, должны быть заинтересованы, в первую очередь, в событиях, связанных со внутренней жизнью государства и общества, вполне естественно представляется тот факт, что расширение зоны влияния ЕАЭС не вызвало бурного общественного резонанса и не получило значительного внимания у лиц, принимающих решения, и партийных каналов распространения информации.

Период 2020-2023 гг., статистический анализ в рамках которого показывает нам, что количество публикаций значительно снизилось по сравнению с уровнями предыдущих периодов. Другой причиной выделения периода в данном исследовании послужил тот факт, что в 2020 г. была создана партия «Новые люди», которая на первых же своих выборах получила ряд депутатских мандатов в Государственной Думе. Возникновение новой партии и такой стремительный её успех не могли не оказать влияние на партийную и политическую системы Российской Федерации.

В данный период произошёл ряд значительных событий для развития Евразийского экономического союза. Во-первых, в качестве наблюдателей в организацию были приняты Узбекистан и Куба. Во-вторых, были приняты и утверждены стратегические направления развития интеграции до 2025 года. С другой

стороны, в этот же период на глобальном и региональном уровне развивались процессы, напрямую или вовсе не связанные с интеграцией, которые могли фокусировать на себе значительную часть внимания. В данном отношении в первую очередь следует упомянуть о глобальной пандемии COVID-19, которая поставила на первый план экзистенциальные вопросы для государств – выживания, здоровья и безопасности граждан. Россия здесь была не исключением, что, естественно, привело к смещению приоритетов политической элиты страны с внешнеполитического контура на внутривнутриполитический. Касаясь событий регионального характера, то начало Специальной военной операции в феврале 2022 г. повлекло за собой ужесточение санкционного давления со стороны США и ЕС и вполне могло послужить стимулом развития российского интереса в поиске партнёров в странах СНГ и в Восточной Азии. Это может быть причиной повышения интереса к интеграционным процессам в 2022 г., который, однако, был слабо поддержан и не развит в следующем 2023 г.

Уже на данном этапе нам становится понятно, что уровень упоминания евразийской интеграции находится на предположительно низких уровнях. Также стоит отметить, что динамика упоминания рассматриваемого нами показателя неуклонно падает на протяжении всего периода после 2014 г.

Сравнительная аналитика по политическим партиям.

Для более углублённой разработки проблемы обратимся к детальному анализу каждого из партийных веб-ресурсов.

Первое из заключений, которое мы можем сделать, отталкиваясь от данных, представленных на Графике 2, заключается в том, что партии с разной интенсивностью используют данный канал взаимодействия с обществом. Для концептуального понимания ситуации предлагается разделить рассматриваемый временной ряд на два периода – до 2021 г. и после 2021 г.

В первый период активнее всего, в общем, данный канал использовался партиями Единая Россия и Коммунистической Партией Российской

Федерации (КПРФ). Однако, здесь же мы можем заметить тенденцию к понижению сообщений на обоих порталах таким образом, что уже в 2021 г. «лидерство» по данному показателю перешло от Единой России к другим партиям.

Второй период является более кратким, и здесь уже объективно не представляется возможным выявить какой-либо тренд, поэтому ограничимся общими замечаниями. Общее лидерство по количеству публикаций на веб-сайтах партий перешло к КПРФ, тогда как более крепкие позиции по показателю демонстрируют и иные партии – Либерально-Демократическая Партия России и Справедливая Россия. Также небольшое количество сообщений появляется и на сайте партии Новые Люди, которая, тем не менее, за весь период не может сравниться ни с одним из иных рассматриваемых партийных ресурсов.

Что касается публикаций по тематике Евразийской интеграции, то здесь мы можем наблюдать похожую ситуацию – количество публикаций на ресурсах Единой России и КПРФ падает после периода 2014-2016 гг., а удельный вес ресурсов других партий умеренно растёт.

Далее мы предлагаем разделить рассматриваемые партии на три кластера в зависимости от поведения показателя количества публикаций по тематике Евразийской интеграции в течение рассматриваемого периода. Это поможет нам выявить скрытые тенденции и увидеть некоторые закономерности, которые также могут показаться неочевидными.

Первый кластер. Единая Россия и КПРФ. Данная группа партий демонстрирует высокую интенсивность публикаций по тематике в период до 2020 г. Обе партии попеременно лидируют по выбранной метрике. Тем не менее, удельный вес публикаций по евразийской тематике ежегодно находится у партий на незначительном уровне и имеет стабильную тенденцию к снижению. После 2020 г. партии, в целом, теряют очевидное «лидерство» по выбранному показателю. В периоде январь-ноябрь 2023 г. партии

уступают Либерально-Демократической Партии и Справедливой России.

Второй кластер. Справедливая Россия. Политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» в VIII созыве Государственной Думы занимает третье место по численности полученных мандатов. Партия в 2021 году претерпела объединение с партиями «Патриоты» и «За правду», тем не менее, каждая из политических организаций сохранила свои действующие веб-сайты, на которых и на актуальный момент продолжает публиковать информационные сообщения.

Данная партия выделена в отдельный кластер за счёт уникальности собственного положения по рассматриваемой метрике – для неё актуально общее снижение уровня упоминаний за весь период, однако после 2020 года этот показатель стабильно растёт.

Третий кластер. ЛДПР и Новые Люди. Ключевой критерий данного кластера заключается в том, что партии (в силу различных, очевидно, причин) демонстрируют устойчивую тенденцию к росту по упоминанию Евразийских процессов на собственных веб-сайтах на протяжении всего периода. Либо, как в случае с партией Новые Люди, на протяжении всего существования партии.

Таким образом, данные партии, в отличие от всех рассмотренных ранее, выбиваются из общей тенденции, поскольку: а) ежегодно увеличивают публикации по тематике; б) для них неактуальна общая периодизация, сделанная нами ранее, поскольку у них период 2014-2016 гг. не был пиковым по используемой метрике; в) наибольший интерес к процессам партии продемонстрировали в период последних 5 лет.

Выводы, проблемы и рекомендации.

Проанализировав представленные эмпирические данные, мы можем сделать два основных заключения, относящихся к поставленной нами проблеме.

Во-первых, как институты, так и сам процесс евразийской интеграции упоминаются политическими партиями на низком уровне. В российской политической повестке, отслеженной на примере

официальных веб-сайтов политических партий, сюжеты с отсылкой к евразийской проблематике составляют менее 1% с абсолютным показателем в 1053 уникальные публикации и средним значением почти 0,5%, что означает, что евразийская интеграция или её институты упоминаются примерно лишь в одном сообщении из двухсот.

Во-вторых, большинство политических партий проявляют тенденцию к потере интереса к продвижению евразийской интеграции в политическом дискурсе. Исключение составляют две партии – ЛДПР и Новые люди. Если ситуация последней может быть интерпретирована эффектом «низкой базы», то, с чем связано положительное движение у первой из них, остаётся вопросом, открытым для исследования и требует детальной контекстной, смысловой, исторической и институциональной проработки.

Мы предполагаем, что оба наблюдения могут быть связаны с рядом причин как внутринационального, так и внешнеполитического характера. В числе первых можно отметить: слабый интерес населения к процессам евразийской интеграции, концентрация внимания российских партий на вопросах социально-экономического развития страны, продвижение интеграции «сверху» при малом или незначительном интересе «снизу». К ряду предполагаемых причин внешнего характера мы бы отнесли: замедление динамики развития интеграционного объединения после 2014 г., наличие более актуальных вопросов глобального и регионального характера для российского населения, таких как экономические санкции, конфронтация с Западом, кризис на Востоке Украины и вопрос «новых территорий» Российской Федерации.

Мы предполагаем, что проблема низкой представленности евразийской интеграции в российской политической повестке имеет двоякий характер. С одной стороны, поскольку дискурс политических партий исполняет информационные и целеполагающие функции, то слабая артикуляция вопроса в рамках национального дискурса заставляет население быть менее осведомлённым о нём,

и, как следствие, действовать более пассивно по отношению к нему. С другой стороны, поскольку политические партии выполняют консолидирующую и конституирующую функции, то им интереснее всего говорить и публиковать информацию, наиболее актуальную для населения. Соответственно, чем менее вопросы евразийской интеграции актуальны для общества, тем меньше у партий интереса и стимулов артикулировать данную проблематику в собственном информационном поле, и, наоборот, чем менее заметное место евразийская проблематика занимает в политическом дискурсе страны, тем менее она актуальна для населения.

На наш взгляд, успешность развития интеграционного процесса напрямую зависит от заинтересованности населения и политических институтов стран в участии в ней. Чем более актуальным расширение взаимодействия в рамках ЕАЭС будет для граждан и национальных институтов, тем больше базы для развития и тем меньше шансов на её стагнацию и деградацию будет у всего процесса евразийской интеграции. Поэтому нам кажется, что наиболее эффективным в решении поставленной проблемы будет также двунаправленный подход. Во-первых, следует просвещать население в области истории, политических целей и мотивов интеграции, её успехов и проблемных мест, позиций различных государств (евразийских и не-евразийских) по ней. Во-вторых, стимулировать политические партии принимать более активное информационное участие в процессах евразийской интеграции, а также требовать от них более активного её продвижения в российском политическом дискурсе.

Для достижения оптимальных результатов евразийской интеграции ответственным лицам, политическим лидерам и ряду институтов необходимо осуществлять целенаправленную и своевременную политику актуализации евразийской интеграции среди населения и партий. Например, активное распространение достижений интеграции в СМИ, в том числе, через партийные каналы, сможет поднять уровень вовлеченности

населения, а следственно, и интерес политических партий к данной проблематике. Формирование некоммерческих и образовательных организаций под эгидой евразийства с возможностями изучения языков и культур евразийских народов позволит привлечь внимание молодого населения Российской Федерации к развитию евразийской интеграции. С другой стороны, формирование межпарламентской ассамблеи ЕАЭС, предположительно, позволит в целом увеличить активность российских политических партий в процессах евразийской интеграции.

Сделанные выводы позволяют поставить ряд перспективных исследовательских проблем для дальнейшей проработки. Во-первых, необходимо провести контент-анализ партийных программ и собранных публикаций для изучения позиции каждой из партий по вопросу евразийской интеграции. Во-вторых, изучить институциональные характеристики артикуляции вопроса – на каком уровне, с каким успехом и в какие сроки вопросы, связанные с евразийской интеграцией, обсуждаются и решаются в

Российской Федерации. В-третьих, кажется довольно перспективным анализ наличия евразийской проблематики в рамках политического дискурса стран-членов Евразийского экономического союза.

Заключение.

Разумеется, только количественный анализ не позволит нам полноценно изучить вопрос о роли Евразийской интеграции в политической жизни Российской Федерации. Однако, уже на данном этапе мы можем сделать ряд выводов, полезных как в практическом, так и академическом плане. Евразийская экономическая интеграция представлена в российском политическом дискурсе, однако даже по этому направлению имеется ряд проблем – низкая представленность, тенденция к падению интереса. Данные проблемы могут оказать негативный эффект на развитие интеграции, и для их решения необходимо, во-первых, проводить комплексную и целенаправленную политику просвещения в области евразийской интеграции, во-вторых, развивать изучение данной проблематики в академической сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахременко А.С.* Количественный анализ политической динамики: статистический и детерминистский подходы // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 4. С. 3-17.
- Заславский С.Е.* Политические партии России : Проблемы правовой институционализации / С.Е. Заславский ; Ин-т права и публич. политики. М.: Ин-т права и публич. политики, 2003. - 299 с.
- Кзаков А.А.* Теория установления повестки дня: основные подходы и направления исследования в российской политической науке // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 3. С. 41-56
- Осадчая Г.И.* Социальная база интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. №4. С. 639-651.
- Терещук В.И.* Технологии электронного PR в деятельности политической партии // Studia Humanitatis. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-elektronnogo-pr-v-deyatelnosti-politicheskoy-partii> (дата обращения: 23.10.2023).
- Цветкова Ю.А.* Повестка дня: понятие, специфика, типологии // Вопросы политологии. 2022. №7 (83). С. 2500-2505.
- A. Følstad, M. R. Johannessen, M. Lüders.* The Role of a Political Party Website: Lessons Learnt from the User Perspective. Lecture Notes in Computer Science. 2014. Pp. 52-63.
- Sinclair B.* Party Wars: Polarization and the Politics of National Policy Making. Norman, University of Oklahoma Press, 2006. 424 p.

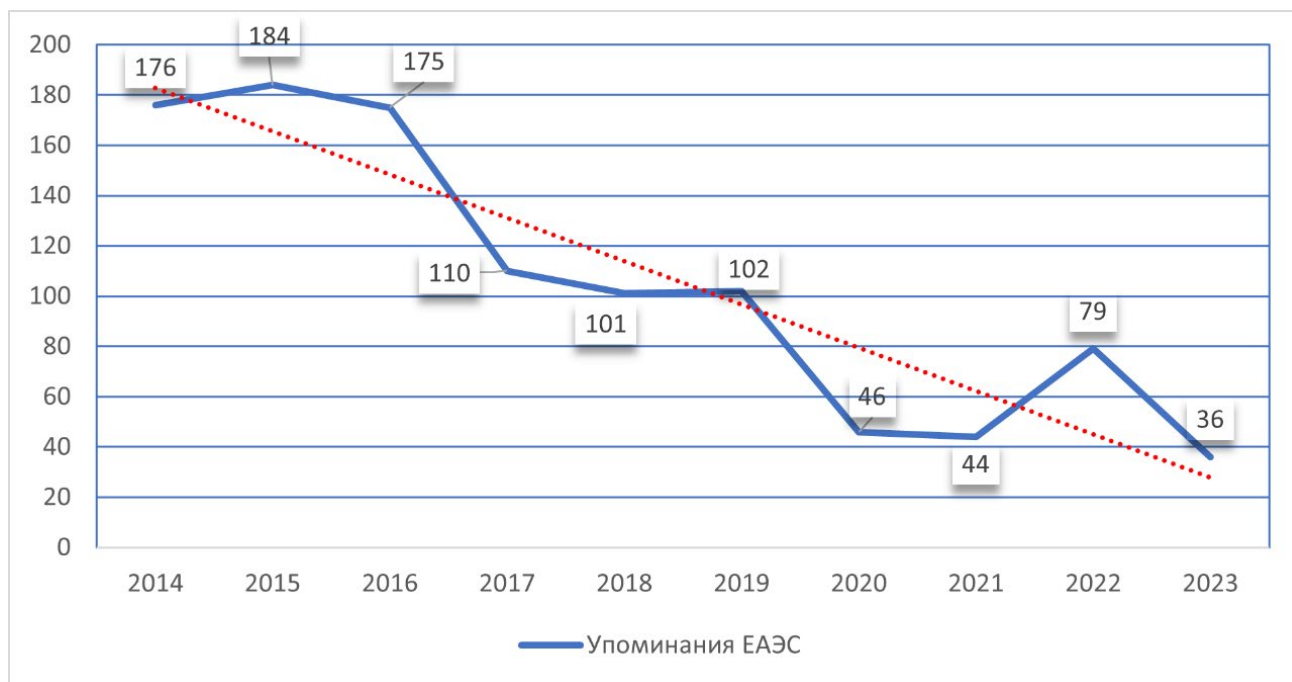
REFERENCES

- Ahremenko A.S.* Kolichestvennyj analiz politicheskoy dinamiki: statisticheskij i deterministskij podhody // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2009. № 4. S. 3-17.
- Zaslavskij S.E.* Politicheskie partii Rossii : Problemy pravovoj institucionalizacii / S.E. Zaslavskij ; In-t prava i publich. politiki. M.: In-t prava i publich. politiki, 2003. - 299 s.
- Kazakov A.A.* Teoriya ustanovleniya povestki dnya: osnovnye podhody i napravleniya issledovaniya v rossijskoj politicheskoy nauke // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2014. № 3. S. 41-56
- Osadchaya G.I.* Social'naya baza integracionnyh processov v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2019. №4. S. 639-651.
- Tereshchuk V.I.* Tekhnologii elektronnoho PR v deyatel'nosti politicheskoy partii // Studia Humanitatis. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-elektronnoho-pr-v-deyatelnosti-politicheskoy-partii> (data obrashcheniya: 23.10.2023).
- Cvetkova YU.A.* Povestka dnya: ponyatie, specifika, tipologii // Voprosy politologii. 2022. №7 (83). S. 2500-2505.
- A. Følstad, M. R. Johannessen, M. Lüders.* The Role of a Political Party Website: Lessons Learnt from the User Perspective. Lecture Notes in Computer Science. 2014. Pp. 52-63.
- Sinclair B.* Party Wars: Polarization and the Politics of National Policy Making. Norman, University of Oklahoma Press, 2006. 424 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

График 1

Динамика упоминаний на сайтах всех парламентских партий Государственной Думы РФ с (2014-2023 гг.)

Источник: составлено авторами на основе материалов веб-сайтов политических партий Российской Федерации: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР, Новые люди.

График 2

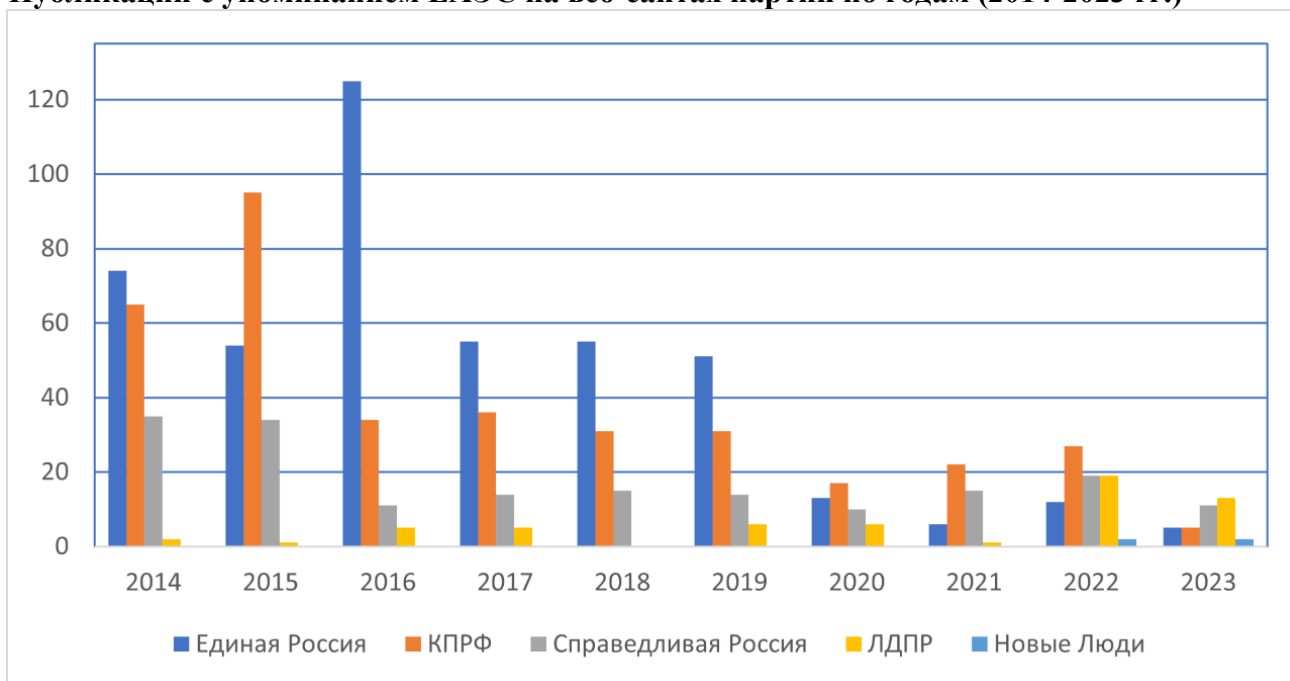
Общее количество публикаций на веб-сайтах политических партий (2014-2023 гг.)

Источник: составлено авторами на основе материалов веб-сайтов политических партий Российской Федерации: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР, Новые люди.

График 3

Публикации с упоминанием ЕАЭС на веб-сайтах партии по годам (2014-2023 гг.)

Источник: составлено авторами на основе материалов веб-сайтов политических партий Российской Федерации: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР, Новые люди.

Таблица 1

Статистика сообщений на веб-сайтах партий (2014-2023 годы)

Партия	Количество сообщений		Процент сообщений с упоминанием
	Всего	С упоминанием евразийской интеграции	
Единая Россия	91 136	450	0,49%
КПРФ	78 755	363	0,46%
Справедливая Россия	29 270	178	0,60%
ЛДПР	24 672	58	0,23%
Новые люди	524	4	0,76%
Всего по партиям	224 357	1 053	0,46%
Среднее по партиям	44 871	210	0,46%

Источник: составлено авторами на основе материалов веб-сайтов политических партий Российской Федерации: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР, Новые люди.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы. Москва, Россия. E-mail: lapenko-mv@rudn.ru

Сердюков Игорь Александрович, аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы. E-mail: Igo33595617@yandex.ru

Marina V. Lapenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science at RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: lapenko-mv@rudn.ru

Igor A. Serdyukov, PhD student of the Department of Comparative Political Science at RUDN University. E-mail: Igo33595617@yandex.ru

РОССИЯ / RUSSIA

Научная статья / Research article

Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе

В. И. Мизин

*Институт мировой экономики и международных отношений РАН им. Е. Примакова,
Москва, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7903-4454>; e-mail: mizin56@hotmail.com

Аннотация. В статье анализируются возможные будущие варианты разблокирования и стабилизации ситуации в сфере евроатлантической безопасности в свете развития взаимоотношений России и НАТО на перспективу. По мнению автора, нынешняя ситуация по крайней мере напряженности в этих двусторонних отношениях во многом превосходит сегодня конфронтацию времён «холодной войны». По существу, разрушена вся инфраструктура исторически сложившихся соглашений о европейской безопасности. На европейском континенте усиливается военное противостояние, фактически прерваны любые контакты между Москвой и Альянсом, который собирается проводить на континенте какие-то новые разграничительные линии, многие эксперты на Западе и в России не исключают возможности прямого военного конфликта между ними и даже ядерной войны. Странами НАТО во главе с США взят курс на «исключение» России из мировой политики и экономики, оказание на нее постоянно нарастающего санкционного давления в рамках т.н. «гибридной» войны. При этом на основе краткого анализа эволюции концепции европейской безопасности, разработанной при прямом участии советской дипломатии, в статье делается вывод об отсутствии в НАТО и Евросоюзе на сегодняшний день четкой стратегии в области европейской безопасности, как и ясно сформулированных ориентиров в построении будущих взаимоотношений с Россией на этом направлении, о чем свидетельствуют и итоги всех последних Мюнхенских конференций по безопасности. Однако, по мнению автора, нынешняя сложная ситуация в Европе не должна приводить к какому-то уходу России из Европы, как это иногда советуют некоторые и российские эксперты. Наоборот, в нынешней ситуации в лучших традициях советской дипломатии необходим поиск взаимоприемлемых развязок, ведущих к снижению рисков конфронтации, большей предсказуемости и стабильности, которые отвечали бы коренным интересам безопасности страны и ее союзников. Автор полагает, что сегодня необходимо разрабатывать инициативные дипломатические подходы и продумывать на перспективу контуры ряда возможных первоначальных внешнеполитических шагов. Такой курс устранял бы риски прямого военного столкновения, повышал бы уровень доверия между сторонами, позволяя, в конечном счете, перейти к содержательному диалогу о будущем европейской архитектуры безопасности во взаимоприемлемых интересах сторон. В статье содержится ряд конкретных инициатив на это счет.

Ключевые слова: выстраивание мер доверия, Европа, ЕС, контроль над вооружениями, НАТО, ОБСЕ, Россия, США, транспарентность.

Для цитирования: Мизин В. И. Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):61-78.

Russia's possible scenarios for the future security architecture in Europe

Victor I. Mizin

E. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7903-4454>; e-mail: mizin56@hotmail.com

Abstract. The article analyzes possible future options for unblocking and stabilizing the situation in the field of Euro-Atlantic security in the light of the development of future interrelations between Russia and NATO. According to the author, the current situation of extreme tension in these bilateral relations in many ways surpasses the confrontation of the Cold War era today. In fact, the entire infrastructure of historically established agreements on European security has been destroyed. Military confrontation is intensified on the European continent, in fact, any contacts between Moscow and the Alliance, which is going to draw new dividing lines on the continent, have been ruptured, many experts in the West and in Russia do not exclude the possibility of a direct military conflict between them and even a nuclear war. NATO countries, led by the United States, have set a course for "excluding" Russia from world politics and the economy, exerting ever-increasing sanctions pressure on it as part of the so-called "hybrid" war. At the same time, basing on a brief analysis of the evolution of the concept of European security that has been developed with the direct participation of Soviet diplomacy, the article concludes that NATO and the European Union currently have no clear strategy in the field of European security in, as well as they lack clearly formulated guidelines for building future relations with Russia in this area, as evidenced by the results of all recent Munich security conferences. However, according to the author, the current complicated situation in Europe should not lead to some kind of withdrawal of Russia from Europe, as some Russian experts sometimes advise. On the contrary, in the current situation, in the best traditions of the Soviet diplomacy, it is necessary to seek out mutually acceptable solutions leading to reduced risks of confrontation, greater predictability and stability that would comply with the fundamental security interests of the country and its allies. The author believes that today it is necessary to develop proactive diplomatic approaches and think through the contours of a number of possible initial foreign policy steps for the future. Such a course would shun the risks of direct military collision while increasing the level of trust between the parties, and would eventually allow for a meaningful dialogue on the future of the European security architecture in the mutually acceptable interests of the parties. The article suggests a number of specific initiatives in this regard.

Keywords: arms control, devising confidence-building measures, Europe, EU, NATO, , OSCE, Russia, USA, transparency.

For citation: Victor I. Mizin Russia's possible scenarios for the future security architecture in Europe // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):61-78. (In Russ.)

Нынешняя ситуация во взаимоотношениях России - крупнейшей европейской и евразийской державы и большинства стран Европы беспрецедентна по уровню напряженности в контексте многофакторного противостояния, по интенсивности, по нашему мнению, превосходящего самые острые периоды «холодной войны». В политическом и экспертном сообществах сегодня открыто обсуждается вероятность даже развязывания прямого военного конфликта между Россией и НАТО. В условиях реформирования переживающего кризис мирового порядка настоятельно необходимо, очевидно, прорабатывать возможные конструктивные подходы к стабилизации ситуации в сфере безопасности в ключевом европейском регионе, исходя из того, что такие

инициативы должны основываться на реальных возможностях.

Ситуация со статусом общеевропейской безопасности на протяжении ряда последних лет детально проанализирована в большом числе отечественных и зарубежных публикаций. Среди российских авторов отметим работы ведущих исследователей из ключевых научных центров Н. Арбатовой, В. Барановского, Ю. Борко, О. Буториной, Ал. Громыко, Д. Данилина, В. Журкина, А. Загорского, Н. Кавешникова, А. Кортунова, С. Кортунова, К. Курылева, Ф. Лукьянова, М. Носова, Т. Оберемко, С. Ознобищева, О. Потемкиной, Т. Пархалиной, Ю. Рубинского. Главный тезис этой сформировавшейся российской школы аналитиков-европеистов - в отличие от выводов более ранних и тогда оптимистичных работ [Baranovsky 1997]: -

после периода послевоенной нормализации и даже разрядки напряженности в последние несколько лет в евроатлантическом регионе установилась ситуация конфронтации, напоминающая авторам эпоху «холодной войны». Между тем, если процитировать слова В. Путина, сказанные еще в 2001 г. и подчеркнувшие тогда тему европейской интеграции как будущего курса России и призвавшие раз и навсегда покончить с наследием холодной войны: «Мы понимаем: без современной, прочной и устойчивой архитектуры безопасности нам никогда не создать на континенте атмосферу доверия. А без атмосферы доверия не может быть единой Большой Европы!»¹. Но уже в Мюнхенской речи 2007 г. прозвучала резкая критика двойных стандартов и нежелания западных партнеров считаться с жизненными российскими интересами, опасности процесса натовского расширения как не имеющего никакого отношения к модернизации самого Альянса или к обеспечению безопасности в Европе².

Однако в среде западных экспертов установился своего рода консенсус в отношении того, что эра совместной европейской безопасности или построения «общиноевропейского дома» «от Атлантики до Владивостока», идею которого продвигали такие масштабные лидеры как В. Брандт или У. Пальме, закончилась [Rumer 2016]. Сегодня многие наблюдатели на Западе Европы заявляют о невозможности провозглашенного некогда генералом Ш. де Голлем единого пространства безопасности, пояса экономического и гуманитарного сотрудничества от Лиссабона до Владивостока, констатируя возвращение России как главного системного врага Запада. Реинтеграция России в «европейский порядок безопасности» в основном рассматривается

западноевропейскими экспертами как долгосрочный или даже несбыточный уже проект. В краткосрочной перспективе, как полагают в этом сообществе, речь может далее пойти об установлении функционирующего конфронтационного порядка безопасности или нового формирования блоков, какой-то демаркации разделительных линий между ними [Kühn 2020]. Скорее, речь там сводится к абстрактному теоретизированию, никак не связанному с конкретными предложениями о возможных операционных шагах или построении реалистичной стратегии Альянса. Дискуссии ограничиваются пока что, как правило, обсуждением потенциальной роли Украины в структурах ЕС и НАТО³, параметров гарантий безопасности и, безусловно, уже началом дебатов о роли США в будущей структуре европейской безопасности с учетом возможного фактора «Трампа 2.0». Началось и обсуждение роли Польши как «франтирного», пограничного государства (возможное совместное использование ядерного оружия—«совместные ядерные миссии», «nuclear sharing», дальнейшее наращивание контингентов НАТО на её границах, закупка американской, а не европейской военной продукции и т.п.). Готовится массированное усиление военного присутствия в странах Балтии и Польше, Финляндии, Швеции и Норвегии как ответ на растущую российскую угрозу. Как концептуальная основа такой новой военной активности обсуждаются новые контуры стратегии стратегического сдерживания Альянса на перспективу в русле реализации Стратегической концепции НАТО 2022 г. и решений Вильнюсского Саммита Альянса 2023 г.⁴.

¹ Речь В. В. Путина в Бундестаге ФРГ, 25 сентября 2001 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/> (дата обращения 14.02.2024)

² Путин В.В., Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 года URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 14.02.2024)

³ Zandee Dick, Stoetman Adája, The war in Ukraine: Adapting the EU's security and defence policy Clingendael Policy Brief // July 1 2023 URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep52277>, (дата обращения 14.02.2024)

⁴ NATO'S New 'Deterrence Baseline' and the Future of Extended Nuclear Deterrence // 22 July 2023 URL: <https://www.wiltonpark.org.uk/reports/natos-new-deterrence-baseline-and-the-future-of-extended-nuclear-deterrence/> (дата обращения 14.02.2024)

Взаимосвязанные проблемы восстановления приемлемого уровня безопасности и стабилизации в Центральной и Восточной Европе предсказуемо предполагается решать путем расширения ЕС и, возможно, НАТО для создания уже какого-то нового механизма совместной обороны; и, главное, через учреждение постоянного консультативного континентального механизма великих держав – некоего современного клона «Венского концерта»¹ 1815 года, то есть довольно сомнительной идеи возрождения «Венского международного порядка» – недолговечного антиреволюционного союза европейских монархов XIX в. [Jung 2023: 39]. Однако традиционно главными гарантами безопасности западной части Европы видится НАТО и пока себя никак не проявившая Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС(ESDP)¹.

С учетом резкого обострения конфронтации противостоящих сторон сегодня жизненно важным представляется предотвращение наращивания ядерной конфронтации в Европе, недопущение ее возможной дальнейшей оборонной «нуклеаризации», хотя натовским стратегам- планировщикам и неясно, как можно было бы эту задачу реализовывать.²

¹ A New Vision for the Transatlantic Alliance: The Future of European Security, the United States, and the World Order after Russia's War in Ukraine // CEPA Report November 2023, URL: https://cepa.org/comprehensive-reports/a-new-vision-for-the-transatlantic-alliance-the-future-of-european-security-the-united-states-and-the-world-order-after-russias-war-in-ukraine/#footnote_6_26200; Шереметьев Д., Европейская система безопасности во взаимоотношении России и ЕС // «Современная Европа», №1,2017, URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2017/01-2017.pdf> (дата обращения 14.02.2024)

² Kulesa L., The Crisis of Nuclear Arms Control and its Impact on European Security // No. 66, Non-Proliferation and Disarmament Papers, 2020. URL: <https://www.sipri.org/publications/2020/eu-non-proliferation-and-disarmament-papers/crisis-nuclear-arms-control-and-its-impact-european-security> (дата обращения 14.02.2024); Nuclear arms control regimes: state of play and perspectives. In-Depth Analysis Requested by the SEDE Subcommittee // European Parliament. December 2020 URL:

Неядерные европейские государства традиционно передавали в рамках НАТО прерогативу решения вопросов контроля над ядерным оружием США, как бы самоустраняясь, и пока ещё находясь в поисках собственной европейской идентичной политической линии по этой проблематике [Bollfrass, Budjeryn 2020]. Абсолютно нереальны планы создания какого-то общенатовского ядерного блока для таких давно высказываемых планов создания единой европейской армии, несмотря на стремление Германии и Франции в последнее время к обретению большей самостоятельности от США в сфере обороны. Отдельный вопрос - перспективы ситуации в зоне соприкосновения НАТО и России после окончания рано или поздно нынешних военных действий.

Было бы крайне неоправданно ожидать, на наш взгляд, что конфронтация России с т.н. «коллективным Западом» закончится в ближайшие годы, принимая во внимание остроту и весомость определяющих её факторов.

В данной работе, не вдаваясь в констатацию и аналитические оценки нынешнего положения, его хорошо изученных в российском экспертном сообществе причин и генезиса, ставится задача предложить некоторые возможные пути преодоления нынешнего явно кризисного состояния в сфере европейской безопасности.

Опираясь в этом логично на опыт и достижения советской и наследующей ее российской дипломатии.

Исторически непреложным фактом, по нашему мнению, является ключевая роль Советского Союза в формулировании и практической реализации политики европейской безопасности в середине 1970-х гг. Советскому лидеру Л.И. Брежневу крайне важно было представить себя и страну как уважаемого, серьезного и уважаемого лидера мирового уровня - в

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/603496/EXPO_IDA\(2020\)603496_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/603496/EXPO_IDA(2020)603496_EN.pdf) (дата обращения 14.02.2024);

противоположность во многом авантюрной, непредсказуемой политике незадачливого предшественника. В те годы СССР в постоянном соревновании со своими глобальными военно-политическими оппонентами уже добивался немалых успехов, в частности в области космонавтики, атомной энергетики, ледоколостроения, нефтедобычи, став бесспорным лидером в гонке всех видов вооружений, размахе капитального строительства - при одновременном значительном, по сравнению с предшествующими нелегкими десятилетиями, повышении уровня жизни и благосостояния населения. На этой базе внешнеполитические инициативы должны были, по мнению советского руководства, сыграть решающую роль в закреплении роли СССР как мирового центра силы в мирном соревновании с военно-политическими глобальными оппонентами.

Прежде всего, предстояло каким-то образом стабилизировать ситуацию в Большой Европе и наконец урегулировать критично важный и проблемный германский вопрос, решить проблему Западного Берлина [Долгиевич 2018: 244]. Для этого тогда, как казалось, сложились, все предпосылки. Неплохо развивались и беспрецедентные для тогдашнего периода «холодной войны» контакты с Францией пытавшегося еще в годы войны выстраивать особые отношения с Кремлем президента де Голля и ставшего, особенно после визита в СССР в 1966 году, как бы проводником для советских инициатив по открытости и налаживанию отношений с послевоенной Европой [Дубинин 1997: 167-168]. Пришедшее после довольно антисоветских канцлеров Л. Эрхарда и К.Г. Кизингера правительство харизматичного политика новой формации социал-демократа В. Брандта (1969-1974 гг.) также искало пути реализации того что, назвало «новой Восточной политикой»¹. В письме советскому премьеру А.Н.Косыгину

В.Брандт недвусмысленно дал понять, что хотел бы наладить отношения нового плана с советской страной². Это касалась, прежде всего, нахождения путей решения труднопроходимого «германского вопроса» и признания Западной Германией ее восточных границ, то есть ГДР [Филитов 2009: 333]. В немалой степени этому способствовала и обоюдная заинтересованность в развитии экономического сотрудничества, в чем остро нуждалась быстро растущая тогда на подъеме советская экономика, и были заинтересованы германские торгово-промышленные круги, видевшие немалые перспективы обширного рынка СССР для своей восточной торговли (Osthandel). Московским Договором между СССР и ФРГ 1970 г.(вступившим в силу 3 июня 1972 г.), которым тогда была признана нерушимость границы по линии Одер—Нейсе с Польшей, а также границы между ФРГ и ГДР, в Европе исторически оформилась принципиально новая структура межгосударственных отношений, окончательно подведшая итоги Второй мировой войны. Он привел к заключению аналогичных договоров с Польшей и ЧССР, шестистороннего Договора 1990 г. об окончательном урегулировании с Германией, Четырехстороннего соглашения по Берлину в сентябре 1971 г. и наконец основополагающего договора между ГДР и ФРГ в 1972 г. Советской дипломатии после долгих усилий удалось добиться коренного поворота в политике ФРГ, подтверждения сложившегося статус-кво в Европе и признания суверенитета социалистической ГДР. Тогда советским руководством это рассматривалось прежде всего как предотвращение новых крупных военных конфликтов на континенте.

В истории Европы был запущены процессы разрядки международной напряженности между двумя противостоящими военно-политическими альянсами начала 1970-х гг., создано

¹Bahr Egon , Change through Rapprochement // Speech at the Evangelische Akademie Tutzing, Kassel, 15 July 1963. URL: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=81id=81(дата обращения 14.02.2024);

Raus R., Egon Bahr and the concept of a 'European peace order' (1963–70) // URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2006/6/6/72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d/publishable_en.pdf (дата обращения 14.02.2024);

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ-впоследствии ОБСЕ) как многосторонний форум диалога между Востоком и Западом. После двухлетних встреч в Хельсинки и Женеве 1 августа 1975 г. при самом активном участии советской дипломатии был подписан исторический Хельсинкский Заключительный акт, чем Л.И. Брежнев крайне гордился как одной из главных личных внешнеполитических побед. «Хельсинкский процесс» зафиксировал ряд важнейших обязательств в военно-политической и экономико-экологической сферах, по вопросам соблюдения прав человека¹. В этом документе были закреплены десять основополагающих принципов (декалог), которым государствам надлежало следовать в своих взаимоотношениях и по отношению к своим гражданам. И Хельсинкским актом, и предшественником-стимулятором - Московским договором были закреплены основополагающие впоследствии и подтверждаемые сегодня российской дипломатией принципы европейской безопасности - неукоснительного соблюдения территориальной целостности всех государств Европы в их существующих границах, а также отсутствие у них территориальных притязаний к кому-то бы ни было. Это было своего рода продолжением и развитием советской концепции наркоминдел М. Литвинова о коллективной и равной безопасности для всех [Мальгин 2009].

Разоружение, начиная с самого конца 1960-х гг., стало действительно, как гласил советский пропагандистский лозунг, «велемием времени», главным вектором дипломатии государства и важнейшей внешнеполитической, стратегической темой самого Л. Брежнева. Никому в Западной Европе тогда в голову не приходило Москву изолировать- наоборот там все стремились к контактам с кремлевским руководством.

Необходимость в развертывании в советском МИДе квалифицированных кадров привела к появлению и закреплению в советской дипломатии особого, «привилегированного» - по задачам и прерогативам класса дипломатов-«разоруженцев». С их работой и заслугами связаны в последующем заметные и признаваемые западными аналитиками успехи советской и российской внешней «политики мира и разрядки», в том числе и на европейском, важнейшем тогда направлении.

Прежде всего, после заключения Хельсинкского акта предстояло заняться проблемой стабилизации ситуации с европейской безопасностью в ее материальном выражении, то есть вопросами возможных ограничений на вооружения и вооруженные силы, военную технику двух противостоящих на тот момент военных блоков - НАТО и Варшавского Договора. Переговоры сторон в конце концов начались в Вене в 1973 г. ДОВСЕ был подписан 1990 г. в Париже 16 тогда членами блока НАТО и 7 –от ОВД В результате напряженной длительной дипломатической работы были согласованы - в районе его применения от Атлантического океана до Уральских гор, реки Урал и Каспийского моря - максимальные уровни вооружений и техники, а также фланговые ограничения². К сожалению, из-за кардинальных разногласий России и НАТО ДОВСЕ ныне окончательно остался документом истории.

Тем не менее, предметная, кропотливая участникам экспертная работа заложила критерии на будущее и для переговоров по ограничению наиболее опасных - ядерных сооружений сторон. Получившая широкую известность история с неформальными консультациями глав делегаций послов Ю. Квицинского и П. Нитце - «прогулка в лесу» дала стимул многим последующим

¹ Адамишин А.А. Заключительный акт: занавес опускается? // «Россия в глобальной политике» №4 Июль/Август 2005г., URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zaklyuchitelnyj-akt-zanaves-opuskaetsya/> (дата обращения 14.02.2024)

²Гринеvский О.А., Перелом. От Брежнева к Горбачеву,2004 ОЛМА-ПРЕСС,URL:https://royallib.com/book/grinevskiy_oleg/perelom_ot_bregneva_k_gorbachevu.html(дата обращения 14.02.2024)

взаимовыгодным компромиссам¹. В конце концов благодаря усилиям советской дипломатии был согласован и подписан в 1987 г. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Он устранял созданную решением советских военных разместить в европейской части страны - в добавление к нацеленным на НАТО стратегическим силам РСВН - ракеты «Пионер» (СС-20 по натовской терминологии) угрозу советским командным пунктам и центрам управления - с полетным временем натовских ракет в 8 минут. ДРСМД дал импульс разработке важнейших договоренностей по контролю над вооружениями, включая важнейший Договор по СНВ-1.

Оценивая значение этого документа в исторической ретроспективе, необходимо понимание того, в какой международной обстановке он был согласован. К началу 80х две тогдашние сверхдержавы чуть было не подошли к порогу ядерной войны, приблизившись к крайнему уровню конфронтации в безудержной гонке вооружений. Она достигла апофеоза после объявленной президентом Р. Рейганом «стратегической оборонной инициативы», предусматривавшей развертывание запрещенной Договором по ПРО системы противоракетной обороны территории страны с элементами космического базирования и вызвавшей как реакцию противодействия советские планы «асимметричного ответа» [Кокошин 2007; Кокошин 2008; Ознобищев, Потапов, Скоков 2008] Нажимная антисоветская линия президента Р. Рейгана с его провозглашенным лозунгом «империи зла», «свалки истории» и «звездных войн» как защиты «астрокуполом» от возможной ракетной атаки оппонента натолкнулась на равное по непримиримости противодействие дипломатии и пропагандистской машины администраций Ю.Андропова и К.У. Черненко в 1982-1984 гг. Даже при Горбачеве проводилась

начатая Ю.В. Андроповым операция «РЯН» (ракетно-ядерное нападение) по обнаружения признаков подготовки к этому Пентагона, отслеживанию перемещения лиц, имеющих полномочия отдать приказ о начале ракетно-ядерного нападения² - когда Политбюро ежеминутно ожидало внезапного ядерного удара. Усугубляли ситуацию такие факты, как сбитый по катастрофической ошибке пассажирский лайнер рейса KAL 007, командные учения НАТО «Able Archer83» по отработке действий Альянса на случай эскалации ядерной войны, появление в том же году по просьбе союзников по НАТО американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет в Западной Германии в соответствии с «двойным решением» НАТО в ответ на развёртывание в Европе советских СС-20, начиная с 1976 года. Казалось, наступала эпоха мрачного внешнеполитического безвременья и бессилия каких-либо дипломатических заходов. Тем не менее и неожиданно, тогда благодаря усилиям и советской дипломатии перехода от напряженной конфронтации к прямому военному столкновению тогда удалось избежать. 5 января 1986 г., было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о программе полной ликвидации ядерного оружия во всем мире. Советским Союзом предлагалось на первом этапе уничтожить РСМД и сократить на 50% стратегические ядерные арсеналы, на втором этапе – ликвидировать тактическое ЯО, а на третьем – все оставшиеся боезаряды. Начиная с 1990 г., второй этап предусматривал участие Великобритании, Франции и Китая. Они присоединились бы к процессу, заморозив свои арсеналы, а все ядерные державы ликвидировали бы свое тактическое оружие и запретили ядерные испытания. Начиная с 1995 г., третий этап предусматривал

¹ Savranskaya S. and Blanton T. The INF Treaty 1987–2019 // National Security Archive Electronic Briefing. 2 August 2019. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2019-08-02/inf-treaty-1987-2019>. (дата обращения 14.02.2024)

²Fischer B.B. A Cold War Conundrum // The 1983 Soviet War Scare, URL:<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/a-cold-war-conundrum/source.htm#HEADING1-18> (дата обращения 14.02.2024)

ликвидацию оставшегося ядерного оружия¹. Самое важное в том, что в отличие от во многом по-хорошему пропагандистских документов 1960-х гг. на эту тему о всеобщем и полном разоружении в данном случае текст был конкретным, структурированным и содержал предложения, впоследствии реализованные советской внешней политикой - о заключении конвенции о запрете химоружия и Договора по РСМД, о соблюдении важнейших договоров в области контроля над вооружениями, предложений на переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ). Так СССР и его руководство получили статус главного инициатора политики разоружения в мире.

Россия не оставляла попыток конструктивной трансформации системы европейской безопасности и после периода продвижения «нового мышления во внешней политике» М.С. Горбачева. Следует отметить, что американская дипломатия довольно пренебрежительно отреагировала на инициативу в области европейской безопасности ельцинского министра иностранных дел А.В. Козырева, названную им «Партнерство во имя объединенной Европы». Этот план предполагал подчинение НАТО структурам ОБСЕ и усиление роли России в построении новой интегрированной Европы. Заместитель госсекретаря США С. Тэлботт тогда отверг эти предложения о таком совершенно новом европейском порядке безопасности, желании России «стать архитектором Европы наряду с США», заявив, что «им не дает покоя тот факт, что НАТО, похоже, готово диктовать условия нового порядка»². А, по мнению

российского президента Б.Н. Ельцина, высказанному в 1994 г. президенту США Б. Клинтону, Россия должна была бы первой вступить в НАТО. «После этого могут вступить другие страны Центральной и Восточной Европы. Должен быть своего рода картель США, России и европейцев, чтобы способствовать обеспечению и укреплению международной безопасности»³. Уже тогда в американской политике проявилось нежелание консультироваться по ключевым вопросам с новой Россией, которой, как саркастически замечали в Вашингтоне, предстояло еще поучиться демократическим принципам правления и доказать верность общечеловеческим ценностям. Позднее, в 2008 г., идея тогдашнего президента Д.А. Медведева о разработке и заключении еще одного юридически обязывающего документа для евроатлантического пространства - Договора о европейской безопасности (ДЕБ) была с порога отвергнута как не новая, неконкретная и чуть ли не попытка ликвидации НАТО в стремлении погасит критику за операцию по «принуждению Грузии к миру» - хотя на лондонской встрече «двадцатки» в апреле 2009 г. и была достигнута договоренность о рассмотрении ДЕБ⁴.

Сегодня, опираясь на этот исторический опыт, было бы полезно, как полагаем, добиться аналогичных прорывных дипломатических подвижек в интересах укрепления российской национальной безопасности, снижения военной угрозы, которые можно было бы осуществить

¹ Заявление генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. // 15 января 1986 года, https://www.gorby.ru/userfiles/file/zayavlenie_msg_15_01_1986.pdf (дата обращения 14.02.2024)

² Memorandum for Anthony Lake from Strobe Talbott. Subject // Kozыrev's "European Security Plan," January 12, 1994. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/30915-document-3-memorandum-anthony-lake-strobe-talbott-subject-kozыrevs-european-security> (дата обращения 14.02.2024)

³ Cable from U.S. Embassy Moscow to State Department // "President's Dinner with President Yeltsin," January 1994, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/30920-document-8-cable-us-embassy-moscow-state-department-presidents-dinner-president> (дата обращения 14.02.2024)

⁴ Проект Договора о европейской безопасности // 29 ноября 2009 г. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/mas_s_media/825759/ (дата обращения 14.02.2024); Становая Т.А. Проект Договора о европейской безопасности и «перезагрузка» // 07.12.2009, URL: <https://politcom.ru/9252.html> (дата обращения 14.02.2024);

исходя из сложившихся реалий после прекращения боевых столкновений.

Исторические факты свидетельствуют, что все крупные военные конфликты неизбежно рано или поздно заканчиваются мирным договором или, в крайнем случае, перемирием, соглашением о прекращении огня. Любая постконфликтная ситуация неизбежно требовала послевоенного урегулирования и правового закрепления новых реалий. Естественно, такие варианты решений разрабатываются уже в ходе вооруженного конфликта, в том числе с прямым участием независимых и доверяемых посредников.

Эти приемы характерны в истории «Большой Европы», неотъемлемой и немаловажной частью которой остается сегодня обретая свою национальную идею и идентичность и давно «вставшая с колен», по выражению президента Б.Ельцина, Россия. В стремлении утвердить мирный послевоенный порядок после кровопролитных, опустошающих и кататонических по воздействию на коллективную социальную психику войн традиционно проявлялось непреходящее стремление европейского общества и политических лидеров к интеграции, поскольку этот мега-регион считался ими вершителем судеб всего мира и должен был служить для него своего рода моделью демократического совершенства. Это отмечалось после падения наполеоновской империи и завершения Первой мировой войны, но особенно после краха гитлеровского нацизма в результате победы советского народа, затем после исчезновения СССР и распада бывшей социалистической системы.

Наращение турбулентности в мировых делах после начала непрекращающегося тяжелого кризиса на Украине и вокруг нее полностью изменило, на наш взгляд и, по мнению многих мировых политиков и экспертов, характер и статус мировой и европейской политики. Представляется, тем не менее, что постоянно дрящящая конфронтация бесперспективна и не может длиться бесконечно. Очевидно, для разблокирования сегодняшнего противостояния между Россией и

западными партнерами, цитируя высказывание Л.И. Брежнева, «нужны не увязки, а развязки». Это, полагаем, отвечало бы интересам всех вовлеченных сторон - какими бы запросными и диаметрально несопоставимыми не казались их позиции на нынешнем этапе.

Вся структура и конфигурация европейского государственного устройства, до сих пор установленные сыгравшей свою стабилизирующую роль в биполярной конфигурации Ялтинско-Потсдамской системой, Хельсинкским Заключительным актом, Основополагающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россия-НАТО 1997 г. или Парижской хартией ОБСЕ для новой Европы 1990 г., Будапештским меморандумом 1994 г., стамбульской Хартией европейской безопасности ОБСЕ 1999 года и Римской декларацией Россия-НАТО 2002 г. - в последние годы уже становятся достоянием истории и не функционируют как задумывали их авторы.

Заложенные там хорошо известные принципы «эпохи после окончания холодной войны» в наши дни, очевидно, поставлены под сомнение и не работают. Некоторые эксперты утверждают о безусловном начале «холодной войны 2.0» или даже наступлении более пугающего феномена в плане региональной безопасности, очертания которого политологам еще предстоит определить и тщательно проанализировать. Заявляют о крахе всей системы сдержек и противовесов классической инфраструктуры контроля над вооружениями и возможном наступлении своего рода нового Мрачного средневековья (New Dark Ages). Не оправдались надежды пришествие «нового дивного мира» (Aldous Huxley, "Brave New World") при полном отсутствии какого либо провозглашенного по итогам исчезновения мировой системы социализма «нового мирового порядка».¹

¹20Speech by George H. W. Bush, President of the U.S.A. Given to a joint session of the United States Congress, Washington D.C. on 11 September 1990, URL: https://en.wikisource.org/wiki/Address_Before_a_Joint_Session_of_the_Congress_on_the_Persian_Gulf_Crisis_and_the_Federal_Budget_Deficit (дата обращения 14.02.2024)

Тем временем в прошедшие два года Россия вошла в ситуацию полномасштабной конфронтации с закрепившимся у нас в политическом дискурсе термином – т.н. «коллективным Западом»¹. Курс, - если использовать конспирологический уже термин американской внутренней политики - западным коллективным «глубинным государством» (т.е. «гибридным слиянием государственных чиновников и представителей верхнего уровня финансистов и промышленников»), руководящим политикообразующим классом ведущих и откровенно недружественных западных стран взят на тотальную блокаду, «исключение», наказующее «выдавливание» России как оппонента из мировой политики и экономики - не считаясь при этом с последствиями и издержками, на нанесение ей сокрушительного геополитического поражения. Российскими критиками-недоброжелателями подразумевается, что «агрессией» и «противоправными аннексиями» Москва сама исключила себя из международно-правового поля. И к ней вообще сегодня неприменимы его нормы, на неё не распространяется международно-правовая юрисдикция как на агрессивное и даже уже, у некоторых политиков, террористическое образование. Поэтому в отношении него возможны любые захваты и конфискации, аресты авуаров, невзирая на недействующее в отношении этого субъекта «священное право» частной собственности, а его жалобы и протесты судами и арбитражами практически не рассматриваются. Режим подразумевается в значительной части западного политического класса в принципе нелегитимным, если не преступным. В России, утверждает западными политиками и экспертами, в 1990-х гг. не произошло десоветизации, декоммунизации, люстраций, запрета на профессии для представителей старых коммунистических

партийных элит и силовых структур, или «раздавливания», реформирования компартий как в бывших странах Варшавского Договора. Демократичной смены режима в Москве в Брюсселе и Лондоне не ждут - надеясь, что рано или поздно он сам собой коллапсирует под грузом внутренних и внешних проблем, подобно бывшему СССР, правда такие ожидания все больше слабеют. При этом ряд западных экспертов полагает, что будущий режим в Москве скорее всего будет ещё более имперски-агрессивным и ксенофобным. На очереди дальнейшая активизация давления и запретов на участие в различных международных организациях и форумах, невыдача виз, попытки организации разного рода нелегитимных трибуналов по расследованию «преступлений режима против человечества» по типу Гаагского по бывшей Югославии и составление «черных», проскрипционных списков. Вопреки ожиданиям ряда наших аналитиков будет продолжаться политика внесения незаконных односторонних антироссийских санкции и усиления уже введенных.² К этому российскому обществу и политическому классу следует быть внутренне готовыми и разрабатывать в продолжение нынешних меры парирования и противодействия.

Однако, при всём этом планомерном курсе, в духе пресловутого «плана Армеля» 1960-х гг.³ лидеры стран НАТО параллельно не отказываются в своих интересах и от диалога с российским «несистемным игроком» по ряду интересующих их проблем и выгодных им тем и направлений. Со своей стороны, в Москве «пришли к выводу, что Соединённые Штаты

¹ Косачев К.И., Коллективный Запад - главный вызов человечеству в XXI веке, «Российская газета», 3 мая 2022 г., URL: <https://rg.ru/2022/05/03/kosachev-kollektivnyj-zapad-glavnyj-vyzov-chelovechestvu-v-xxi-veke.html>

² «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) // 17.012024. URL: https://www.mid.ru/ru/useful_information/reports/1925827/ (дата обращения 14.02.2024)

³ Kühn Ulrich, Deter and Engage: Making the Case for Harmel 2.0 as NATO's New Strategy // “New Perspectives” February 27, 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2336825X1502300106> (дата обращения 14.02.2024)

неправомерно и непропорционально присвоили себе право управлять миром и формировать его, не имея на то законных или моральных оснований»¹.

Представляется, тем не менее, что несмотря на крайне обострившиеся взаимоотношения, когда страна вновь, как в годы «холодной войны», заявлена главным оппонентом, и даже жестче, открытым системным врагом «развитых демократий свободного мира», а международная ситуация тревожнее чем в дни Карибского кризиса 1962 года, российской дипломатии, по нашему убеждению, необходимо искать точки соприкосновения казалось бы полярных позиций и взаимоприемлемые консенсусные развязки – разумеется, не поступаясь жизненными национальными интересами.

Поэтому сегодня важно не допустить перерастания нынешнего противостояния в более провокационную фазу, наподобие ситуации в Европе 1914 или 1938 гг., а тем более скатывания к ядерному обмену ударами, о чем сегодня появляется столько безответственных инсинуаций в экспертной среде. С определенной точки зрения ситуация в международных отношениях напоминает мир XIX в. с его «концертом великих держав», в основном сегодня все еще западных, не считая Китая, да и Индии с ЮАР и Бразилией.

Между тем Россия в 2024 г. – несмотря на ранее предсказанную ей на Западе неминуемую экономическую катастрофу – достигла непререкаемого уже даже противниками мирового статуса и теперь пользуется почти бесспорным глобальным признанием как центр силы, а ее «внешнеполитическая капитализация» или очевидное международное присутствие и влияние вполне сопоставимы с советским в его наивысшей точке. Россия претендует занять место лидера тех политических сил или «Глобального Юга» (то есть быстро набирающих влияние группы государств, таких как Китай, Индия и другие члены

БРИКС, страны Африки и Латинской Америки, многие ближневосточные и азиатские страны), где элиты и народные массы негативно относятся к попыткам навязывания «вечного американского диктата и гегемонизма».

Санкции против России, исторически, пожалуй, беспрецедентные по жесткости и объему рестрикции², не привели к желаемым их инициаторами результатам, и в условиях продолжающегося экспорта из страны, в том числе и в западные страны, и благодаря политике импортозамещения практически успешно преодолеваются, при этом стимулируя перестройку и модернизацию российской промышленности и увеличение государственных доходов³. Экономика России осязаемо выходит на новый качественный уровень развития⁴. Можно предположить при этом, что в отсутствие четкой и продуманной западной стратегии они, с одной стороны будут расширяться - а с другой и ослабляться - в таком своеобразном диалектическом ключе.

Однако, как бы резко ни звучали заявления его лидеров, Западу не уйти от логического признания, пусть и неявного, интересов России в сохранении своего влияния на постсоветском пространстве и в Евразии в целом, где она по-прежнему остается главным центром притяжения. Именно потому, что подспудно главной проблемой в области безопасности на Западе Европы все еще видится Россия, к серьезному диалогу, реальным консультациям с которой там не готовы, (да

¹ Лукьянов Ф.А. «У нас мировоззренческая коллизия, которая не предусматривает компромисса» // «Россия в глобальной политике», 27.06. 2024 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovozzrencheskaya-kolliziya/> (дата обращения 14.02.2024)

² Тимофеев И.Н. Беспрецедентные санкции? Отнюдь // 9 января 2023, <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bespretsedentnye-sanktsii-otnyud/>.

³ Huileng Tan Russia made more money from oil exports in October than it did in any month before the Ukraine war // December 11, 2023, Business Insider URL: <https://www.businessinsider.com/russia-economy-oil-export-revenue-price-cap-war-dark-fleet-202312#:~:text=In%20October%2C%20Russia%20generated%20%2411.3,the%20outbreak%20of%20the%20war>

⁴ Russia Sees Resilient Economy Despite War on Ukraine \ Sanctions. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-08/russia-sees-resilient-economy-despite-war-sanctions>

и ранее не были готовы, о чем сейчас даже в НАТО многие сожалеют).

Известно, что даже в самые конфронтационные периоды «холодной войны» СССР и страны Запада смогли сохранить приверженность политическому диалогу и умели приходить к консенсусным решениям, которые предотвратили ядерную войну и установили своего рода «динамическую стабильность» в условиях, когда обе стороны всё же относились друг к другу с известным уважением и не пересекали определенных «красных линий». Тогда удавалось отказаться от тактики бесконечных увязок¹. Через год после ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию в 1969 году начались переговоры об ограничении стратегических вооружений, завершившиеся подписанием в 1972 г. исторических, фактически первых, документов по контролю над ядерными вооружениями ОСВ-1, и это несмотря на агрессию США во Вьетнаме. В 2001 г. Россия была отстранена западными делегациями от участия в Совете Европы из-за ее контртеррористической военной операции в Дагестане и Чечне, но всего на несколько месяцев. А менее чем через год после «принуждения Грузии к миру» в марте 2009 г. Россия и США договорились символически нажать красную «кнопку перезагрузки» в отношениях - хотя избавиться от груза накопившихся проблем и конструктивно пересмотреть все «точки соприкосновения» интересов, как известно, к сожалению и не удалось.

Сегодня, полагаем, было бы всё же важно задуматься о путях сохранения традиционных инструментов контроля над вооружениями или изобретении последующих мер в этой области. В частности, в связи с неопределенным будущим Нового Договора по СНВ²,

рассмотреть возможность каких-то договоренностей на его замену, а также Договора о РСМД или о модернизации подвергающегося критике Венского документа ОБСЕ по мерам укрепления доверия в Европе. Это необходимо дабы решительным образом предотвратить начало новой гонки вооружений и общий коллапс стратегической стабильности.

Подобные решительные усилия особенно важны сегодня, поскольку именно в условиях резкого, беспрецедентного ухудшения отношений между Россией и натовскими странами крайне важно не допустить прямого конфликта между ними. В этой ситуации особенно важно избежать сползания по спирали эскалации к обмену ядерными ударами или даже длительной паузы в усилиях по контролю над вооружениями и нераспространению. Таким образом, стороны, как мы убеждены, должны сделать все возможное, чтобы наладить всё же содержательный диалог по ключевым вызовам безопасности между Востоком, Западом и государствами «глобального Юга». Ориентиром в такой политике могут служить высказывания легендарного советского дипломата А.А. Громыко: «лучше десять лет переговоров, чем один день войны»³.

Однако кардинально видоизмененная европейской структура и нормативная база безопасности может появиться только в том случае, если государства континента смогут перейти к установлению нового статус-кво в регионе. Несомненно, в настоящий момент затруднительно предсказать, какие документы в формате Россия-НАТО возможно было бы реально согласовывать. Необходимо продумывать стратегические ходы на дальнюю перспективу. Проблема в том, что никто в НАТО серьезно, как

¹ Marder Murrey, "Vance Jettisons Kissinger's 'Linkage,'" // Washington Post. February 5 1977. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1977/02/05/vance-jettisons-kissingers-linkage/f890cbbc-0913-4b26-8310-be35048605cb/> (дата обращения 14.02.2024)

² В России Новый (Пражский) Договор по СНВ 2010 г. поразительно упорно продолжают именовать «СНВ-3», хотя другой договор, но с таким названием (рамочный СНВ-3, START-III) был выработан, и с

участием автора, еще в 1997 г., но не ратифицирован. См: The START III Framework at a Glance. Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/start3> (дата обращения 14.02.2024)

³ «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». // Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко URL: <https://www.gromyko.ru/gromyko/books/luchshe-desyat-let-peregovorov-chem-odin-den-voyny/> (дата обращения 14.02.2024)

представляется, не задумывался всерьез о контурах «будущей Европы».

Между тем, на пике продолжающегося глубочайшего кризиса в отношениях между Западом и Россией было бы полезно попытаться найти первоначальные прагматичные пути выхода из этого углубившегося противостояния, наметить практические меры, которые могли бы привести к новому качеству отношений без подозрений и недоверия.

Требуется разработка некоторых потенциальных проектов или инициатив, новаторских мер по повышению взаимной предсказуемости, совместных шагов по укреплению многосторонних механизмов укрепления доверия с целью подготовки почвы для дальнейших соглашений о контроле над вооружениями, которые будут продвигаться, когда взаимоотношения в Европе, хотя бы первоначально, нормализуются.

Это потенциально могло бы привести и к процессу перехода к меньшему количеству «тактических» (суб-стратегических) ядерных вооружений в Европе в будущем или, по крайней мере, к большей прозрачности и возможному обмену данными в этой области.¹

Важно и выявить перспективы и организации возможных новых площадок для развития более совместных и стабильных отношений между европейскими государствами (НАТО и ЕС) и Россией в Евroatлантическом регионе и отслеживание возможных ощутимых путей установления климата взаимного доверия и подотчетности между этими субъектами. Если же модель создания новых механизмов по понятным причинам невозможна, то единственным и логичным форумом диалога между сторонами всё же остается ОБСЕ.

Если же незамедлительно на интервале ближайших лет, в силу «санкционной

войны» и непрекращающегося непримиримого соперничества в информационной сфере в рамках пресловутых «гибридных войн»,² невозможны широкомасштабные договоренности в области глобальной безопасности, то могли бы быть выработаны своего рода «правила хорошего тона», «кодекс достойного поведения», по крайней мере, для «цивилизованных» крупных держав. С такой инициативой и могла бы выступить российская дипломатия.

Рано или поздно станет необходима, как мы всё же убеждены, тщательная разработка новой и смелой политической инициативы, такой как подготовка и созыв конференции на высшем уровне после прекращения прямых военных действий, можно было бы предусмотреть согласование своего рода «Хельсинкского акта 2.0» для европейского или трансатлантического ареала. Это отвечало и коренным интересам всей Европы в поиске ее новой идентичности [Kissinge 2014: 95]

Отдельный блок вопросов – укрепление военной безопасности посредством контроля над вооружениями.

Возможный будущий диалог был бы по возможности направлен на выявление конкретных вопросов и проблем, которые особенно актуальны для укрепления архитектуры Евро-атлантической безопасности, под заголовками-подтемами, такими как:

- Принципы и контуры будущей или предполагаемой архитектуры евроатлантической безопасности;
- Основные вызовы на этом пути и программа поэтапных достижений по ослаблению нынешней напряженности в отношениях;
- Сравнение в этой связи доктрин и озабоченностей сторон;
- Роль имеющихся институтов в евроатлантической архитектуре безопасности (НАТО, Совет Россия-НАТО, ОБСЕ, ЕС, ОДКБ, ЕврАзЭС и т.д.);
- Возможности повышения безопасности регионов и государств Евroatлантического

¹ Alberque W., Russian Thought and Doctrine Related to Non-strategic nuclear weapons: Change and Continuity? // IISS Report, January 2024, URL: <https://www.iiss.org/research-paper/2024/01/russian-military-thought-and-doctrine-related-to-nonstrategic-nuclear-weapons/> (дата обращения 14.02.2024)

² Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. // Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015

региона, которые не являются членами ОДКБ, ЕС или НАТО

Возможный и необходимый вклад возрождённых процессов контроля над вооружениями, транспарентности и мер укрепления доверия в европейскую безопасность;

- Разрешение конфликтов в Европе/Евроатлантическом регионе - с акцентом на способы создания атмосферы/культуры безопасности, которая эффективно предотвращает или быстро смягчает возникновение любых крупных конфликтов (подобных нынешнему конфликту на Украине или более ранним «замороженным» конфликтам);

- Роль и возможный вклад внешних держав (т.е. США, Китая, государств Ближнего Востока) в европейской безопасности;

- «Дорожная карта» на будущее для смены парадигмы в регионе европейской безопасности в глобальном контексте мировой политики.

В дальнейшем, по мере постепенной, надеемся, нормализации отношений России с Западом, можно было бы ставить вопрос и о более далеко идущих инициативах по контролю над вооружениями в этом регионе [Мизин 2016; Севостьянов, Матюхин 2022].

Полезным инструментом стабилизации стала бы разработка соглашения о предотвращении возможных и крайне опасных военных инцидентов вблизи границ Альянса и России, грозящих перерастанием в ядерные конфликты в Европе (на основе ранее заключенных советско-американских соглашений, таких как советско-американское соглашение 1971 г. о предотвращении риска ядерной войны, документы о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 г. и о предотвращении опасной военной деятельности (вместе с процедурами установления и поддержания связи процедурами урегулирования инцидентов, связанных с входением в пределы государственной территории) от 12 июня 1989 г.

Следовало бы, на наш взгляд, также изучить, например, какого рода приемлемых

гарантий безопасности и снижения рисков внезапного нападения от Москвы могут ожидать государства-члены НАТО, такие как Польша и страны Балтии, а Россия, соответственно, и от них - в таких сферах, как субрегиональная прозрачность и меры укрепления доверия, большая открытость в отношении крупномасштабных военных учений в приграничных районах, укрепление режима инспекций экономически эффективным способом. Российская сторона могла бы потребовать продумывания очертаний европейской среды безопасности, которая могла бы быть приемлемой и привлекательной как для нас, так и для Запада, то есть разработки набросков возможных документов (заявлений, деклараций) относительно больших гарантий против быстрого развертывания сил НАТО, которые она рассматривает как угрозу (например, зону без увеличения численности войск вдоль границы между НАТО и Россией).

Можно всё же было бы взвешенно проанализировать, имеются ли возможности его обновлению для обеспечения расширенного обмена информацией и в новых условиях. В конкретном случае с учетом фактического «самоустранения» Совете Россия-НАТО речь могла бы идти и о создании многосторонних центров обмена данными о ситуации в области безопасности Россия-НАТО (ЕС), или органа по предотвращению инцидентов и установлению каналов коммуникаций, причем Европейский центр был бы напрямую связан с российским Генеральным штабом ВС РФ и Комитетом начальников штабов США.

Отдельный блок вопросов – укрепление военной безопасности посредством контроля над вооружениями. Поэтому другим вероятным направлением является разработка в будущем какого-либо нового решения на смену безвозвратно ушедшему ДОВСЕ, которое установило бы ограничения на развертывание сил вокруг ключевых потенциальных кризисных или «серых» зон, в частности, таких как государства Балтии, Черное море, Кавказ и другие районы. Одной из привлекательных возможностей в этой области был бы

контроль над обычными вооружениями и на субрегиональном уровне. Так НАТО может использовать происходящие изменения в структуре своих вооруженных сил в Балтийском регионе в качестве основы для будущих дискуссий с Россией о субрегиональном контроле над вооружениями в интересах общей региональной стабильности - и, как следствие, стратегической стабильности в целом.

Естественно, контроль над обычными вооружениями в Европе требует кардинально иной концептуальной парадигмы анализа, в условиях политической нестабильности и неопределенности, новых геополитических реалий и новых технологий вооружений, таких как дроны или ИИ. Напрашиваются и инновационные качественные, а не только количественные как в ДОВСЕ методы подсчета и ограничения оборонных потенциалов.

Исторически основой правового регулирования данной сферы являлся Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г., ныне практически похороненный из-за разногласий между Россией и натовскими странами. Договор был поистине краеугольным камнем европейской безопасности - было сокращено практически 100 тыс. единиц боевой техники, включая основные танки, боевые бронированные машины, артиллерию, боевые самолеты и ударные вертолеты, установлен жесткий режим проверки, включая обмен информацией о потенциалах и различные формы инспекций на местах на пространстве от Атлантики до Урала. Были выведены российские войска из Германии (об ошибочности чего нас предупреждала ещё М. Тэтчер).¹ Если ранее, в начале 1990 г., в политике НАТО прослеживалась линия на уменьшение

военного потенциала, были проведены серьезные, более чем на 80% сокращения американского присутствия в Европе², то сегодня этот процесс после событий на Украине резко повернут вспять, и Альянс начал масштабное перевооружение. Россия после многих лет приостановки участия из-за политики обструкций натовских стран окончательно вышла из Договора 7 ноября 2023 г., а натовские страны в ответ приостановили свое участие³. Разумеется, различные сценарии возрождения контроля над обычными вооружениями западноевропейскими и американскими специалистами и сегодня продолжают рассматриваться⁴.

Некоторые эксперты утверждают, что ещё возможно оживить и модернизировать Венский документ ОБСЕ о мерах укрепления доверия и безопасности. (из него Россия также вышла в 2022 г., хотя и не отказывается от своих обязательств, однако ее действия будут зависеть от того, как выполняются требования этого соглашения другими странами), чтобы он мог соответствовать новым реалиям. Далее возможно включение процессов консультаций по другим видам вооружений, таким как СНВ или ПРО [Koivula, Simonen 2017: 51].

В целом, всем акторам в Европе явственно назрела пора «остановиться,

² The US military presence in Europe has been declining for 30 years – the current crisis in Ukraine may reverse that trend. January 25 2022. URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595> (дата обращения 14.02.2024)

³ North Atlantic Council statement on the Allied response to Russia's withdrawal from the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_219811.htm, (дата обращения 14.02.2024)

⁴ Zellner W., Time for a New Approach to Conventional Arms Control? // October 2, 2019, URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/time-for-a-new-approach-to-conventional-arms-control/>; (дата обращения 14.02.2024); Charap S., Lynch A., Drennan J.J., Massicot D., Persi P. G. A New Approach to Conventional Arms Control in Europe, Addressing the Security Challenges of the 21st Century, URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4346.html (дата обращения 14.02.2024)

¹ Margaret Thatcher Foundation, German unification: “Thatcher told Gorbachev Britain did not want German unification” // (documents from Gorbachev Archive) “Britain & Western Europe are not interested in the unification of Germany”, URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/112006> (дата обращения 14.02.2024)

оглянуться», необходимо подумать о контурах какого-то переиздания «нового мышления во внешней политике», путей реализации конструктивной внешней политики, направленной на снижение военных угроз и рисков возникновения новых конфликтных узлов конфронтации - с учетом явно непростых новых реалий. Для Западной Европы сейчас необходима новая «Восточная политика», очертаний которой пока, однако, никак не просматривается. Постулат о России как государстве-цивилизации и евро-тихоокеанской державе «Концепции внешней политики»¹ никоим образом, по нашему убеждению, не отрицает роли России как исторически ведущей ключевой державы Европы.

Возможно, такие предлагаемые здесь шаги могли бы быть оценены как чрезмерно наивные, трудно реализуемые в нынешней политической ситуации между Россией и НАТО. Пока что сотрудничество в процессах контроля над вооружениями между Западом и Россией, несомненно, представляется утопической идеей. Однако, думается, что наша экспертная проработка этой темы на перспективу способствовала бы большей предсказуемости и стабилизации всего комплекса проблем безопасности в регионе, а, следовательно, отвечала бы жизненным интересам России и НАТО, устраняя саму почву для «безопасностной» конфликтогенности в регионе². В конечном счете Россию и западных партнеров в регионе Большой Европы, несмотря на сохраняемые ими искусственные разделительные линии и попытки возродить «холодную войну», всё же, на наш взгляд, объединяют (хотя зачастую и забываемые там!) общечеловеческие ценности, наследие

единой христианской цивилизации. Поэтому российской дипломатии императивно предстояло бы не только не устраниваться от диалога, но активно, наступательно продвигая на различных форумах наши интересы, развивать российскую повестку дня по обширной проблематике европейской архитектуры безопасности.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) //URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>(дата обращения 14.02.2024)

² Текст послания Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова по тематике неделимости безопасности, направленного 28 января с.г. главам внешнеполитических ведомств США, Канады и ряда европейских стран, 01.02.2022, URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1796679/(дата обращения 14.02.2024)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Долгиевич Р.В.* Западный Берлин и советская дипломатия (1963–1969 гг.). СанктПетербург: Алетейя. 2018. 244 с.
- Дубинин Ю.В.* Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997. С. 167-168.
- Кокошин А.А.* «Асимметричный ответ» v.s. «Стратегической оборонной инициативы» // *Международная жизнь*. 2007. №7-8. С. 29-42.
- Кокошин А.А.* Формирование политики «асимметричного ответа» на СОИ. Опыт междисциплинарного взаимодействия // СПб. Изд. СПбГУП, 2008.
- Мальгин А.В.* Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 - июне 1941.: новая тактика или стратегический просчет? // «Вестник МГИМО-Университета». 2009;(4): С.143-165.
- Мизин В.И.* "План Медведева" и приоритеты российской политики в Европе // «Обозреватель». 2009. № 12. С. 16.
- Мизин В.И.* Перспективы и дилеммы европейской системы безопасности //«Международная аналитика», № 4 (18) 2016.
- Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и другие //Рейгана. М.: Ленанд. 2008. С. 4-29.
- Севостьянов П.И., Матюхин АВ.* Основные шаги на пути к контролю за вооружениями в Европе // *Журнал политических исследований* 2022. Т. 6. № 1. С. 69-84.
- Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. Москва: Наука. 2009. 333 с.
- Baranovsky V.* Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Introduction in: Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Bollfrass A., Budjeryn M.* Arms Control: For and By Europe // *CSS Policy Perspectives*. 2020. Т. 8. №. 10.
- Jung K.* A New Concert for Europe: Security and Order After the War // *The Washington Quarterly*. 2023. Т. 46. №. 1. С. 25-43.
- Kissinger H.* Word Order. The European Balance of Power and Its End. p. 241
- Koivula T., Simonen K.*, Arms Control in Europe: Regimes, Trends and Threats, National Defence University Series 1: Research Publications NO. 16, National Defence University, Helsinki. 2017.
- Kühn U.* The rise and fall of cooperative arms control in Europe. – Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020.
- Rumer E.* Russia and the Security of Europe. – Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2016. Vol. 56.

REFERENCES

- Dolgievich R.V.* Zapadnyj Berlin i sovetskaya diplomatiya (1963–1969 gg.). SanktPeterburg: Aletejya. 2018. 244 s.
- Dubinini Yu.V.* Diplomaticheskaya byl. Zapiski posla vo Francii. M., 1997. S. 167-168.
- Kokoshin A.A.* «Asimmetrichnyj otvet» v.s. «Strategicheskoy oboronnoj iniciativy» // *Mezhdunarodnaya zhizn*. 2007. №7-8. S. 29-42.
- Kokoshin A.A.* Formirovanie politiki «asimmetrichnogo otveta» na SOI. Opyt mezhdisciplinarnogo vzaimodejstviya // SPb. Izd. SPbGUP, 2008.
- Malgin A.V.* Sovetskaya vneshnyaya politika i NKID SSSR v mae 1939 - iyune 1941.: novaya taktika ili strategicheskij proschet? // «Vestnik MGIMO-Universiteta». 2009;(4): S.143-165.
- Mizin V.I.* "Plan Medvedeva" i prioritety rossijskoj politiki v Evrope // «Obozrevatel». 2009. № 12. S. 16.
- Mizin V.I.* Perspektivy i dilemmy evropejskoj sistemy bezopasnosti //«Mezhdunarodnaya analitika», № 4 (18) 2016.

- Oznobishev S.K., Potapov V.Ya., Skokov V.V.* Kak gotovilsya «asimmetrichnyj otvet» na «strategicheskuyu oboronnyuyu iniciativu» R. Rejgana. Velihov, Kokoshin i drugie //Rejgana. M.: Lenand. 2008. S. 4-29.
- Sevostyanov P.I., Matyuhin A.V.* Osnovnye shagi na puti k kontrolyu za vooruzheniyami v Evrope // Zhurnal politicheskikh issledovanij 2022. T. 6. № 1. S. 69-84.
- Filitov A.M.* Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii, 1941–1990. Moskva: Nauka. 2009. 333 s.
- Baranovsky V.* Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Introduction in: Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Ed. by Vladimir Baranovsky. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Bollfrass A., Budjeryn M.* Arms Control: For and By Europe //CSS Policy Perspectives. 2020. T. 8. №. 10.
- Jung K.* A New Concert for Europe: Security and Order After the War //The Washington Quarterly. 2023. T. 46. №. 1. S. 25-43.
- Kissinger H.* Word Order. The European Balance of Power and Its End. p. 241
- Koivula T., Simonen K.* Arms Control in Europe: Regimes, Trends and Threats, National Defence University Series 1: Research Publications NO. 16, National Defence University, Helsinki. 2017.
- Kuhn U.* The rise and fall of cooperative arms control in Europe. – Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020.
- Rumer E.* Russia and the Security of Europe. – Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2016. Vol. 56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мизин Виктор Игоревич, к.и.н.,
Ведущий научный сотрудник Институт
мировой экономики и международных
отношений РАН им. Е. Примакова. Москва,
Россия. E-mail: mizin56@hotmail.com

Victor I. Mizin, PhD in History, Leading
Researcher Primakov Institute of World
Economy and International Relations of the
Russian Academy of Sciences. Moscow,
Russian Federation. E-mail:
mizin56@hotmail.com

Суфизм в системе международных связей (на примере Республики Дагестан)

И. А. Абдулаева

*Дагестанский государственный университет, филиал в г. Кизляре,
Кизляр, Россия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8786-2257>; e-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

Аннотация. Суфизм является неотъемлемой частью жизни и культуры многих мусульман. Со времени своего возникновения и в современный период данное направление является объектом постоянного интереса, предметом споров как система взглядов, идеология и особый образ жизни. Целью статьи, которая посвящена этико-философским взглядам суфизма и его влиянию на политические взгляды его последователей является рассмотрение самого направления в исламе, анализ культурного и внешнеполитического феномена. В работе дан краткий обзор истории суфизма и его влияния на территории республики Дагестан. Это позволит понять роль и место зарубежного суфизма в республике. Кроме того, даст возможность изучить механизмы взаимодействия тарикатов в Дагестане с организациями и их лидерами, находящимися за пределами Российской Федерации. Центральное место в данном исследовании отводится роли и месту суфизма в системе международных связей, его влияние на политическую и общественную жизнь республики. Автором проанализирован процесс исламизации горских народов и влияние зарубежных мусульманских центров. Также в статье рассматриваются разновидности суфийских тарикатов, тарикат Накшбандийя и Кадирийя, четырехступенчатая система суфийского мистического пути, отмечаются особенности современного суфизма как актора в системе международных связей. Братства изначально существовали автономно и имели закрытый характер деятельности. Большое внимание уделено суфийским братствам сегодня, которые демонстрируют свою жизнеспособность и влияние на миротворчество в том числе в Республике Дагестан. Многоликость суфизма отражена в сотни тарикатов, существующих в современном мусульманском мире. Надо понимать, что суфийское учение это не только ортодоксия, а самостоятельная теософская система. Сообразно требованиям времени суфизм превратился в сложную и структурированную теоретическую и практическую систему. Сегодня суфизм имеет большой потенциал, который поможет в борьбе против опасных и разрушающих радикальных течений в исламе, поспособствует сохранению религиозной культуры и постижению истины последователями ислама в Республике Дагестан.

Ключевые слова: суфизм; марифат, хакикат, шариат, мистицизм; шейхи, тарикат, тасаввух, акторы, пророки, международные связи.

Для цитирования: Абдулаева И.А. Суфизм в системе международных связей (на примере Республики Дагестан) // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):79-86.

Sufism in the system of international relations (based on the example of the Republic of Dagestan)

Ilmira A. Abdulaeva

*Branch of the Dagestan State University in the city of Kizlyar,
Kizlyar, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8786-2257>; e-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

Abstract. Sufism is an integral part of the life and culture of many Muslims. Since its inception and in the modern period, this direction has been an object of constant interest, a subject of debate as a system of beliefs, ideology and a special way of life. The purpose of the article, which is devoted to the ethical and philosophical views of Sufism and its influence on the political views of its

followers, is to consider the movement itself in Islam, to analyze the cultural and foreign policy phenomenon. The work provides a brief overview of the history of Sufism and its influence on the territory of the Republic of Dagestan. This will allow us to understand the role and place of foreign Sufism in the republic. In addition, it will provide an opportunity to study the mechanisms of interaction of tariqats in Dagestan with organizations and leaders located outside the Russian Federation. The central place in this study is given to the role and place of Sufism in the system of international relations, its influence on the political and social life of the republic. The author analyzed the process of Islamization of mountain peoples and the influence of foreign Muslim centers. The article also examines the varieties of Sufi tariqas, the Naqshbandiyya and Qadiriyya tariqas, the four-stage system of the Sufi mystical path and notes the features of modern Sufism as an actor in the system of international relations. The brotherhoods initially existed autonomously and had a closed nature of activity. Much attention is paid to Sufi brotherhoods today, which demonstrate their viability and influence on peacekeeping, including in the Republic of Dagestan. The diversity of Sufism is reflected in hundreds of tariqas that exist in the modern Muslim world. We must understand that Sufi teaching is not only orthodoxy, but an independent theosophical system. In accordance with the requirements of the time, Sufism has developed into a complex and structured theoretical and practical system. Today, Sufism has great potential, which will help in the fight against dangerous and destructive radical movements in Islam, will contribute to the preservation of religious culture and the comprehension of truth by followers of Islam in the Republic of Dagestan.

Keywords: Sufism; marifat, haqiqat, Sharia, mysticism; sheikhs, Tariqa, tasawwuh, actors, prophets, international relations.

For citation: Ilmira A. Abdulaeva. Sufism in the system of international relations (based on the example of the Republic of Dagestan). // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2024; 1(7):79-86. (In Russ.)

Исламизация народов Дагестана. Важными факторами, определяющими актуальность темы суфизма, являются активизация религиозного сознания в современной России и усиление влияния религий на общественно-политическую жизнь общества. Изучение суфизма на примере Республики Дагестан позволяет не только более полно представить развитие духовной культуры народов этой республики, но понять роль и место зарубежного суфизма в формировании идеологии и практики суфизма в Дагестане, помимо этого изучить механизмы взаимодействия тарикатов в Дагестане с зарубежными суфийскими организациями и их лидерами. Кроме того, определить формы и механизмы профилактики проявлений радикального ислама в Дагестане, учитывая богатый опыт дагестанского суфизма по поддержке и укреплению единства общества в период кризисных ситуаций. Отметим, однако, и то, что дагестанский суфизм не может не испытывать влияния зарубежных суфистских организаций радикальной направленности, будучи составной частью единого «Древа» мирового суфизма.

Фактически, дагестанский суфизм, при всей специфике, является составной частью важного направления в мировой религии исламе. Суфизм имеет транснациональный характер, сложившуюся за века систему саморазвития и сохранения, а также, тесно включен в политические и внешнеполитические традиции и практики целого ряда стран.

Исламизация народов Дагестана – процесс, медленно совершавшийся на протяжении нескольких веков, под непосредственным влиянием зарубежных мусульманских центров. Исламизация затронула горские народы на первой волне арабских завоеваний, что неизбежно должно было привести к формированию здесь локальных разновидностей ислама. Их формообразующей основой и стал суфизм.

Суфизм сейчас имеет огромную географию, его идеология охватила весь мусульманский мир и проникла на Балканы, Сицилию, в Испанию. В современном мире тасаввух (суфизм) – это неотъемлемая часть жизни и культуры многих мусульман.

Как объяснял виднейший суфийский мастер начала XX в. Хазрат Инайят Хан: «У

суфизма нет и никогда не было начала, и он никогда не возникал как историческое явление, он существовал всегда». [Хазрат Инайят Хан 1998]

Предметом исследования настоящей статьи является анализ влияния суфийской идеологии на политическую и общественную жизнь Дагестана и использование суфизма как фактора воздействия на развитие этой республики иностранными игроками, причем, не только религиозными.

Религии активно используются в современном мире политическими акторами как фактор влияния и это системное влияние также должно быть понятно. По мнению российского исследователя Радомира Красавцева, актуальность изучения многоуровневого комплекса проблем, связанных с историческим наследием, современными реалиями и будущим суфийских тарикатов, именуемых также орденами или братствами, все чаще отмечается зарубежными и отечественными российскими исследователями. [Красавцев 2002: 3]

Отечественные и зарубежные ученые уделяют пристальное внимание многим аспектам деятельности суфийских тарикатов не в последнюю очередь в связи с событиями, приведшими к развалу СССР, появлению СНГ, росту сепаратистских настроений в самой России, военным действиям на территории Чеченской Республики и усилению напряженности в Дагестане.

Масштабы исследования в этой области обусловлены ростом влияния ислама на мировую политику, на процесс глобализации экономики и политики. Ислам стал важнейшим фактором в формировании новой конфигурации международных отношений накануне XXI в.

Истоки многих событий и процессов, не отделимых от жизнедеятельности суфийских тарикатов, лежат в относительно недавних взаимоотношениях властных структур народов этих регионов и центральной власти России. Уместно вспомнить о войне с царской Россией горцев Северного Кавказа во главе с членами тарикатов Накшбандийя и Кадирийя с 1781 г. по 1864 г. и вооруженные выступления против российских войск в

Средней Азии в 1871, 1879 - 1881, 1896 гг. Почти все лидеры антироссийских организаций и движений были накшбандийскими шейхами.

В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. местные ответвления Накшбандийи и Кадирийи объединились для совместной борьбы с Россией, но, как принято считать, не без помощи агентуры Османской Порты. В те же годы оба тариката совместно организовали восстание в Дагестане, одним из последствий явилась высылка в Сибирь многих членов тарикатов, в том числе шейха Накшбандийи Узуна. На рубеже II и III тысячелетий н.э. во многих районах СССР, Азии и Африки нарастает напряженность и аналитики, ученые, исследователи обращаются к событиям прошлого [Красавцев 2002: 3].

По оценке другого российского исследователя А. Сиражудинова, в исламском мире сложилось противостояние «радикалы против суфиев». [Сиражудинов 2017: 15]

Такфиризм салафитов, основанный на идеологии ваххабитов, радикален и несет ответственность за поощрение терроризма. Здесь суфизм, способен противостоять радикальной идеологии. Аль-Каида и ее дочерние группы, террористические организации приобретают идеологическое вдохновение у такфиритов салафитов и ваххабитской версии Ислама, где джихад занимает центральное место в этих идеологиях террористов.

Суфизм на Северном Кавказе.

На Северном Кавказе «традиционный ислам» представляют тарикатисты (суфии), который в противовес представителям «нетрадиционного ислама» (салафитам, ваххабитам) не отрицают возможность жить в исламском государстве, признают светское государство. [Сиражудинов 2017: 15]. Современные политические реалии таковы, что Северный Кавказ расшатывают и делают это преднамеренно, используя, в том числе, и внутренние проблемы. А радикальный ислам выступает одним из инструментов подобных действий. Потому вполне закономерен вопрос, кто это делает и с какой целью? Кому

нужен турбулентный Северный Кавказ? Кто и зачем пытается развалить Россию? Уже несколько лет эксперты и сотрудники компетентных организаций обращают внимание на то, что поступление в российские вузы по бесплатным квотам, прежде всего, из стран, где присутствуют структуры радикального ислама, несет реальную угрозу безопасности нашей страны. Есть немало примеров, когда по этим коридорам в Россию проникают не только эмиссары радикального ислама, но и лица, завязанные на международный наркобизнес. Зачастую, они так и не приступают к занятиям. Есть прецеденты, когда этих «студентов» находят уже в качестве руководителей теневых экстремистских ячеек. Отдельная тема — это поток молодых людей и девушек с того же Северного Кавказа, направляющихся на обучение в страны Ближнего Востока и не только, где уже они попадают в сети радикального ислама.

«Наши ребята возвращаются оттуда совсем другими людьми. Они зомбированы. Они заявляют, что наш традиционный ислам на Северном Кавказе — это неправильная религия. Нельзя людей с незрелыми убеждениями посылать туда», уверенно заявляли в частных беседах преподаватели дагестанских вузов. Но главное, что идеология и практика радикального ислама ложится на благодатную почву в российских регионах. Есть внутренние факторы, которые не только не препятствуют, но и способствуют расцвету радикальных исламских ячеек на Северном Кавказе.

И именно суфизм в Дагестане способен стать фактором противодействия росту экстремизма, подогреваемого, в том числе, из-за рубежа. Тем более, что активная общественная позиция присуща последователям суфизма уже несколько веков, еще в XII в. были образованы суфийские братства (тарикаты), существовавшие автономно и имевшие закрытый характер деятельности. В период до XIV в. появляется 12 основных братств. Начиная с XV в. в суфизме прослеживается ярко выраженная политическая тенденция от смирения и аскетизма к активной деятельности, что проявляется в призыве

сторонников мистико-философского учения к активной борьбе против социальной несправедливости, против несправедливой власти.

На рубеже XIX — начала XX вв. суфийские организации начинают играть важную роль в политической и религиозной жизни мусульманских стран. Они составляют организационную основу народно-освободительных движений, ведут борьбу за независимость и свободу своих народов от колониального порабощения.

Что касается Дагестана, то, по мнению авторитетных дагестанских ученых, К.М. Ханбабаева и М.Г. Якубова, это мистико-аскетическое течение ислама было известно на территории Дагестана еще со времен раннего Средневековья (период от зарождения мусульманского вероучения в VII в. и образования Арабского Халифата до его падения в 1258 г. под ударами монгольских войск). Оно получило распространение сначала в Дербенте, а откуда — по мере дальнейшего продвижения ислама — проникло и в другие районы горного края. [Ханбабаев, Якубов 2008: 194].

С IX в. наблюдается распространение и упрочение суфизма в результате расширения торговых связей Дагестана с Востоком, роста каспийской торговли, проповеднической деятельности странствующих дервишей. «И политические, и экономические обстоятельства активно содействовали этому культурному общению. Частичное вхождение Дагестана в состав Арабского Халифата, а затем и в государство сельджуков, покровительствовавшее культурным достижениям всех регионов империи, способствовало широкому распространению в Дагестане культурных достижений эпохи, интенсивному становлению новых идейных движений». [Аликберов 1991: 196]

Профессор А.Р. Шихсаидов в своей работе «Эпиграфические памятники Дагестана X-XIII вв.» пишет: «В XI веке в Дербенте жило и служило большое количество шейхов, среди них шейх Мухаммад б. Бандар ас-Суфи ад-Дербенди; шейх Абу-л-Хасан Али б. Мухаммад ал-басри ал-Баби; шейх Абу Йакуб Йусуф б.

ал-Хусай б. Дауд ал-Баби; шейх Абу Абдаллах ал-Баби, имама соборной мечети; шейх Абу-л-Хасан ал-Джурджани; шейх Абу-л-Фадл Абдаррахман ал-Хатиб ал-Дарбанди и т.д.» [Ханбабаев, Якубов 2008: 249].

Из этого факта можно также заключить, что к XI в. Дербент был очагом суфизма. По сути дела, суфийское учение в Дагестане представляет собой причудливый сплав зороастрийских верований, пантеистических идей неоплатонизма, мифологии гностицизма. Суфизм предполагает веру в возможность непосредственного, интимного, личного общения индивида с Богом, минуя посредничество официального духовенства. Таким образом, суфии конкурировали с последним в сфере идеологической жизни, пытаясь вывести людей из-под его влияния и подчинить себе. Вполне естественно поэтому, что суфизм довольно быстро перерос рамки мусульманской ортодоксии и стал самостоятельной теософской системой.

Суфии практически отвергают молитву и паломничество, принижают значение шариата, считающегося основной опорой ортодоксального ислама и его духовенства. В Дагестане действуют три разновидности тариқатов: с первой половины XIX в. – накшбандийский (через Мухаммада Эфенди ал-Яраги), [Махмудбеков 1871: 16], со второй половины XIX в. – кадирийский (через Кунда-Хаджи Кишиева) и с начала XX в. – шазилийский (через Сайфуллу Кади Башларова). В современном Дагестане представлены все три разновидности тариқатов. [Trimingham 1971: 359]

По национальному составу накшбандийский тариқат исповедуют аварцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Кадирийский тариқат -чеченцы и андийцы. Шазилийский тариқат исповедуют аварцы и кумыки.

В Дагестане большая часть верующих примыкает к тем или иным суфийским братствам – вирдам. Главная особенность дагестанского суфизма – наличие культа, связанного с могилами святых. Такие зияраты находятся в с. Орта-стал (XIII-XIV вв.), в с. Хнов (XV в.), в с. Мачада (XV в.), в с. Ахты, в с. Аркас, в с. Н. Джангутай (XIX-

XX вв.), с. Казанище, в с. Хлют, в г. Буйнакск (XX в.) [Абдулаева 2009: 89]

Сегодня в Дагестане наблюдается повсеместное распространение суфизма. Особенностью современного суфизма в республике является то, что некоторые влиятельные шейхи: Саид-афанди Ацаев из с. Чиркей, Буйнакского района (убит смертницей-террористкой в своем доме 28 августа 2012 г.), Тажудин Рамазанов из с. Карата, Ахвахского района и Арсланали Гамзатов) модернизируют идеологию суфизма, предпочитая труды шейхов Сайфуллы-кади Башларова, Гасана Кахибского, живших в конце XIX – начале XX вв., одновременно отодвигая на второй план наследие первых дагестанских шейхов ал-Яраги и Ас-Сугури. В республике насчитывается примерно 20-25 тариқантских объединений. Статистика общего числа мюридов разных тариқатов неизвестна.

Заключение. В результате анализа истории и нынешней ситуации можно сделать некоторые выводы. Что касается современной Республики Дагестан суфийские братства демонстрируют жизнеспособность, миролюбие, стойкость в защите единства народов республики. Однако, следует учитывать и другие особенности современного суфизма, о чем писал эксперт Центра Льва Гумилева Евгений Бахревский. По его мнению, суфизм имеет определенную традицию и большой потенциал, который может помочь в борьбе против наиболее опасных течений в радикальном исламе, прежде всего, имеется в виду ваххабизм. Однако надо хорошо себе представлять, что собой представляют собственно суфийские структуры. «Потому что, если понять внутреннюю логику, по которой функционирует этот институт, то это, прежде всего, организация с многоуровневым посвящением и такой вещью, как отношения «мюрид-мушид», «учитель-ученик». Она предполагает полное и безотчетное подчинения ученика учителю. Чтобы пройти по этому мистическому пути, нужно, чтобы твоей волей полностью руководил шейх. Но, с другой стороны, мы отлично знаем из истории, что шейх может использовать этот инструмент в

политических целях, потому что в источниках по истории мусульманских стран можно найти странички, когда приходит какой-нибудь шейх, а сзади него там 40 тысяч хорошо вооруженных мюридов. Вот он их духовный руководитель, но он может делать с ними все, что хочет, правильно? Естественно, суфизм – это наш союзник, безусловно, но нам нужно очень хорошо разбираться в том, с кем мы имеем отношения, какие мы имеем отношения, и как мы их строим. И суфизм, он очень многоликий, на самом деле сотни тарикатов в мусульманском мире существуют, и они все разные. Нам надо очень подробно разбираться, с кем мы имеем дело, и какие мы выстраиваем отношения» - уверен

Евгений Бахревский¹. И в логике этим выводам отказать сложно.

Безусловно, суфийские ордена сыграли большую роль в деле распространения ислама среди различных народов в Малой Азии, Египте, Центральной Азии, Африке и других регионах исламского мира. Эти же ордена оказали немалое влияние на политические процессы внутри отдельных государств и развитие международных связей. Суфизм в Дагестане имеет большой потенциал и опыт для того, чтобы являться основой мирного объединительного процесса, противодействовать радикальному исламу, в том числе, насаждаемому из-за рубежа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Абдулаева И.А.* Традиционное и инновационное в религиозной культуре Дагестана. Махачкала. 2009. 161 с.
- Ад-Дарбанди.* Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик. XII-XIII. Рукопись на арабском языке. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР.Ф.14. Оп.1. № 326.
- Ал-Газали.* Ихйа' 'улум ад-дин // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.14. Оп.1. № 227; Ал-Газали. Ихйа улум ад-дин / Пер. с арабского, исследования и комментарии В.В. Наумкина. М. 1980. 36 с.
- Аликберов А.К.* Источники «Райхан ал-хакаик ва бустан ал-дакаик» Мухаммада ад-Дарбанди: результаты первоначального изучения. //Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. Материалы региональной конференции. Махачкала. 1991. 196 с.
- Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М. 1985. 213 с.
- Йылмаз Х.К.* Тасаввуф и тарикаты. М. 2007. 300 с.
- Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм. М-СПб. 2004. 147 с.
- Красавцев Р. Н.* Роль суфийских тарикатов во внешних связях стран Западной Африки, (1810-1960 гг.). М. 2002. С. 3
- Махмудбеков М.* Истинные и ложные последователи тариката. // Пер. с араб. // Кавказские горцы. Сборник сведений. Тифлис. 1871. 483 с.
- Омар Хайям.* Трактаты. Пер. Розенфельд Б.А., М. 1961. 156 с.
- Серажудинов А.С.* Глобальность радикального ислама как риск и роль суфизма в сохранении стабильности и безопасности. //V Международная научно-практическая конференция «Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире». Прага. 2017. С. 53.
- Суфии: Собрание притч и афоризмов. М. ЭКСМО-Пресс. 2002. 640 с.
- Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А. Ставиской, под ред. и с предисл. О.Ф. Акимовской. М.: София, ИД «Гелиос», 2002. С.239.
- Хазрат Инайят Хан.* Учение суфиев. М. 1998. 352 с.
- Ханбабаев К.М., Якубов М.Г.* Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 2008. 285 с.

¹Бахревский Е. Суфизм имеет большой потенциал в борьбе против наиболее опасных течений в радикальном исламе... // Центр Льва Гумилева.

5.05.2013 URL: <https://www.gumilev-center.ru/sufizm-imeet-bolshojj-potencial-v-borbe-protiv-naibolee-opasnykh-techenijj-v-radikalnom-islame/> (дата обращения: 30.12.2023г.)

- Хасан Афанди. Хуласатал Абад* (Суфийская этика). Пер. с араб. А. Гамзатовой. Махачкала, 2000. 144 с.
- Шейх Мухаммад Амин аль-Курди аль-Эрбили*. Книга вечных даров: (О достоинствах и похвальных качествах суфийского братства Накшбандийа и его Пути к Богу). Пер. с араб. И.Р. Насырова. Уфа, 2000. 246 с.
- Шихсаидов А. Р.* Распространение ислама в Дагестане. // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. 289 с.
- Nagshbandism*. Historical developments and present situation of a muslim order. Proceeding of the Sevres round Table 2-4 May 1985/ *Varia Turcica*. Vol. XVIII. Paris - Istanbul, 1990. 136 с.
- Trimingham J.S.* The Sufi Orders in Islam. Oxford. 1971. 359 с.

REFERENCES

- Abdulaeva I.A.* Tradicionnoe i innovacionnoe v religioznoj kulture Dagestana. Mahachkala. 2009. 161 s.
- Ad-Darbandi*. Rajhan al-hakaik va bustan ad-dakaik. III-III. Rukopis na arabском yazyke. ИYAЛ Dagfiliala AN SSSR.F.14. Op.1. № 326.
- Al-Gazali*. Ihja' 'ulum ad-din // RF IIAE DNC RAN F.14. Op.1. № 227; Al-Gazali. Ihja ulum ad-din / Per. s arabского, issledovaniya i kommentarii V.V. Naumkina. M. 1980. 36 s.
- Alikberov A.K.* Istochniki «Rajhan al-hakaik va bustan al-dakaik» Muhammada ad-Darbandi: rezultaty pervonachalnogo izucheniya. //Istochnikovedenie istorii i kultury narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza: principy i metody izucheniya, ochenki i ispolzovaniya. Materialy regionalnoj konferencii. Mahachkala. 1991. 196 s.
- Duhovenstvo i politicheskaya zhizn na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma*. M. 1985. 213 s.
- Jylmaz H.K.* Tasavvuf i tarikaty. M. 2007. 300 s.
- Knysh A.D.* Musulmanskij misticizm. M-SPb. 2004. 147 s.
- Krasavcev R.N.* Rol sufijskih tarikatov vo vneshnih svyazyah stran Zapadnoj Afriki, (1810-1960 gg.). M. 2002. S. 3
- Mahmudbekov M.* Istinnye i lozhnye posledovateli tarikata. // Per. s arab. // Kavkazskie gorcy. Sbornik svedenij. Tiflis. 1871. 483 s.
- Omar Hajyam*. Traktaty. Per. Rozenfeld B.A., M. 1961. 156 s.
- Serazhudinov A.S.* Globalnost radikalnogo islama kak risk i rol sufizma v sohranении stabilnosti i bezopasnosti. //V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Riski i bezopasnost v intensivno menyayushemsya mire». Praga. 2017. S. 53.
- Sufii: Sbranie pritch i aforizmov*. M. EKSMO-Press. 2002. 640 s.
- Trimingham Dzh.S.* Sufijskie ordeny v islame / Per. s angl. A.A. Staviskoj, pod red. i s predisl. O.F. Akimushkina. M.: Sofiya, ID «Gelios», 2002. S.239.
- Hazrat Inajyat Han*. Uchenie sufiev. M. 1998. 352 s.
- Hanbabaev K.M., Yakubov M.G.* Religiozno-politicheskij ekstremizm v mire, Rossii: sushnost i opyt protivodejstviya. Mahachkala, 2008. 285 s.
- Hasan Afandi. Hulasatal Abad* (Sufijskaya etika). Per. s arab. A. Gamzatovoj. Mahachkala, 2000. 144 s.
- Shejh Muhammad Amin al-Kurdi al-Erbili*. Книга вечных даров: (О достоинствах и похвальных качествах суфийского братства Накшбандийа и его Пути к Богу). Пер. с араб. И.Р. Насырова. Уфа, 2000. 246 с.
- Shihsaidov A. R.* Rasprostranenie islama v Dagestane. // Islam i islamskaya kultura v Dagestane. M., 2001. 289 s.
- Nagshbandism*. Historical developments and present situation of a muslim order. Proceeding of the Sevres round Table 2-4 May 1985/ *Varia Turcica*. Vol. XVIII. Paris - Istanbul, 1990. 136 с.
- Trimingham J.S.* The Sufi Orders in Islam. Oxford. 1971. 359 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдулаева Ильмира Абдурагимовна,
к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой
экономико-правовых и
общеобразовательных дисциплин, филиал
Дагестанского государственного
университета. Кизляр, Россия. E-mail:
ilmira.abdulaeva@mail.ru

Ilmira A. Abdulaeva, candidate of
philosophical sciences, associate professor, head
of the department of economic, legal and general
education disciplines, branch of the Dagestan
State University. Kizlyar, Russia. E-mail:
ilmira.abdulaeva@mail.ru

Особенности формирования чеченской диаспоры и политическая роль мухаджиров в Османской империи 1864-1917 гг.

А. Х. Исраилов

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы, Москва, Россия

E-mail: adam-kadet@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены процесс формирования чеченской диаспоры и политическая роль мухаджиров в Османской империи в период в 1864-1917 гг. В ходе исследования автор использовал материалы российских, западных, арабских и турецких исследователей. Особо стоит выделить работы отечественных исследователей М.М. Базоркина и С.-Э. С. Бадаева, изучавших причины, процесс и последствия мухаджирства. Также стоит выделить работы российских исследователей Л.М. Гарсаева (в том числе совместные с коллективом авторов), В.Ф. Ершова и Г.В. Чочиева, в работах которых анализируются положение и активность северокавказской диаспоры после ее становления. В эту же группу можно отнести и труды зарубежных исследователей – Л. Безаниса, Р. Джинджераса, А. Илгнера и Дж.Р. Хайнеса. При написании статьи были использованы проблемно-хронологический и историографический подходы к изучению поставленной проблемы. Автор прибегал к таким общенаучным методам, как анализ, синтез и аналогия. Кроме того, автор провел интервьюирование представителей диаспоры. Автор отмечает, что политический интерес Российской и Османской империй сыграли значительную роль в формировании явления мухаджирства. Первая желала решить земельный вопрос после окончания Кавказской войны, вторая хотела восполнить угасающие человеческие ресурсы, в первую очередь ростом мусульманского населения (хоть среди мухаджиров были и горцы-христиане). Также автор показывает, что мухаджиры после переселения оказались в тяжелой социально-экономической ситуации, что было вызвано рядом объективных и субъективных причин. Однако достаточно быстро, будучи сразу использованы в качестве парамилитаристских формирований, смогли войти в военную и политическую элиту Османской империи. С началом Первой мировой войны потомками переселенцев с Кавказа были созданы общественно-политические организации, которые при османской поддержке ставили своей целью независимость Северного Кавказа и Закавказья от России.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чечня, мухаджиры, Российская империя, Османская империя, Сирия, Иордания, Кавказская война, горцы, чеченцы

Для цитирования: Исраилов А. Х. Особенности формирования чеченской диаспоры и политическая роль мухаджиров в Османской империи 1864-1917 гг. // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):87-96.

Благодарность. За помощь в исследовании благодарю научного руководителя доцента кафедры Теории и истории международных отношений Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН О.А. Моргунову, заведующего отделом этнологии Академии наук Чеченской Республики, профессора Чеченского государственного университета Л.М. Гарсаева, а также А. Зендаки.

Chechen Diaspora Formation and Political Role of Muhajirs in the Ottoman Empire, 1864-1917.

Adam H. Israilov

RUDN University, Moscow, Russia

e-mail: adam-kadet@mail.ru

Abstract: The article deals with the process of Chechen diaspora formation and the political role of Muhajirs in the Ottoman Empire between 1864 and 1917. During the study, the author has

analyzed literature written by Russian, Western, Arab and Turkish researchers. The works of Russian researchers M.M. Bazorkin and S.-E.S. Badaev are noteworthy. These papers are focused on the study of causes, process, and consequences of muhajirism. It is also necessary to emphasize the works of Russian researchers L.M. Garsaev (including joint work with the team of authors), V.F. Ershov and G.V. Chochiev, whose works analyze the situation and activity of the North Caucasian diaspora after its formation. This group also includes foreign researchers such as L. Bezanis, R. Gingeras, A. Ilgner and J.R. Haines. When writing the article, the problem-chronological and historiographical approaches to the study of the problem were used. The author resorted to such general scientific methods as analysis, synthesis, and analogy. In addition, the author interviewed representatives of the diaspora. The author notes that the political interest of the Russian and Ottoman empires played a significant role in the formation of the muhajir phenomenon. The former wanted to solve the land issue after the end of the Caucasian War, while the latter wanted to replenish the declining human resources, primarily through the growth of the Muslim population (although there were also Christian mountaineers among the Muhajirs). The author also shows that after resettlement the Muhajirs found themselves in a difficult socio-economic situation, which was caused by a number of objective and subjective reasons. However due to participation in paramilitary formations, the Muhajirs were quite quickly able to integrate in the military and political elite of the Ottoman Empire. With the beginning of the First World War the descendants of migrants from the Caucasus created social and political organizations, which with Ottoman support aimed at independence of the North Caucasus and Transcaucasia from Russia.

Key words: North Caucasus, Chechnya, Muhajirs, Russian Empire, Ottoman Empire, Syria, Jordan, Caucasian War, mountaineers, Chechens.

For citation: Adam H. Israilov Chechen Diaspora Formation and Political Role of Muhajirs in the Ottoman Empire, 1864-1917. // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 1(7):87-96. (In Russ.).

Acknowledgements. For help in the research, I would like to thank my supervisor O.A. Morgunova, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; L.M. Garsaev, Head of the Department of Ethnology, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Professor of the Chechen State University; and A. Zendaki.

Введение

История формирования чеченской диаспоры началась во второй половине XIX в., хотя отдельные чеченцы на Ближнем Востоке появились раньше, состоя в мамлюкском войске, которое набиралось из похищенных детей Кавказа, Дона, Кубани, Средней Азии.

Пленение Шамиля в 1859 г. означало окончание Кавказской войны в Чечне и Дагестане, хотя она и продолжалась в Кабарде, Адыгее, Черкессии и на Черноморском побережье Кавказа вплоть до 1864 г.

Поражение горцев в Кавказской войне в 1864 г. послужило началом формирования северокавказской диаспоры. Данный процесс известен как мухаджирство, т.е.

переселение, которое случилось в конце Кавказской войны, когда значительное число чеченских семей, покинув родину, отправилось в Турцию. Данному явлению способствовали османские эмиссары, распространявшие среди горского населения слухи о том, что царские власти намерены выслать горцев в Сибирь и обратить их в христианство. В свою очередь царские власти не препятствовали их деятельности, так как массовая эмиграция соответствовала их цели по освобождению плодородных земель от «лишнего» населения. Следующий этап приходится на начало XX в., когда турецкие власти расселили чеченские и черкесские семьи на территории современной Иордании и Сирии.

Американский исследователь Джон Р. Хайнс выделяет также еще вторую волну 1877 г., связанную с Русско-турецкой войной 1877-1878 гг. и потерпевшим поражение восстанием в Чечне и Дагестане и третью волну в 1901 г., когда чеченцы переселились в Трансиорданию [Haines 2014: 10]. Единственный российский автор, кто с ним солидаризуется это С.-Э.С. Бадаев, выделявший также, как и Джон. Р. Хайнс, четыре этапа мухаджирства: 1861-1865, т.е. непосредственно после окончания Кавказской войны, с 1877-1878 гг. по 1893-1895 гг., с 1895 г. по 1905 г., с 1905 г. по 1917 г. [Бадаев 2004: 117].

В свою очередь, такие исследователи как Л.М. Гарсаев, Ф. Бадерхан, Г. Чочиев и другие выделяют только одну массовую волну мухаджирства, связанную с 1864–1865 годами.

Критически рассматривая данную хронологию, необходимо отметить, что чеченцы и дагестанцы участники восстания 1877 г. были выселены преимущественно во внутренние российские губернии, возможно поэтому об этих волнах не упоминают другие российские и зарубежные авторы.

Причины и процесс переселения

Ключевым поводом для мухаджирства в 1865 г. послужили этнические аспекты земельный вопрос. Так, в Чечне согласно правилам, установленным местной администрацией, на семью предполагалось иметь 4-5 десятин земли, в сравнении с наделом до 120 десятин у казаков в той же Терской области [Базоркин 2002: 125].

Переселению способствовала также заинтересованность в этом местной царской администрации для облегчения процесса колонизации региона. Так, Великий князь Михаил Николаевич, Главнокомандующий Кавказской армией писал следующее в своем отчете: «...для ослабления враждебного к нам настроения этого сильного племени, а также в видах достижения успешных результатов по земельной реформе в Чечне...необходимо было, в возможной степени, ослабить, разрядить это последнее. Единственно практическим в данном случае оказывался тот именно способ, чтобы возбудить в некоторой, наиболее беспокойной части

чеченского населения стремление к переселению в Турцию...» [Бадерхан 2001: 23]. При этом здесь также видно, что ключевой причиной заинтересованности царской администрации было не столь в желании обеспечить безопасность, сколь в желании освободить пахотные земли.

Другой причиной мухаджирства в Чечне, в частности, и на Кавказе в целом являлась активная деятельность османских эмиссаров, убеждавших, что Российская империя заставит всех отказаться от мусульманского вероисповедания и перейти в православие. Стоит отметить, что велась данная активность с дозволения местной царской администрации. Указывалось на то, что мусульманам не позволительно жить под властью «кяфиров». По этому поводу стоит заметить, что христиане относятся, как известно, к Людям Писания, т.е. не являются ни «неверными», ни «кяфирами», что говорит лишь о том, что данный термин, будучи оторванным от религии, применялся только в политическом значении. Кроме того, османские эмиссары утверждали, что чеченцы будут отправлены в Сибирь в качестве военнопленных [Бадерхан 2001: 30].

В свою очередь интерес Османской империи заключался в том, чтоб восполнить свое сокращающееся население, а также использовать горцев Кавказа в качестве парамилитаристских формирований в войнах против Российской империи и для подавления внутреннего недовольства, в том числе славянских народов и христиан, проживающих на Балканах, в Анатолии, на Ближнем Востоке [Chochiev 2007: 215].

Одним из поводов к началу процесса мухаджирства стал арест популярного в Чечне, Ингушетии и Дагестане проповедника Кунта-хаджи Кишиева, стоявшего на позициях пацифизма и непротивления злу. После его ареста многие чеченцы возмутились и устроили мирное шествие в селе (ныне город) Шали, которое было расстреляно царскими войсками. Исследователь Л.Р. Гудаев придерживается мнение, что расстрел мирного шествия был устроен преднамеренно с целью «...решить поземельный вопрос» и «избавиться от самого беспокойного населения» ...»

[Гудаев 2014]. В подтверждении этой теории говорит и российский историк М.Д. Солтамурадов, утверждая, что переселение чеченцев и ингушей происходило под влиянием слухов о том, что Кунта-хаджи на самом деле не был арестован и сослан, а добровольно эмигрировал в Турцию [Солтамурадов 2008]

Всего в 1865 г. эмигрировало около 5 тыс. чеченских семей, что является единственным числом, в котором сходятся все авторы и исследователи. Джон Р. Хайнс указывает, что Чечню на 1865 г. покинуло около 50 тыс. человек, Ф. Бадерхан указывает, что в 1865 г. эмигрировало 22 491 чеченец и ингуш, правда, в другой части своей монографии он указывает на письмо христианских общин из Диярбакыра, написанное уже после 1877 г., адресованное английскому послу, в котором выражались опасения повторения событий 1865 г., когда 40 тыс. чеченцев направлялось в Рас-эль-Айн в современной Сирии [Бадерхан 2001: 57]. Ф. Бадерхан также, со ссылкой на энциклопедию Ф. Блокгауза, в которой называется общая численность северокавказцев («черкесов») в Османской Империи в 58 тыс. человек. З.С. Исакиева и Т.Р. Акиев в своей статье отмечают, что с мая по сентябрь 1865 г. 23 000 чеченцев отправилось в Турцию, они же указывают, что лишь 800 чеченских семей к зиме 1865-1866 достигло Диярбакыра [Исакиева, Акиев 2018: 92]. Доктор исторически наук, член АН ЧР Л.М. Гарсаев в своем интервью ИА «Грозный-информ» отмечает, что всего из Терской области было переселено 22 491 чел. (3500 чеченских семей, 1500 семей карабулаков¹ и 100 ингушских семей из Назрани)². Самое высокое число называет в своей монографии иорданский исследователь А. Джеймуха в 80 тыс. чеченцев [Jaimoukha 2005: 236], но

приведенные им данные могут быть преувеличены, так как сам исследователь настроен весьма критично как к России в прошлом, так и в настоящем, более того названное им количество значительно выше названного как Л.М. Гарсаевым, одним из основных исследователей темы чеченской диаспоры, так и зарубежными исследователями.

Переселение чеченцев, ингушей и осетин возглавлял сыграл царский генерал осетинского происхождения М. Кундухова, отец будущего министра иностранных дел Турции. Именно ему отводят одну из ключевых ролей в организации переселения: от переговоров от лица России с османами о принятии мухаджиров в границы империи, до того, что он непосредственно возглавил исход [Базоркин 2002: 133]

Что интересно, касательно поселения чеченцев в Рас-эль-Айне в современной Сирии, то арабские исследователи и публицисты, в принципе, указывают на то, что чеченцы переселились в Рас-эль-Эйн в 1861 г. [Аль-Катии 2018], т.е. на 4 года раньше того, как само событие мухаджирства имело место быть. Точно посчитать количество покинувших Чечню мухаджиров не представляется возможным из-за неточности данных, но на начало XX в. в Турции проживало 2 млн черкесов, в данном контексте под черкесами подразумеваются все граждане Турции, имеющие кавказские корни.

Изначально большую часть чеченских мухаджиров планировали поселить возле озера Ван на границе с Российской империей, однако царские власти опасались соседства с враждебной группой населения, поэтому стали требовать от османов разместить их подальше от границы. Османы выполнили российские требования, но у них не было средств для перемещения огромных миграционных потоков по стране, в связи с глубоким внутренним кризисом (для разрешения которого, в том числе, османы и были заинтересованы в переселении кавказских народов).

Тут необходимо пояснить, что к середине XIX в. Османскую империю разрывали национальные и религиозные

¹ Небольшой нахский этнос, чеченцы его рассматривают как один из своих тукхумов, ингуши в качестве одного из своих сахаров

² Мухаджирство: переселение чеченцев в Османскую империю. // ИА «Грозный-информ». 26.05.2021. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/128658/> (Дата обращения: 19.05.2022)

противоречия, сепаратизм на окраинах страны, постоянно возрастающее техническое и экономическое отставание от страны Европы. В стране был глубокий сельскохозяйственный кризис, лишь малая часть земли обрабатывалась. Также в стране был глубокий финансовый кризис, страна все больше уходила в финансовую кабалу западных стран.

В итоге «больной человек Европы» был не в состоянии обеспечить горцев всеми обещанными благами, что привело к голоду и нищете среди переселенцев. У многих из тех, кто переселялись скорее по экономическим мотивам, появилось желание вернуться обратно, что, однако не соответствовало интересам царской России, которая уже заселила освободившиеся земли.

Так, в 1872 г. переселенцы-черкесы через Посла Российской Империи в Стамбуле Н.П. Игнатьева направили царю письмо, в котором просили разрешения вернуться обратно. На это письмо Александр II наложил резолюцию: «...О возвращении и речи быть не может...» [Бадерхан 2001: 45]. Чеченцы, которые пытались через турецкую границу вернуться обратно, были рассеяны турецкими войсками с убитыми, в ходе чего среди чеченских мухаджиров, которые пытались вернуться обратно, были убитые и раненные [Исакиева, Акиев 2018: 16].

Здесь необходимо сказать, что северокавказские мухаджире не забывали свою историческую родину. Она начала обрисовываться в отдельный миф, который объединял каждую этническую группу в диаспору, которая ставила своей долгосрочной исторической целью – возвращение на Кавказ. Более того, данные «маленькие» диаспоры еще в те времена, помня про свою историческую общность, начала объединяться в единую северокавказскую диаспору. Данному сближению способствовало две объединяющие идеи: возвращение на родину и получение независимости [Gingeras 2011: 4].

Стоит отметить, что, несмотря на определенные препятствия со стороны османских властей, преимущественно

однородные черкесские, чеченские, осетинские селения все-таки возникают, к примеру, часть чеченских селений (пусть уже и неоднородных, существует до сих пор), в которых чеченское население до сих пор помнит свой язык, традиции и национальную кухню [Eser 2019: 604]. Целью данной политики было облегчение ассимиляции горского населения.

Также в 1865 г. 13 648 чеченцев были расселены в Рас-аль-Айне, в нынешней Сирии, для борьбы с бедуинами, численность которых к 1880 г. из-за постоянной борьбы и болезней сократилась до 5 тыс. человек [Бадерхан 2001: 62], часть из них переселилась в области г. Ракки и Дейр-эз-Зор на территории современной САР [Аль-Катии 2018].

Около 500 чеченских семей двинулись в Ирак, где основали квартал в Багдаде, просуществовавший вплоть до 2007 г., когда он был уничтожен в ходе этноконфессиональных стычек суннитов и шиитов в Ираке¹. Стоит отметить, что чеченская диаспора в Ираке наименее изученная тема.

В 1876 г. группа чеченцев во главе с одним из бывших лидеров Имамата Шамиля наибом Саадуллой Оспановым поселились недалеко от г. Менёмен, что вблизи г. Измир в современной Турции [Erdoğan 2022]. Также возможно, что небольшая группа чеченцев была поселена вместе с черкесами на Балканах.

В ходе войны 1877-1878 гг. османы планировали, использовать подразделения, набранные из северокавказских эмигрантов, а также организовать поддержку восстаний на черкесских землях, в Чечне и Дагестане, с целью организации Кавказского фронта против России. Однако восстания на Кавказе 1877 г. были подавлены, а османским войскам не удалось развить наступление на Кавказском фронте. В свою очередь часть солдат чеченских национальных формирований османской армии покидают службу и успешно возвращаются на свою родину, в Чечню, не

¹ Чеченская диаспора Ирака. // ИА «Чечен-Иформ». URL: <https://checheninfo.ru/19495-chechenskaya-diaspora-iraka.html> (Дата обращения: 16.05.2022)

спрашивая разрешения на возвращение у российских властей [Jaimoukha 2005: 53].

По итогам Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был заключен Берлинскому трактату, в котором уделялось место и кавказской проблеме. Согласно нему Османской империи было запрещено использовать в «...в пограничных гарнизонах иррегулярных войск, как-то: башибузуков и черкесов...», кроме того, Трактат требовал обеспечить безопасность армян от черкесов и курдов¹. После заключения трактата, черкесы были вынуждены перебираться в другие районы Османской империи, в том числе на территории современной Восточной Анатолии и Сирии [Jgener 2013: 38].

Здесь также стоит отметить, что последние представители черкесского народа (Черкесская диаспора в Косово) покинули Балканы лишь в результате бомбардировок Югославии в 1999 г., репатриировавшись на землю своих предков.

В общей сложности в тот момент Чечню покинуло от 20 до 50 тыс. человек. При этом попытки северокавказцев вернуться на свою историческую родину пресекались российскими и османскими властями.

После волны миграции 1865 г. отдельные чеченцы продолжали переселяться в различные части Османской империи под предлогом хаджа [Исакиева, Акиев, 2018: 17]. Однако уже в 1870-е гг. XIX в. царские власти стали препятствовать исходу кавказских народов в Турцию, выпуская лишь тех, кто представляется крайне политически неблагонадежным. По мнению С.-Э. С. Бадаева причина этому кроется в необходимости сохранения широкого круга землепашцев, привыкших работать на кавказской почве, а также в стремлении лишить Османскую империю возможности формировать кавказские военные подразделения [Бадаев 2004: 119].

¹ Берлинский трактат 1/13 июля 1878 г. // База данных Исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (Дата обращения: 16.05.2022)

Положение мухаджиров в Османской империи

Чеченцы-мухаджиры, как и другие северокавказцы, столкнулись с рядом проблем при переселении: необходимость заново обжиться, учиться по-новому вести хозяйство, привыкать к новому климату и бороться с нищетой и голодом. Проблема ведения сельскохозяйственных работ была особо важна на территории современных Сирии, Иордании и Ирака, где пустынный климат значительно отличалась от теплого, но не засушливого климата Северного Кавказа.

Параллельно на фоне использования горцев Северного Кавказа в качестве парамилитаристских формирований для борьбы с внутренними угрозами и внешними угрозами происходит кооптация горцев в османскую военную и политическую элиту [Gingeras 2008: 92].

Здесь стоит подчеркнуть, что первые горцы в Османской империи начали появляться задолго до мухаджирства. Так, многие представители османской правящей династии имели черкесские корни, что было связано с тем, что черкешенок похищали, и они попадали в гарем османского султана. В свою очередь султанские жены, укрепляясь при дворе, привлекали на службу своих родственников [Бадерхан 2001: 42].

В этом контексте примечательна история, рассказанная автору статьи, чеченкой, живущей в Москве, А. Зендаки². Она рассказывала, что бабушка матери ее мужа (сирийского чеченца, за которого она вышла замуж) была членом правящей османской династии. В семье мать мужа называли «тэтэ³ ****» (по просьбе интервьюируемого имя скрыто). Бабушка «тэтэ ****» была чеченкой. После падения империи из-за политической нестабильности ее привезли к родственникам (членам диаспоры) в Сирию для обеспечения ее безопасности. Данное семейное предание может свидетельствовать, что родственные связи с

² Из личного архива автора.

³ Одно из обращений к пожилым людям в турецком языке.

правлящей династией имели также и представители чеченской диаспоры.

Также отдельные семьи покидали Северный Кавказ и до мухаджирства по разным причинам. Среди представителей этой «предволны» можно выделить Чечензаде Хасан-пашу, который в 1830-х гг. занимал пост губернатора Синопа и Эрзерума [Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М., Магомедова Р. М., Гусейнова И. С., 2020].

Подробнее стоит также остановиться на роли Шевкет-паши, он не был потомком мухаджиров, а был представителем более ранней волны чеченской эмиграции, родившись в 1856 г. в г. Багдаде. В начале XX в. по поручению султана Абдул-Хамида II был назначен ответственным за прокладку телеграфной линии вдоль Хиджзаской железной дороги [Гарсаев, Гарсаев, Магомедова, Гусейнова 2020]. Для охраны, которой, кстати, массово переселяли чеченцев в Иорданию в 1903-1912 гг. [Арслан 2010: 100], многие из которых поступили на службу в управление Хиджзаской железной дороги и расселились сначала в пригороде Аммана Сувейлихе, еще часть перебрались в поселок Сухна и последняя группа основали поселок Азрак аш-Шишани – Азрак Чеченский в современной Иордании.

После Младотурецкой революции в Османской империи 1908 г. и установления в стране конституционной монархии. Лидирующую роль в новой системе заняла партия «Единство и прогресс». Новое правительство назначило Шевкет-пашу министром обороны Османской империи, данный пост он занимал до 1912 года. После поражения османов в войне против Италии младотурки были временно свергнуты. К власти пришли представители партии «Свобода и согласия», которые назначили министром обороны уже выходец из черкесов Назыма-пашу. В 1913 г. младотурки вернулись к власти.

В новом правительстве Шевкет-паша занял посты великого визиря, военного министра и министра иностранных дел. Однако вскоре был убит родственниками Назыма-паши [Гарсаев, Гарсаев, Магомедова, Гусейнова 2020].

На примере биографии Шевкета Паши, можно увидеть, что выходцы из Северного Кавказа смогли встроиться в османские элиты и контрэлиты, поддерживая разные политические группировки, так Шевкет Паша поддерживал младотурков из «Единение и прогресса», как, кстати, и большинство северокавказцев, что после прихода к власти Ататюрка приводит к значительному недоверию к ним со стороны властей [Bezanis 2004: 75], в свою очередь другие выходцы из Кавказа поддержали либеральную оппозиционную партию «Свободы и согласия».

Стоит подчеркнуть, что различные османские политические партии искали поддержку среди горцев. С одной стороны они видели в мухаджирах часть своей социальной базы в борьбе за политическое влияние, с другой стороны надеялись использовать диаспору в качестве инструмента борьбы с Российской империей.

Младотурецкая партия «Единство и прогресс» также активно эксплуатировала идею о предоставлении горцам Кавказа независимости, что позволило им стать весьма популярной среди северокавказцев [Chochiev 2007: 218-219].

В этот же период начинают формироваться первые северокавказские общественные организации. Первой стала Черкесское общество взаимопомощи, которое объединяло представителей черкесских народов, а также взяло под свою опеку представителей других народов Северного Кавказа [Chochiev 2007: 218]. Данная организация ставила своей целью поддержку представителей Кавказа до появления возможности репатрироваться на родину. Эта же организация оказывала помощь с учебной и научной литературой Горской республики после начала Гражданской войны в России [Chochiev 2007: 219]. При ней же начинает выходить первая черкесская газета «Çerkes Yardimla ma DerneZi» («Черкесская ассоциация помощи») на турецком языке [Wessenlink 1996].

В 1914 г. в Стамбуле был учрежден Комитет народов Кавказа (КНК), который объединял как представителей Северного

Кавказа, так и Закавказья. Целью организации было добиться независимости Кавказа от России и создание общекавказского конфедеративного государства во главе с одним из османских принцев. Однако уже в 1916 г. КНК покидают представители Закавказья, и на его месте образуется Комитет политических эмигрантов Северного Кавказа (КСКПЭТ) в Турции, который вел активную политическую и общественную деятельность с целью реализации своих целей [Чочиев 2014 24]. В 1916 г. КСКПЭТ принял участие в Конгрессе угнетенных народов в г. Лозанна, представителем которого выступил внук имама Шамиля - Саид Шамиль, речь которого была встречена овациями участниками Конгресса [Ершов 2012].

Заключение

Таким образом, на момент 1917 г. в Османской империи сформировалась диаспора мухаджиров и их потомков, объединявшей различные народы Северного Кавказа. Формированию диаспоры способствовало наличие общей памяти об исторической родине горцев, а также единая цель в виде репатриации на Кавказ и создания независимого горского государства. Представители диаспоры активно участвовали в придворной, военной, а следовательно, и в политической жизни Порты, закрепившись в элите страны.

Однако представители диаспоры были вынуждены выполнять полицейские и

парамилитаристские функции, подавляя национальное движение славян, армян, а также регулярно бороться с различными арабскими племенами. Кроме того, Османская империя и мухаджеры сформировали своеобразный симбиоз во внешней политике - османам нужны были горцы, чтоб бороться с Российской империей, а горцам были нужны османы для освобождения Кавказа от Санкт-Петербурга.

Также стоит подчеркнуть, что Османская империя, сулившая мухаджиром счастливую жизнь, не смогла, а может и не захотела выполнять свои обещания. Переселившиеся горцы сталкивались с голодом, лишениями и болезнями, более того, будучи используемыми в качестве вооруженных формирований, многие представители диаспоры погибали, защищая интересы османов, в борьбе с народами Арабского востока, армянами и славянскими народами.

Также диаспора старалась поддерживать связь с Чечней, о чем свидетельствовала ее политическая активность. Необходимо подчеркнуть, что сформировавшиеся в XIX веке диаспора продолжает поддерживать связи с современной Чеченской Республикой, а также с диаспорами на постсоветском пространстве и в Европе, сформировавшихся в результате потрясений XX века. Однако детальное рассмотрение этих вопросов выходит за рамки данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Арслан Я.* Иорданские чеченцы. / Российские соотечественники в Иордании // под ред. Калугин А.М., Барковская Е.Ю., Булгакова И.А., Иванова Л.Б., Калугина Л.И., Новоселов Д.В., Поляков А.А./ Амман, 2010. 236 с.
- Бадаев С.-Э. С.* Некоторые особенности внутренней и внешней политики российского самодержавия после окончания Кавказской войны (на примере дагестанского мухаджирства) / Чечня на рубеже веков: состояние и перспективы, материалы научно-практической конференции (27 марта 2004 г.) // под ред. Б.А. Хазбулатова, Х.Б. Навразова, Р.А. Буралова, Т.И. Серганова. 2 т. Грозный: РОО «ИЦ ЧР», 2004. С. 116-121
- Базоркин М. М.* Дорога заговора и крови. Посвящается 100-летию выселения вейнахов в Турцию / История происхождения ингушей. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. 2002. 290 с.
- Гарсаев Л. М., Гарсаев Х.-А. М., Магомедова Р. М., Гусейнова И. С.* Военная элита Турции из потомков чеченских мухаджиров // Образование и право. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-elita-turtsii-iz-potomkov-chechenskih-muhadzhirov> (Дата обращения: 13.12.2022).

- Ершов В.Ф.* Северокавказское зарубежье 1920-1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социально-культурная специфика. // Архивы и общество: научно-просветительский журнал. 2012. № 22. URL: <http://intercircass.org/?p=2688>
- Исакиева З.С., Акаев Т.Р.* О чеченской диаспоре за пределами России. // Лучшая студенческая статья 2018. сборник статей XV Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2018. С. 91-95
- Солтамурадов М.Д.* Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. И.П. Добаев. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, ЮФУ, 2008.
- Чочиев Г.В.* Турция, Кавказ и северокавказская диаспора во время и после Первой мировой войны // Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сборник статей. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВШЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 21-35
- Bezans L.* Soviet Muslim emigres in the Republic of Turkey // Central Asia Survey. 13:1, 2007. P. 59-180.
- Chochiev G.* On the history of the North Caucasus Diaspora in Turkey // Iran & the Caucasus, Vol. 11, No. 2 (2007), P. 213-226.
- Eser E.* Migration Stories and Lamentations of Circassians and Chechens Migrating from Caucasus to Anatolia // Sure WORK. International Journal Of Humanities And Education (Ijhe). Volume 5. Issue 11. 2019. P. 591 – 606.
- Gingeras R.* Notorious subjects, invisible citizens: North Caucasian resistance to the Turkish national movement in northwestern Anatolia, 1919–23 // International Journal of Middle East Studies. Volume 40. Issue 1. 2008. P. 89 – 108.
- Gingeras R.* The Sons of Two Fatherlands: Turkey and the North Caucasian Diaspora. 1914-1923 // European Journal of Turkish Studies Social Sciences on Contemporary Turkey Complete List. 2011. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/4424>
- Haines J. R.* The inseparable twins, diaspora shishan and chechen wuwahhidun and jihadism in Al-Sham. // The Philadelphia papers. №7. 2014. P. 40.
- Ilginer A.* Turkey and the North Caucasus: an analysis of internal and domestic relations: Master of arts in security studies thesis / Ilginer Ahmet: thesis advisor R. Gingers; Naval Postgraduate School – California, 2013. 176 p.
- Аль-Катии М.* аш-шишан фи карья ас-сифах – аль-джазирас сурия 1913 м. (Чеченцы в деревне Ас-Сифах – Сирийская провинция Аль-Джазира 1913 г.). // Syrian modern history. 2018. URL: <http://bit.ly/2ARKgsE>

REFERENCES

- Arslan Ya.* Iordanske chechency. / Rossijskie sootchestvenniki v Iordanii // pod red. Kalugin A.M., Barkovskaya E.Yu., Bulgakova I.A., Ivanova L.B., Kalugina L.I., Novoselov D.V., Polyakov A.A./ Amman, 2010 – 236 s.
- Badaev S.-E. S.* Nekotorye osobennosti vnutrennej i vneshej politiki rossijskogo samoderzhaviya posle okonchaniya Kavkazskoj vojny (na primere dagestanskogo muhadzhirstva) / Chechnya na rubezhe vekov: sostoyanie i perspektivy, materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (27 marta 2004 g.) // pod red. B.A. Hazbulatova, H.B. Navrazova, R.A. Buralova, T.I. Serganova. 2 t. Groznyj: ROO «IC ChR», 2004 – S. 116-121
- Bazorkin M. M.* Doroga zagovora i krovi. Posvyashaetsya 100-letiyu vyseleniya vejnahov v Turciyu // Istoriya proishozhdeniya ingushej. 1965. Nalchik: Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g. 2002. 290 c.
- Garsaev L. M., Garasaev H.-A. M., Magomedova R. M., Gusejnova I. S.* Voennaya elita Turcii iz potomkov chechenskih muhadzhиров // Obrazovanie i pravo. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-elita-turtsii-iz-potomkov-chechenskih-muhadzhirov> (Data obrasheniya: 13.12.2022).
- Garsaev L.M., Garsaev H.-A. M.* Chechenskie muhadzhiry i ih potomki v istorii i kulture Iordanii. Groznyj: Groznenskij rabochij. 2019 g. 415 s.

Исраилов А. Х. Особенности формирования чеченской диаспоры и политическая роль мухаджиров в Османской империи 1864-1917 гг.

- Ershov V.F.* Severokavkazskoe zarubezhe 1920-1930-h gg. v Turcii, Zapadnoj Evrope i SShA: evolyuciya i socialno-kulturnaya specifika. Arhivy i obshestvo: nauchno-prosvetitel'skij zhurnal. 2012. № 22. URL: <http://intercircass.org/?p=2688>
- Isakieva Z.S., Akaev T.R.* O chechenskoj diaspore za predelami Rossii. Luchshaya studentcheskaya statya 2018: sbornik statej XV Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshenie». 2018. S. 91-95
- Soltamuradov M.D.* Sufizm v kulture narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza / Otv. red. I.P. Dobaev. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNC VSh, YuFU, 2008.
- Chochiev G.V.* Turkiya, Kavkaz i severokavkazskaya diaspora vo vremya i posle Pervoj mirovoj vojny. Kavkaz v gody pervoj mirovoj vojny: geroika i povsednevnost: sbornik statej. – Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2014. – S. 21-35
- Bezanis L.* Soviet Muslim emigres in the Republic of Turkey. Central Asia Survey. 13:1, 2007. P. 59-180
- Chochiev G.* On the history of the North Caucasus Diaspora in Turkey. Iran & the Caucasus, Vol. 11, No. 2 (2007), P. 213-226
- Eser E.* Migration Stories and Lamentations of Circassians and Chechens Migrating from Caucasus to Anatolia. Sure WORK. International Journal Of Humanities And Education (Ijhe). Volume 5. Issue 11. 2019. P. 591 – 606.
- Gingeras R.* Notorious subjects, invisible citizens: North Caucasian resistance to the Turkish national movement in northwestern Anatolia, 1919–23 // International Journal of Middle East Studies. Volume 40. Issue 1. 2008. P. 89 – 108
- Gingeras R.* The Sons of Two Fatherlands: Turkey and the North Caucasian Diaspora. 1914-1923 European Journal of Turkish Studies Social Sciences on Contemporary Turkey Complete List. 2011. URL: <http://journals.openedition.org/ejts/4424>
- Haines J. R.* The inseparable twins, diaspora shishan and chechen wuwahhidun and jihadism in Al-Sham. The Philadelphia papers. №7. 2014. P. 40
- Ilgener A.* Turkey and the North Caucasus: an analysis of internal and domestic relations: Master of arts in security studies thesis / Ilginer Ahmet: thesis advisor R. Gingers; Naval Postgraduate School – California, 2013. 176 p.
- Al-Katii M.* ash-shishan fi karya as-sifah – al-dzhaziras suriya 1913 m. (Chechency v derevne As-Sifah – Sirijskaya provinciya Al-Dzhazira 1913 g.). Syrian modern history. 2018. URL: <http://bit.ly/2ARKgsE>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Исраилов Адам Хамзатович, аспирант Факультета гуманитарных и социальных наук Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы, Москва, Россия, e-mail: adam-kadet@mail.ru.

Adam Kh. Israilov, PhD student, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia, e-mail: adam-kadet@mail.ru.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ / POINT OF VIEW

Научная статья / Research article

Российская школа арабистики и ее преимущества по сравнению с англо-американской

Л. В. Савин

*Международное общественное движение «Евразийское движение», Москва, Россия
E-mail: editor@geopolitica.ru*

Аннотация. В данном эссе будет рассмотрена история российской школы арабистики (исследований в отношении арабского мира в широком смысле) и даны сравнения с работами ученых из Великобритании и США. Краткий анализ позволяет сделать вывод о фундаментальной разнице в подходах двух школ. Если истоки российской школы базируются на любопытстве к экзотической культуре и ее восхищении, то основы западной школы — это рациональные методики, которые имеют двусторонний эффект — позволяют разложить на составные части изучаемый объект и, с другой стороны, осуществлять собственное культурное и политическое влияние. Наука в Британской империи изначально была поставлена на службу политическим интересам и материально поощрялась властью.

Ключевые слова: арабистика, Россия, наука, арабы, исследования, Англия, США, политика.

Для цитирования: Савин Л. В. Российская школа арабистики и ее преимущества по сравнению с англо-американской // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):97-103.

The Russian School of Arabic Studies and its Advantages in Comparison with the Anglo-American School of Arabic Studies

L. V. Savin

*International Public Movement "Eurasian Movement", Moscow, Russia
E-mail: editor@geopolitica.ru*

Abstract. This essay will review the history of the Russian school of Arab Studies (studies in relation to the Arab world in a broad sense) and compare it with the work of scholars from the UK and the USA. A brief analysis allows us to conclude that there is a fundamental difference in the approaches of the two schools. While the origins of the Russian school are based on curiosity about and admiration for an exotic culture, the foundations of the Western school are rational methodologies that have a two-pronged effect - they allow the object under study to be broken down into its constituent parts and, on the other hand, to exert their own cultural and political influence. Science in the British Empire was initially put at the service of political interests and materially encouraged by the power.

Keywords: Arabistics, Russia, science, Arabs, research, England, USA, politics.

For citation: Savin L. V. Russian school of Arabistics and its advantages in comparison with the Anglo-American school // Postsovietkie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2024; 1(7):97-103. (In Russ.)

Первые исследования по арабистике в Российской Империи были начаты по инициативе Петра I в XVIII в., когда он велел сделать первый перевод на русский язык Корана. Правда, тогда был осуществлен перевод с французского, а не арабского языка. При Петре I Антиохом

Кантемиром (был дипломатом и поэтом) была создана первая в России типография с арабским шрифтом и полностью переведен на русский язык Коран.

Первая арабская печатная пресса была основана в 1722 г. в Самаре. В 1754 г. Ломоносов поднял вопрос об учреждении

факультета восточных языков. В 1763 г. был опубликован первый русский перевод «Тысячи и Одной Ночи».

Впервые Коран был напечатан типографским методом в Российской Империи.

Известный русский востоковед Игнатий Крачковский упоминает, что история русского «подхода к арабистике» начинается с университетского указа в 1804 г., поскольку в этом указе говорилось о внедрении преподавания восточных языков в программу высших учебных заведений. В отличие от Западной Европы, где под понятием изучения восточных языков на первом месте стоял иврит, в России тесно интересовались арабским и персидским языками, как языками именно исламского Востока. А после указа 1804 года арабский язык стал основным языком обучения среди всех восточных языков [Крачковский 2015].

В 1817 г. в Санкт-Петербурге был организован «Азиатский музей» (в настоящее время преобразован в Институт востоковедения РАН), основателем которого был один из крупнейших востоковедов того времени Х.Д. Френ (1782-1851 гг.). В 1854 г. в Петербургском университете был создан факультет восточных языков, на котором была организована кафедра арабского языка и словесности. В 1872 г. в Москве возник еще один центр изучения арабского языка — это Лазаревский институт восточных языков. Арабский язык также преподавался в Казани.

Наиболее известными арабистами считаются Агафангел Ефимович Крымский (1871-1941), профессор Казанской духовной академии Гордий Семенович Саблуков (1804-1880), который первым перевел Коран с арабского на русский, Василий Владимирович Бартольд (1869-1930), Игнатий Юлианович Крачковский (1883-1951). Самым крупным арабистом XX в. в России считается академик Крачковский, автор сочинений, открывших читателям не только в России, но и во всем мире сокровища художественной и научной литературы арабов, в том числе новой литературы арабов.

Его труды — классика науки XX в. Их изучают, цитируют, на них опираются, с

ними сверяют свои выводы. Он получил признание не только на родине, но и за рубежом: был избран членом Арабской академии наук в Дамаске, Польского востоковедного общества, Немецкого востоковедного общества, Ассоциации исламских исследований в Бомбее, Иранской академии наук, Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Польской академии наук, Фламандской академии наук, Азиатского института в Нью-Йорке, принимал участие в работе разнообразных международных объединений и комиссий.

Крачковский отказывается от традиционных толкований средневековых комментаторов, поскольку они отражают более позднее понимание текста Корана. Он же ставит перед собой задачу воспроизвести памятник в том виде, в каком он предстал первым его слушателям.

Крачковский посвятил немало времени и сил работе над арабскими рукописями из отечественных и зарубежных собраний, являющимися уникальными источниками для изучения жизни, быта, культуры и письменности арабских народов. Он составил библиографию арабских рукописей, хранящихся в Ленинграде, досконально исследовал редкие арабские рукописи об арабских поэтах Абу-л-Фарадже аль-Вава Дамасском, Абдаллахе ибн аль-Мутаазе и Абу-л-Аля аль-Маари, изучил надписи на коже, найденные на горе Муг в Таджикистане, и на пластинах из бронзы, датированных периодом сабейского царства в Южной Аравии. Его автобиографическая книга «Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях», охватывающая ключевые эпизоды научно-исследовательской деятельности советского ученого, была переведена на ряд иностранных языков, в том числе на арабский, и удостоена Государственной премии (1951) [Малаховская, Малаховский, Савичева 2019].

К середине XX столетия основным направлением в арабистике было изучение географических и исторических сочинений арабских ученых. Начиная с середины XX в. к изучению как отдельных произведений, так и целых сочинений классиков арабской

науки стали обращаться не только арабисты, но и специалисты в области естественных наук: математики, физики, астрономы, философы. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда), крупными центрами арабистики в Советском Союзе были Баку и Ташкент.

Известный историк математики, основатель её советской школы, Адольф Павлович Юшкевич создал первую работу об истории арабской математики. Ей стала «Омар Хайям и его алгебра» (1948). Эта работа положила начало формированию советской (русской) школы в истории физико-математических наук на средневековом Востоке, выделив основные достижения арабоязычной математики.

Одним из учеников Крачковского был Т.А. Шумовский, известный исследованием уникальных арабских рукописей лощмана Васко де Гамы Ахмада ибн Маджида, а также Сулеймана аль-Махри.

Вклад Т.А. Шумовского в развенчивание европоцентристского мифа и, шире, западнцентричного научного взгляда на мир до сих пор недооценен. Именно Шумовский говорил о самостоятельности арабских мыслителей и деятелей. В своей книге «Арабы и море» он писал, что выводы, которые можно сделать из произведений Ахмада ибн Маджуда, а также его предтеч и преемников, особенно "Книга польз" и составленная на ее основе османская Челеби, меняют "укоренившееся однобокое представление об арабах как о сухопутном народе, принципиально важный для точной оценки их громадного вклада в сокровищницу мировой культуры... не только благодаря осознанию того факта, что арабские навигационные своды слишком глубоки и сложны и слишком широко опираются на национальный опыт, чтобы их можно было считать отблеском чужеземной литературы; вывод, возводящий арабов на пьедестал морской нации, покоится и на сопоставлении точек зрения разных ученых, которые, еще не видя мореходных рукописей Ахмада ибн Маджида, уже тем материалом, который они разрабатывали, были приведены, подчас интуитивно, в мысли о былом существовании арабской морской культуры" [Шумовский 2010: 57].

Показательно, что в российской науке кроме Шумовского мало кто занимался темой арабов и моря. Исключением, пожалуй, является работы В.В. Бартольда "Коран и море" и "Работы по истории ислама и Арабского халифата".

Интересным фактом является дружба Шумовского с известным ученым Львом Гумилевым, который продолжал дело евразийцев классического периода и разработал уникальную научную школу. Шумовский и Гумилев были арестованы в 1938 г. по одному делу (нелепое обвинение в антисоветском террористическом заговоре) и сидели в ожидании приговора в одной камере. В своих воспоминаниях Шумовский указывал, что «впервые увидел Леву Гумилева осенью 1934 г. на Васильевском острове, в доме № 68 по 15-й линии. По этому адресу жил академик Василий Васильевич Струве, который нас и познакомил... После того мы встречались несколько раз, и Василий Васильевич нам на дому читал лекции по своей специальности, т. е. по Древнему Востоку... Мы с ними делились воспоминаниями о следствии, трибунале, потом... «А что, ребята, — предложил кто-то, — давайте читать лекции! У каждого из нас есть, что сказать по своей части, есть свой конек, иначе для чего учились?» И пошло новое дело. Не вспомнить всех докладов, но звучат в ушах Левины выкладки о хазарах и сообщение Ники из недавно задуманной им книги «История лошади на древнем Востоке». Я рассказывал об арабской средневековой картографии. Много было вопросов, и высказывались подчас неожиданные суждения — ведь каждый из нас узнавал для себя новое и каждый, истосковавшись по студенческой скамье, спешил «тряхнуть стариной» и показать, прежде всего, себе, что еще не все потеряно... Потом мы встретились с Левою в 1946 году. Я помню, как он ожидал меня тогда, когда я защищал диплом. Потом он меня ожидал, когда я сдавал экзамены в аспирантуру в Академию наук. Затем, в 1949 году, мы повторно оказались в уже знакомых нам местах (но в разных) и опять увиделись только в 1956 году... Позже мы встречались нечасто, в основном, когда он приходил в Институт

востоковедения, где я работал, или в Географическом обществе. Как-то, я вспоминаю, мы встретились в Географическом обществе на первом этаже. Он меня окликнул. Я сказал: «Здравствуй, Лева. Ну, как жизнь?» Он тяжело вздохнул и ответил: «Стареем», тут к нему подошел кто-то и увел его вверх по лестнице на второй этаж, а я подумал: «А стареть-то нам с тобой некогда. Надо усиленно наверстывать то, что мы с тобой не успели сделать из-за разных тяжелых обстоятельств нашей жизни».¹

Таким образом, можно говорить о некотором взаимном влиянии идей Шумовского и Гумилева, что еще недостаточно исследовано даже в России.

Известный современный арабист Владимир Исаев, отмечая важность изучения арабских стран указывал на географическое расположение России - между Востоком и Западом, при этом заметив, что в российских архивах рукописей на арабском языке больше, чем, например, в Саудовской Аравии, что свидетельствует о скрупулезном труде российских ученых за предыдущие двести с лишним лет исследований. При этом Исаев ссылается на важный исторический факт, сравнивая нынешние политические и экономические интересы Западных стран и России к арабскому миру - "мы никогда не были колонизаторами и никогда не стреляли в арабов. Все великие державы этим занимались, а Россия, также являющаяся великой державой, никогда этого не делала" [Традиции отечественной арабистики 2014].

Сейчас традиции российской арабистики в обучении арабского языка продолжают многие университеты России, прежде всего Институт стран Азии и Африки при МГУ и восточный факультет Санкт-Петербургского университета.

Хотя из-за недостаточного финансирования науки и образования, следует признать, что в стране недостаточно профильных молодых специалистов, которые после получения специальности не остаются в науке, а предпочитают идти в

коммерческие организации. Из-за этого возникает дефицит кадров, а часть экспертов не может поддерживать свою квалификацию на должном уровне (командировки за границу осуществляются не регулярно, есть проблема с доступом к современным источникам, особенно это касается политических наук). Частично восполнять этот пробел удается за счет приглашенных профессоров из стран арабского мира и подписанию соглашений между университетами России и других стран.

Тем не менее, если сравнить сложившуюся школу арабистики в России, включая необходимость анализа текущей политической ситуации и постоянного мониторинга, бросается в глаза колоссальная разница в подходах между российской методологией (и целями) и западной школой.

Поскольку формат статьи не позволяет детально описать школы арабистики европейских стран (Германия, Франция, Великобритания), мы ограничимся несколькими показательными авторами.

Например, Уильям Райт (William Wright, 1830-1889) был известным английским востоковедом, специалистом по сирийской литературе и профессором арабского языка в Кембридже. Однако он не так известен, как современные ученые из Британии и США. При этом заметна определенная политизация арабских исследований - британцы и американцы мыслят арабский мир с позиции господствующей силы, что создает комплекс предубеждений, глубоко проникший в научную мысль. Ориентализм и, в особенности, арабистика, проходит в Британии по линии военных и разведки.

Сэр Майкл Скотт Вэйр (Sir Michael Scott Weir, 1925-2006) служил в разведке и BBC Великобритании. Лишь после ухода с военной службы в 1947 г. он стал преподавать в Оксфорде, а в 1950 г. поступил в Министерство иностранных дел стал продвигаться как арабист. В 1990 он основал Британское египетское общество и был его председателем до своей смерти.

Бернард Льюис, который на Западе считается одним из выдающихся ученых по арабской истории, дает особенную интерпретацию событий, которая приводит к

¹ Шумовский Т. Беседы с памятью // URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=4282&t=page>

устойчивому восприятию арабского мира и культуры

Так, в своей книге "Арабы в истории" (The Arabs in History) он, описывая XI в. акцентирует, что «под властью нетерпимых Амольхадов, развязавших религиозные гонения в мусульманской Испании и вынудивших многих евреев искать временное убежище в более либеральной атмосфере христианского Толедо» [Бернард 2017: 150-151].

А потом заявляет, что "мусульмане могли многому учиться у мудрых кафиров других конфессий, но окончательной проверкой истинности урока был шариат, освященный прямым откровением и подтвержденный победами его последователей" [Бернард 2017: 163].

Льюис с сожалением указывает, что индивидуализм у арабов исчез, уступив место коллективизму, что противоречит гуманистическому подходу.

«Атомистический взгляд на жизнь получил свое полное выражение в определенных системах догматического богословия, всеобщее признание которых в той или иной форме ознаменовало окончательную победу реакции над свободным духом размышления и исследования, который и позволил добиться столь великолепных достижений» [Бернард 2017: 165].

Далее он продолжает, что «этот окончательный и сознательный отказ от любой причинно-следственной связи, когда-то общепринятой, положил конец свободе мысли и исследования как в философии, так и в естественных науках и сорвал многообещающее развитие арабской историографии» [Бернард 2017: 166].

При этом Льюис умалчивает другие направления арабско-мусульманской философии, будто атомизм полностью вытеснил все остальные школы.

Важно также отметить, что Бернард Льюис был политическим консультантом и автором специфической карты с предложением разделения региона на основе особых характеристик.

Позже его изыскания популяризировал подполковник армии США Р. Питерс в публикации "Кровавые границы", где более

прямолинейно и императивно предложил изменить политические границы существующих государств².

К сожалению, до сегодняшнего дня подобные интерпретации вместе с оценочными суждениями представлены в работах западных ученых как истины последней инстанции.

Профессор Оксфордского университета Ю.джин Роган в своем бестселлере "Арабы. История" справедливо отмечает, что нужно отдавать предпочтение арабским источникам, так "люда на Западе смогут увидеть историю арабского мира совершенно иначе, если посмотрят на нее глазами самих арабов, людей, которые творили ее" [Rogan 2017: 24].

Однако это мнение осталось лишь пожеланием, поскольку сам автор явно интерпретировал историю арабского мира со своей позиции пусть иногда и симпатизируя некоторым историческим героям своей книги. В главе 7, посвященной действиям Британской империи на Ближнем Востоке он пишет, что "большинство относилось к своим колониальным хозяевам с уважением. Англичане отличались эффективностью, хорошей организацией, высоким уровнем технологического развития и имели сильную армию". Однако, есть ли какие-то свидетельства такого уважения? Известно, что и соглашение Сайкс-Пико, и Бальфурская декларация были осуждены арабским миром. Контроль над политической элитой и создание марионеточных династий еще не означает уважение со стороны всего народа. И последующая череда восстаний и национально-освободительных движений является тому подтверждением.

Передегивание фактов и намеренное использование эмоциональной окраски в работе Ю. Рогана прослеживается в зависимости от его личных симпатий (или политической позиции Великобритании). Про восстание братьев-мусульман в сирийской Хаме он пишет, что "гражданское население убивали без разбора, в том числе детей и стариков" [Rogan 2017: 574].

² Ralph Peters. Blood borders. How a better Middle East would look // Armed Forces Journal, June 2006. <http://armedforcesjournal.com/blood-borders/>

Однако о резне в Сабре и Шатиле в книге не говорится ни слова, да и другие преступления Израиля против палестинцев даны довольно в сжатой форме. Хотя по своему объему она позволяет дать эти сведения хотя бы на пол страницы.

Аналогичная избирательность заметна и в описании "арабской весны". Хотя автор упомянул подавление протестов в Бахрейне и кризис в Йемене, довольно странно читать о Ливии "под диктатурой Муаммара Каддафи с ее почти полным отсутствием государственных институтов" [Rogan 2017: 609]. О других монархиях или бессменных правителях в книге так не говорится. И не странно ли говорить об отсутствии государственных институтов в отношении страны, которая многие годы была довольна успешна как во внутренней, так и внешней политике?

Наконец, в завершении книги Юджин Роган восхищенно говорит о Тунисе, где "демократический эксперимент отвечает интересам как арабского мира, так и мира в целом" [Rogan 2017: 724]. Но этот эксперимент оказался неудачным и уже привел к очередной диктатуре.

Данный краткий обзор позволяет сделать вывод о принципиальных отличиях

в подходах российской и западной (англо-саксонской) школы арабистики. Также широкой общественности в арабском мире мало известны достижения российских ученых, что создает определенны дисбаланс при выборе информации. Труды современных российских политологов, культурологов, антропологов и экспертов из других сфер практически не переводятся на арабский язык, что ограничивает диалог между странами и народами. При нынешнем повороте России к Востоку остается надеяться, что не будет забыт и Ближний Восток (хотя этот термин имеет колониальное англо-саксонское происхождение), а страны арабского мира в новых условиях формирующейся многополярности также будут более внимательно следить за развитием российской науки в ее многогранности и междисциплинарных формах выражения. Определенно многие труды как советских, так и современных российских ученых, найдут горячий отклик у арабского научного сообщества и широких интеллектуальных кругов по причине своего беспристрастного анализа, проявленного уважения к истории арабского (и мусульманского) мира и открытого диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Крачковский И.Ю.* Труды по истории и филологии христианского Востока / И.Ю. Крачковский, А.А. Долинина // Ин-т вост. рукописей РАН ; ИМЛИ РАН ; Вост. фак. СПбГУ. М. Наука Вост. лит. 2015.
- Малаховская В. В., Малаховский А. К., Савичева Е. М.* У истоков российской арабистики: академик Игнатий Юлианович Крачковский // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 290-300.
- Шумовский Т.А.* Арабы и море. М. Издательский дом Марджани. 2010. с. 192.
- Тюкаева Т.И.* Традиции отечественной арабистики. Интервью с Владимиром Исаевым, институт востоковедения РАН / Т.И.Тюкаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. №3. 2014. С. 177-186.
- Бернард Л.* Арабы в мировой истории. С доисламских времен до распада колониальной системы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. с. 223.
- Rogan E.* The Arabs. A History. NY: Basic Books. 2017. p. 608.

REFERENCES

- Krachkovskij I.Yu.* Trudy po istorii i filologii hristianskogo Vostoka / I.Yu. Krachkovskij, A.A. Dolinina // In-t vost. rukopisej RAN ; IMLI RAN ; Vost. fak. SPbGU. M. Nauka Vost. lit. 2015.
- Malahovskaya V.V., Malahovskij A.K., Savicheva E.M.* U istokov rossijskoj arabistikii: akademik Ignatij Yulianovich Krachkovskij // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 68. S. 290-300.
- Shumovskij T.A.* Araby i more. M. Izdatelskij dom Mardzhani. 2010. s. 192.

Tyukaeva T.I. Tradicii otechestvennoj arabistiki. Intervyu s Vladimirom isaevym, institut vostokovedeniya RAN / T.I.Tyukaeva // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. №3. 2014. S. 177-186.

Bernard L. Araby v mirovoj istorii. S doislamskih vremen do raspada kolonialnoj sistemy. M.: ZAO Centrpoligraf, 2017. s. 223.

Rogan E. The Arabs. A History. NY: Basic Books. 2017. p. 608.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Савин Леонид Владимирович —
руководитель администрации
Международного общественного движения
«Евразийское движение», главный редактор
информационно-аналитического издания
Геополитика. Москва, Россия. E-mail:
editor@geopolitica.ru

Leonid V. Savin - head of the
administration of the International Social
Movement “Eurasian Movement”, chief editor
of the Geopolitica.ru. Moscow, Russia. E-mail:
editor@geopolitica.ru

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

Рецензия / Review

Рецензия на книгу: Ризоён Ш., Гиёсов М. Афганистан до и после возвращения Талибан¹. Душанбе: Дониш, 2023. 508 с.

К. П. Курылев

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы, Москва, Россия
ORCID: <https://0000-0003-2771-1817>; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Аннотация: В материале рассматривается книга, посвященная переломному моменту в современной истории Афганистана, произошедшему после 15 августа 2021 г., т.е. второму приходу движения Талибан к власти. В исследовании представлен анализ и оценка ситуации в Афганистане до и после этих событий: интересы внешних игроков, будущее радикальных групп, межафганский мирный процесс (2015-2021 гг.), итоги года пребывания Талибан у власти в Афганистане. Авторы рассматривают место Афганистана во внешней политике государств Центральной Азии: политика, подходы и ожидания Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в нынешних реалиях; развёрнуто раскрывается политика Душанбе в отношении Талибан. Показаны основные вызовы и угрозы для государств Центральной Азии, исходящие от талибанского Афганистана. Авторы проанализировали политику и подходы США, России, Пакистана, Ирана, Турции и Китая в период падения республики и пришествия Талибан к власти, обозначили интересы Талибан в отношениях с этими странами. В книге приводится анализ результатов Гератского диалога по безопасности, который состоялся в Душанбе 29-30 ноября 2022 г.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, Центральная Азия, Россия, США, Китай, Иран, Пакистан, Турция.

Для цитирования: Курылев К. П. Рецензия на книгу: Ризоён Ш., Гиёсов М. Афганистан до и после возвращения Талибан. Душанбе: Дониш, 2023. 508 с. // Постсоветские исследования. 2024; 1(7):104-108.

BookReview: Rizoyon Sh., Giyosov M. Afghanistan before and after the return of the Taliban . Dushanbe: Donish, 2023. 508 с.

Konstantin P. Kurylev

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://0000-0003-2771-1817>; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Abstract: The contribution discusses a book devoted to the turning point in the modern history of Afghanistan after 15 August 2021, i.e. the Taliban's second rise to power. The study presents an analysis and assessment of the situation in Afghanistan before and after these events: the interests of external players, the future of radical groups, the inter-Afghan peace process (2015-2021), and the outcome of the Taliban's year in power in Afghanistan. The authors examine the place of Afghanistan in the foreign policy of Central Asian states: the policies, approaches and expectations of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan in the current realities; Dushanbe's policy towards the Taliban is revealed in detail. The main challenges and threats to the Central Asian states emanating from Taliban Afghanistan are shown. The authors analyzed the policies and approaches of the USA, Russia, Pakistan, Iran, Turkey and China during the fall of the republic and the Taliban's rise to power and outlined the Taliban's interests in relations with these countries. The book provides an analysis of the results of the Herat Security Dialogue held in Dushanbe on 29-30 November 2022.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Central Asia, Russia, USA, China, Iran, Pakistan, Turkey.

¹ Организация в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

For citation: Konstantin P. Kurylev. Book review: Rizoyon Sh., Giyosov M. Afghanistan before and after the return of the Taliban. Dushanbe: Donish, 2023. 508 c. // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2024; 1(7):104-108. (In Russ.)

Ситуация в Афганистане и вокруг него постоянно находится в центре внимания политиков, дипломатов, мировых СМИ, ученых, общественных деятелей. По вопросам урегулирования ситуации в Афганистане регулярно проводятся конференции, на которых обсуждаются различные вопросы, связанные как с внутренней ситуацией в стране, так и международная составляющая. По этой теме публикуется огромное количество статей, книг, научных докладов. В этой связи хочется обратить внимание на недавно вышедшую книгу известных таджикских экспертов: старшего научного сотрудника Академии наук Республики Таджикистан, кандидата политических наук – Шерали Ризоёна и эксперта Комитета по религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан Махмуда Гиёсова «Афганистан до и после возвращения «Талибана».

Эта работа обращает на себя внимание тем, что в ней рассматриваются важнейшие события в новейшей истории Афганистана, как в период перед вторым приходом талибов к власти, так и в последующие годы, а также влияние деятельности нового правительства на соседние страны. Особое внимание к Афганистану приковано со стороны научного сообщества его непосредственных северных соседей - Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана.

Книга представляет собой сборник тематических статей, как опубликованных авторами ранее, так и не вышедших в свет, оставшихся на бумаге заметками, написанными в период с 2000 по 2022 гг. а также выступлений на конференциях, о чем сказано во введении. Этим и интересна эта работа, в которой можно проследить эволюцию позиции авторов по рассматриваемым ими вопросам.

Авторы отмечают, что страны Центральной Азии имеют различные установки по вопросу развития отношений с Афганистаном, учитывая экономическую целесообразность этих отношений.

Интерес научного сообщества Таджикистана к афганской проблематике вполне объясним. Это не просто два соседних государства. В Таджикистане чувствуется сопричастность ко всему происходящему в Афганистане, где этнические таджики составляют 46% населения. Кроме того, народы связывает этнокультурная общность, что объясняет инициативы Душанбе по созданию инклюзивного правительства с участием таджиков, что отклоняется афганскими властями.

Приход к власти движения Талибан 15 августа 2021 г., формирование переходного правительства Исламского Эмирата Афганистан - все это поставило на повестку дня проблему способов и методов выстраивания отношений с Кабулом, обратило на себя внимание представителей научных кругов Таджикистана, которых волновали такие вопросы как будущее не только своей страны, но и осмысление реальных и потенциальных угроз и вызовов для стран региона и, прежде всего, государств Центральной Азии.

Чтобы понять современную ситуацию в Афганистане, авторы вполне резонно обращаются к ретроспективным сюжетам начала XXI в., когда движение Талибан получило власть в стране.

Итогом военного конфликта, начатого США и возглавляемой НАТО Международными силами содействия безопасности (ISAF), в соответствии с резолюцией № 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г.), поддерживаемыми сначала Северным альянсом, а затем новым правительством Афганистана, и исламистской организацией «Талибан», контролировавшей до этого большую часть Афганистана стала передача власти движению Талибан, признанного террористической организацией во многих странах мира, что вызывало явную обеспокоенность правительства Таджикистана. Необходимо было решить массу вопросов, связанных с политическим

взаимодействием, экономическим сотрудничеством, а также выстраиванием диалога не только с региональными лидерами - Ираном, Пакистаном, Индией, а также арабскими странами, но и с Россией, США, Китаем, ЕС и другими государствами. Все эти вопросы находятся в центре внимания авторов книги.

Материал книги распределен на пять разделов. В первом разделе «Анализ и оценка ситуации в Афганистане» авторами анализируется ситуация в Афганистане до и после 15 августа 2021, отмечается, что для понимания «ситуации в Афганистане важно осознать предпосылки событий, что имеет серьезное значение для понимания и прогнозирования возможного развития ситуации» [Ризоён, Гиёсов 2023: 17].

Рассматривая внешние факторы, авторы ставят политику Великобритании, СССР и США в Афганистане на одну планку. По мнению авторов, присутствие ограниченного контингента советских войск в Афганистане явилось интервенцией [Ризоён, Гиёсов 2023: 21], что не соответствует действительности.

В действительности ввод Ограниченного контингента советских войск был осуществлен опираясь на статью 4 Советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., статью 51 Устава ООН и неоднократные просьбы правительства ДРА об оказании военной помощи.

Это непростой вопрос, и было бы несправедливо давать идентичные оценки политике Великобритании, СССР и США в Афганистане. Кроме того, по мнению авторов, результаты деятельности и Великобритании, и СССР, и США в Афганистане привели «либо к зависимому и неустойчивому правительству, либо к сохранению ситуации в полукризисном положении». Именно вскоре после вывода войск Советского Союза из Афганистана, центральное правительство Афганистана было низложено, и к власти пришли Талибы. А США и их союзники не смогли, или не захотели полностью ликвидировать вооруженные силы оппозиционных групп центрального правительства Афганистана», что, по мнению авторов, подтверждает, что цели и США и СССР были идентичны в

стране.

Нельзя не согласиться с мнением авторов, которые обращают внимание на такой фактор, как воспитание политической элиты в западных университетах, которые при возвращении «выступая в качестве игроков политического поля вынуждены принимать во внимание правила устоявшейся игры, и даже при желании не могут разработать и внести в ней изменения» [Ризоён, Гиёсов 2023: 18], подчеркивая тем самым внешнее влияние на правительство и его несамостоятельность.

Несомненный интерес представляют сюжеты, посвященные внешней политике, интересам и роли США, России, Ирана, Пакистана, Китая в Афганистане. Авторы приходят к выводу, что эти государства вряд ли «откажутся от своих стратегических целей в пользу достижения и упрочения мира и стабильности в Афганистане» [Ризоён, Гиёсов 2023: 38]. При знакомстве с этими разделами, ощущается некоторый перекосяк в сторону положительной оценки политики США в Афганистане [Ризоён, Гиёсов 2023: 28-32].

Интересен второй раздел работы «Афганистан во внешней политике государств Центральной Азии», в которой рассматривается целый комплекс вопросов, связанных с позицией стран Центральной Азии по вопросам взаимодействия с Афганистаном. Основное внимание уделено позиции Таджикистана, который имеет с Афганистаном «вторую по протяженности (после Пакистана) границу с Афганистаном, и сегодня северные провинции этой страны полностью контролируются «Талибаном» [Ризоён, Гиёсов 2023: 223]. Таджикистан наиболее близок Афганистану, прежде всего в этноконфессиональном плане, таджики являются второй по численности этнической группой современного Афганистана, составляя по разным данным от 11 до 18 млн человек. В то же время сохраняется проблема афганских беженцев в Таджикистане. Термин «беженец» в Таджикистане отождествляется только с выходцами из Афганистана, поскольку в течение последних 20 лет они составили более 98% поступающих в страну беженцев. [Ризоён, Гиёсов 2023: 225]. На сегодняшний момент в

стране зарегистрировано примерно 6,8 тыс. беженцев из Афганистана¹. Политика Таджикистана по этому направлению получила высокие позитивные оценки как со стороны представителей ООН, так и общественных деятелей Афганистана. Правительство Таджикистана является первой страной в регионе, которая подписала и ратифицировала Женевскую конвенцию 1951 г. по защите прав беженцев [Ризоён, Гиёсов 2023: 226].

Таджикистан беспокоит будущее политическое устройство, административно-территориальное устройство Афганистана, о чем справедливо отмечают авторы данной книги. Главный вопрос, который больше всего волнует официальный Душанбе – это влияние нестабильной ситуации в Афганистане на регион и мир в целом. В связи с этим, изменения в военно-политической ситуации в Афганистане после вывода американских войск, имеют крайне важный характер для Таджикистана, тогда как военное присутствие США и их союзников в Афганистане, в соседних регионах, в особенности в Центральной Азии [Ризоён, Гиёсов 2023: 151], по мнению авторов, являлось «фактором обеспечения стабильности и безопасности, а также сдерживало распространение терроризма».

Говоря о беспокойстве правительства Таджикистана по поводу ситуации в Афганистане, авторы обращают внимание на ключевые приоритеты по вопросам стабилизации ситуации в стране – это стабильная и безопасная страна (минимизация всех существующих сегодня угроз); наличие неидеологизированного правительства; сокращение угроз, связанных с контрабандой оружия и наркотиков, которые выступают в качестве источников финансирования деятельности радикальных групп и организованной преступности; дипломатическая поддержка таджиков и всех

других персоязычных народов Афганистана, а также ослабление геополитической конкуренции глобальных и региональных держав в Афганистане, что даст возможность для стабильного и мирного развития этой страны [Ризоён, Гиёсов 2023: 231].

Третий раздел посвящен изучению проблем безопасности, связанных прежде всего, с возникновением и деятельностью международных террористических организаций, таких как ИГИЛ², Движение Талибан Афганистана³, Аль-Каиды⁴, Исламского движения Узбекистана⁵ и др. Авторы отмечают, что нестабильность в странах Ближнего Востока возникла, прежде всего, в результате вторжения США и его союзников в Ирак, и после вывода западных войск из Ирака в 2011 г., что способствовало быстрому развитию экстремизма и терроризма, имеющих характер «порождения конфликтности» и непредсказуемости.

Особое внимание по борьбе с экстремизмом и терроризмом авторы уделяют превентивным мерам, в которых важное место отводится сотрудничеству специальных органов государств Центральной Азии с силовыми структурами Афганистана, направленные на уменьшение влияния ИГИЛ в Центральноазиатском регионе. Среди превентивных мер авторы уделяют особое внимание укреплению национального государства, объединяющего интересы и потребности населения вне зависимости от их этнической и религиозной принадлежности; решению проблем, связанных с обеспечением рабочих мест для молодежи; реализация потенциала религии в борьбе с экстремизмом, прежде всего, выстраивая грамотные формы взаимодействия правительства с религиозными структурами; совершенствование использования информационно-коммуникационных

¹ Стало известно, сколько афганских беженцев в Таджикистане // SPUTNIK Таджикистан. 09.06.2023. URL.: <https://tj.sputniknews.ru/20230609/afghanistan-bezhentsy-tadzikistan-prichiny-migratsii-usloviya-1057642068.html> (Дата обращения 20.01.2023)

² Организация в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

³ Организация в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

⁴ Организация в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

⁵ Организация в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

технологий, веб-технологий
правительственными и иными структурами, которыми прекрасно владеют молодые люди, особенно те, кто получал профессиональное образование в западных учебных заведениях; отстранение от поля столкновения интересов мировых держав. По мнению авторов, при условии разрушения стратегической основы стабильности международной безопасности, внутренние политические, экономические, социальные, культурные и в какой-то мере военные уязвимости могут создать почву для того, чтобы внешний фактор сыграл значительную роль в формировании кризиса. [Ризоён, Гиёсов 2023: 294-295].

В четвёртом разделе «Афганистан в политике глобальных и региональных держав» авторы рассматривают политику таких стран как США, России, Пакистана, Ирана, Турции, Китая на афганском треке внешней политики, прогнозируя сохранения присутствия каждого государства с учетом своих интересов.

Наконец, в пятом разделе авторы рассказывают об итогах Десятого Гератского диалога по безопасности в Душанбе. Обращается внимание на то, что Итоги дискуссий на панельных сессиях Гератского диалога показывают, что нет ясного понимания «инклюзивной системы политической власти» как среди афганских экспертов и интеллектуалов, так и среди экспертов из внешних вовлеченных держав.

Внимательно ознакомившись с книгой, хотелось бы отметить, что книга Шерали Ризоёна и Махмуда Иёсова «Афганистан до и после возвращения «Талибана» представляет значительный интерес для всех исследователей, кто занимается данной проблематикой, содержит много интересного материала. Оригинальный и всесторонний взгляд на проблему известных таджикских ученых имеет большое значение для лучшего понимания ситуации в Афганистане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ризоён Ш., Гиёсов М. Афганистан до и после возвращения Талибан. Душанбе, 2023.

REFERENCES

Rizoyon Sh., Giyosov M. Afghanistan before and after the return of the Taliban. Dushanbe, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Курылев Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru.

Konstantin P. Kurylev, DSc in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru.